

М. А. ФИЛИНА

ГРУЗИНО-ПОЛЬСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
XIX-XX ВЕКОВ

ТБИЛИСИ 1991

М. А. ФИЛИНА

ГРУЗИНО-ПОЛЬСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
XIX-XX ВЕКОВ

Издательство Тбилисского университета

Тбилиси 1991

В монографии грузино-польские литературные взаимосвязи впервые изучаются как комплексная литературоведческая проблема. Восстановлена и исследована целостная картина литературных контактов двух народов на протяжении XIX-XX веков. Проанализированы различные аспекты и этапы взаимосвязей: от эпизодических встреч представителей двух народов до глубокого интереса деятелей грузинской и польской культуры, взаимного постижения и проникновения литератур. Выявляется первостепенное значение литературных взаимосвязей для всех уровней контактов грузинского и польского народов.

Редактор И.С.Богомолв

Рецензенты Г.М.Гиголов

Дж.Ш.Челидзе

© Издательство Тбилисского университета, 1991

☉ 4702170101

608(06)-91

ISBN 5-511-00660-x

В В Е Д Е Н И Е

В современном мире межнациональные отношения занимают умы человечества на всех уровнях - от строго научного до личного, и изучение их механизма в самых различных рекурсах обрело особую остроту.

При все более резко обозначающейся тенденции к конфронтации, к "сведению" исторических счетов между народами, принимающему угрожающий для человеческого сообщества характер, нам кажется плодотворным исследование неповторимого в каждом случае пути народов к взаимному постижению и сближению. Такие попытки тем более актуальны, что сегодня обнаруживается необходимость нового взгляда на некоторые, казалось бы, изученные явления. Столь же нелепая, сколь и непреодолимая еще совсем недавно установка придерживаться "табел о рангах" в контактах между народами (такие-то признать братскими, такие-то развести по разную сторону баррикад) наложила несомненный отпечаток на многие работы в области взаимосвязей.

Отметим, что в изучаемом нами конкретном случае идеологическая регламентация и в установлении отношений между грузинским и польским народами, и в их изучении приходится на период после второй мировой войны. Исследование XIX века не сковано догмами, но оно стало возможным довольно поздно, так как на многие вопросы контактов поляков и грузин был наложен запрет. Это касается тех связей между представителями двух народов, которые определялись высочайшей волей. Некоторые события и сюжеты из связей двух народов были вызваны к жизни нравами и законами своего времени - обыкновением самодержавия рас-

порядкаться разными способами жизнью людей, чья деятельность стала объектом нашего исследования.

Нам представляется, что изучение взаимосвязей XIX века в данном случае не менее актуально, нежели связей века XX-го. Во-первых, мы обращаемся к истокам процесса, во-вторых, XIX столетие предложило такие повороты в развитии событий, которые придадут иной масштаб и даже некоторую уникальность отношениям грузинского и польского народов.

В многообразии пересечений интересов различных этносов особо выделяются контакты, которые не были обусловлены ни географическим соседством ни изначальной близостью культур, ни искусственным их сближением, ни даже попыткой стирания национальных различий.

Грузино-польские контакты возникли из взаимодействия самых разнонаправленных сил. Можно утверждать, что ни с одной западнославянской страной Грузия не имела на протяжении XIX века столь интенсивных реальных встреч и духовных сопряжений, как с Польшей. XX век дал качественно иные формы, и в то же время традиции предшественников были естественно продолжены, поэтому для создания общей панорамы и изучения диалектики отношений мы не можем ограничиться одним столетием и постоянно пересекаем его пределы.

Политические, торгово-экономические и культурные связи существовали и ранее, начиная с XV века, но постоянное общение возникло тогда, когда обе страны фактически оказались в составе Российской империи.

Первопричиной несомненного взаимного интереса стала ярко выраженная тяга обоих народов к национальной независимости.

сти и борьба за нее. Еще одним фактором, на который ранее не обращали внимания, является особое положение обеих стран: Польши как самого восточного из католических государств, находящегося на границе с православием и протестантством, и Грузии (вместе с Арменией), окруженной огромным мусульманским океаном. Безусловно, нельзя сравнивать положение христианской страны в христианском мире и окружение стран с принципиально иной верой. Тем не менее и грузины, и поляки ощущали особенность своего географического положения, некую историческую миссию, необходимость постоянной борьбы ради самосохранения и развития. Возможно, отдаленное сходство пограничного геополитического положения определило действительность притяжения и духовного родства поляков и грузин.

Позже на сцену выходят исторические обстоятельства. Стремление к свободе и насильственное подавление вольнолюбивых порывов подкрепили желание постичь духовную жизнь друг друга. Как было отмечено, XIX век предложил неожиданные формы общения. Не совместные симпозиумы, декады и дни культуры, которые принес с собой век XX-й, становились толчком для нового этапа знакомства. Фигурами, лично осуществлявшими общение поляков и грузин, стали политические ссыльчане.

Изучение грузино-польских связей погружает в поток жизни со своими драматическими вехами, взлетами и спадами, когда внимание отвлекается на иные события, с моментами переключки и притяжения через необозримые расстояния. Мы имеем дело с постепенно входящим в кровь, кровью (через восстания, заговоры, ссылку) скрепленным взглядыванием лучших предста-

вителей народов друг в друга, сближением с каждым новым фактом, включенным в этот водоворот взаимосвязей.

В итоге феномен "грузино-польские общественно-культурные контакты" стал целым организмом со своими законами функционирования, миром реальных персонажей, внезапно возникающих и исчезающих из поля зрения, причастных к общему процессу всей судьбой или случайным эпизодом.

Грузино-польские связи на всех уровнях, естественно, не были контактами между значительными пластами народных масс. И тем не менее в данный процесс включены тысячи лиц, часто волею судьбы оказавшихся в центре событий (это сосланные участники восстаний и заговоров, рекруты, ссыльные поляки - наполеоновские солдаты). Они в основном не оставили в истории своих имен, но определили плотность, густоту процесса, атмосферу, в которой создавались связи иного уровня. Среди участвовавших в пересечении культур всего несколько профессиональных литераторов. Оставившие след в истории контактов двух народов за редким исключением не оценивали своей роли в истории культур. Каждый поляк и грузин, вносящие свой лепту в расширение взаимосвязей, действовали из разных побуждений. Однако некоторые осознавали, что приближение соотечественников к духовной сокровищнице иного народа, с которым они столкнулись, расширяет кругозор и приобщает человека к разным формам культурного сознания. Изучение в хронологическом порядке текстов, так или иначе отражающих соприкосновение двух культур, позволяет проследить, как накопление знаний приводит в определенные моменты к качественно иному взгляду на бытие изучаемого народа.

Чаще всего фигуры, причастные к взаимному постижению грузинской и польской культуры, несут на себе печать трагедии. Это в первую очередь политические ссыльные, пострадавшие за идейные убеждения или антисамодержавные действия. Среди них выделяется большая группа поляков, сосланных на Кавказ между восстаниями 1830 и 1863 года. Здесь мы имеем дело с удивительным явлением. Представители народа, который массово ссылали, создали филиал своей литературы в месте изгнания, были дружески приняты в край ссылки и включились в его изучение. Оказавшись оторванными от родины, они воплощали нереализованные возможности, обратившись к стране своего преобывания. Их деятельность прямо связана с резкими поворстами личной судьбы. Поэтому вокруг грузино-польских контактов действует сильное эмоциональное поле. Судьбы участников процесса проступают сквозь их дела, и вне ощущения этого заряда надежд, несбывшихся мечтания и отчаянных действий невозможно представить сути взаимосвязей. Их история слита с человеческими характерами, страстями и поступками.

Значительная часть тех, с кем связаны основные вехи означенного процесса, отличались высоким интеллектом. Один из существенных его моментов - участие личностей многогранных, одаренных, а порой - прямо или косвенно - центральных фигур своей эпохи.

Естественно, ни один, из создававших новые формы взаимосвязей не мог осознать контуров и масштабов всего феномена, который ныне обозначается как "грузино-польские контакты." Каждый из причастных занимался конкретным делом: переводами, популяризацией, созданием художественных произведений, в ко-

торых оскислялась жизнь иного народа, этнографическими описаниями, живописью, научными разысканиями и т.д. Но без конкретной лепты поляка или грузина, стремившегося познать для себя жизнь нового края и познакомиться с ним соотечественников, не возник бы тот органический сплав, существование которого несомненно.

Скорее всего не зная деталей, Б.Пастернак художественным чутьем связал Грузию, которая была частью его существа, и Польшу, где он никогда не был:

С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обзих роднит (I,436)[†]

Естественно, вокруг проблемы грузино-польских контактов имеется обширная литература на грузинском, польском и русском языках. Она состоит из массива текстов, переводов, мемуаров, эпистолярного наследия, дневников, то есть первоисточников, и литературы, освещающей данное явление. В общей сложности работ, включенных в орбиту исследования и изученных нами, около тысячи.

Не все они носят сугубо литературный или литературоведческий характер. Грузино-польские связи многомерны, они подразумевают общественно-политические, экономические, исторические, естественно-научные и иные интересы. Однако литера-

---

[†] Первая цифра в скобках означает порядковый номер источника в примечаниях, запятой отделена страница. Точкой с запятой в ссылках отделяем источники между собой. Архивные материалы имеют иную нумерацию — трехзначную. Их список приведен в конце примечаний.

тура, как одна из высших ипостасей духовной жизни, пронизывает и как бы фокусирует в себе все сферы пересечений. Порою трудно вычленить собственно литературное начало из иных: почти все лица, оставившие след в истории контактов, причастны к литературным занятиям. Помимо того, исключительно важная роль литературы в XIX веке и как концентрата духовных возможностей нации, и средоточия идейной и эмоциональной жизни народа, и как источника информации, выдвигает литературные связи на первый план.

Исследователями — нашими предшественниками была проделана огромная работа по составлению биографий и библиографий, обзору материала, выявлению и сбору текстов (в архивохранилищах и труднодоступных изданиях). Советскими и польскими учеными поставлены и освещены многие вопросы, прямо или косвенно связанные с грузино-польскими взаимосвязями. Данная проблема отчасти освещена в кандидатских диссертациях, по конкретным вопросам имеются подробные статьи. Литература, связанная с темой: как источники, так и критический материал, проанализирована в соответствующих частях работы.

Мы берем на себя задачу впервые воссоздать и исследовать целостную картину контактов за два века — от времени возникновения постоянных связей до наших дней. Мы выявляем факторы и внутренние мотивы разного характера, определившие сам характер развития грузино-польских взаимоотношений, высвечиваем роль литературы в общественно-политических контактах, изучаем генезис и динамику развития взаимосвязей двух народов, определяем моменты воздействия литературы на уровне художественной ткани конкретных текстов. В работе изучен

связи рассматриваемого процесса с русской литературой, выявлена их роль в культурном контексте эпохи.

Принципиальное решение по построению работы определено качественной разнородностью материала и его обилием. Безусловно, можно было избрать и иной ракурс освоения всего массива текстов, и иную архитектонику. Все формы соприкосновения грузинского и польского народов, включенные в культурные контакты и представляющие интерес для литературоведения — от судеб смысловых и возникшего духовного союза между грузинской и польской интеллигенцией до собственно литературных явлений — не вмещаются в монографическое исследование, и ни одна работа не может претендовать на монументальную завершенность.

Мы избрали данное соотношение частей по следующим причинам: для воссоздания целостной картины необходимо освоить и проанализировать весьма разноаспектный материал, и лишь в этом случае возможно комплексно осветить масштабы и значение всего явления. То, что объединено понятием литературных взаимосвязей, включает целую систему уровней. В данном случае нас интересует роль литературных контактов в установлении отношений между народами в целом, особенности развития контактов, те события и внутренние пружины, которые привели к возникновению именно таких форм литературных взаимосвязей.

Следующим уровнем является художественный и публицистический текст, вызванный к жизни встречей литераторов — представителей двух народов. Мы рассматриваем его общественное значение, особенности тематики, в частности, ее расширение за счет инонационального материала. Анализ текста подчинен выявлению тех черт, которые обусловлены пересечением разных

национальных литературных традиций, возникновение которых возможно лишь на стыке культур.

Особой областью наших интересов является перевод как важнейшая форма общения. Часть переводов ныне имеет лишь историко-культурное значение, их мы изучаем как явление культурного процесса, имевшее пропагандистское, просветительское значение. Отталкиваясь от этих, ранних опытов, мы переходим к переводам, которые выполнены уже на ином этапе контактов и могут быть проанализированы со всей строгостью, независимо от их просветительского значения.

Такое осмысление проблем, имеющих филологическую ценность, требует многомерного методологического подхода и разных типов литературоведческого изучения. В работе проводится типологическое сопоставление, аналитический и библиографический обзор, историко-биографическое исследование, историко-литературный анализ, исследование различных структурных уровней текста.

Мы вводим в научный оборот ряд архивных материалов: из личных фондов (М. Туманишвили - Центральный государственный архив Грузии, из фонда Ю. Крашевского - Ягеллонская библиотека, Б. Пастернака - Центр по исследованию национальных отношений АН Грузии и др.), а также неизвестные ранее тексты из альманахов середины XIX века.

Рассматривая качественную эволюцию грузино-польских контактов, следует учитывать, что это процесс постоянно развивавшийся, и представленное в нашей работе явление вписано в стремительно изменяющийся мир. На нынешнем этапе грузино-польские литературные контакты, освобожденные от некоторой

официальности и регламентированности, сопровождавших их в последние десятилетия, могут получить раскованное дыхание.

Динамичность рассматриваемого процесса не означает того, что сегодня нельзя сделать выводов об основных тенденциях, направлениях и достижениях в грузино-польских литературных контактах, и они сделаны в нашей работе.

Нами избран такой ракурс исследования, который позволяет проанализировать определенные этапы пути, конкретные формы контактов. Тема освоения поляками и грузинами некоторых авторов освещена монографически.

Однако изучая пересечения двух народов, приходишь к выводу, что они так же индивидуальны и неповторимы, как отношения между людьми. В одних случаях они остаются поверхностными, в иных натянутыми. Грузино-польские сопряжения можно определить как глубинную тягу двух далеко расположенных стран.

Мы пошли по пути следования за цепью фактов и событий. Жизнь множества участников процесса в сплетении с их деятельностью, литературным творчеством и составляет ткань взаимосвязей. Как в человеческих отношениях, так и в отношениях между народами, помимо того, что можно выразить научными терминами, всегда остается сторона, недоступная словам, где действуют необъяснимые наукой законы.

Если нам удалось раскрыть какие-то штрихи и закономерности в одном из случаев тяготения двух национальных единств друг к другу, это может быть полезным в постижении возможных путей единения человечества в поисках им бесконечного числа вариантов. Тогда нам удалось проявить главное, и мы можем считать задачу выполненной.

Г Л А В А I

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
В ГРУЗИИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

I. I. История вопроса

Деятельность поляков, служивших и писавших на Кавказе, в частности, в Грузии в 30-50-х годах прошлого столетия обширна и многогранна. Она включает целый комплекс тем и проблем, и в его изучении сложно провести дефиницию между вопросами общественно-политическими, историко-литературными и собственно эстетическими. В связи с этим непросто классифицировать и обширную литературу о кавказских поляках, так как к ним с разных позиций обращались историки национально-освободительного движения, общественно-культурных течений, историки и теоретики литературы.

Первые оценки деятельности поляков, пребывавших на Кавказе, даны их современниками и литераторами следующего поколения. Из самых авторитетных источников той поры нужно назвать высказывания классика польской литературы Юзефа Игнация Крашевского (I.2.3; I.2.4), тесно связанного личной перепиской с "кавказцами"^I; а также автора "Истории польской литературы" К. Вуйцицкого, впервые в солидном издании представившего кавказских авторов как группу пишущих "в чужих донныне краях" (2, 10-17). Такой эвфемизм объясняется цензурными условиями, но сам факт признания и положительной оценки группы имеет историческое значение. Среди литераторов, высоко ценив-

^I Термин "кавказцы" в отношении к ссыльным польским литераторам, писавшим на Кавказе в XIX веке, принят в польском литературоведении, и мы используем его как самый лаконичный.

ших наследие кавказских поляков, были почти все издатели журналов, выходивших на так называемых восточных землях - на принадлежавшей Российской империи части Польского Королевства. Их связей мы касаемся далее.

Затем следует целый массив воспоминаний о писателях - "кавказцах", рассеянный в альманахах и газетах, издававшихся как на территории Польши, так и в эмиграции.

Следующий этап интереса к писавшим в Грузии полякам начинается в XX веке и связан с трудами одного из ярких польских ориенталистов профессора Яна Рейхмана, по крупицам собравшего колоссальный биографический материал о наиболее значительных фигурах среди ссыльных поляков. Хотя Рейхман не интересовался литераторами специально, он не ограничивался историко-биографическими изысканиями (3; 4; 5; 6).

В начале нашего века появляются труды, прямо или косвенно связанные с изучаемыми нами вопросами. В основном это работы исторического характера (7; 8). Литературный обзор принадлежит В. Ляхнитту (9). Обращает на себя внимание тот факт, что эти работы, особенно ранние труды Рейхмана, были написаны в период между первой и второй мировыми войнами, когда Польша была насильственно оторвана от народов Советского Союза. С одной стороны, само появление этих работ свидетельствует о значительной традиции взаимосвязей, которые поддерживались усилиями ученых в самые тяжелые для контактов времена. С другой стороны, поражает, что исследователи, не имея возможности посетить Грузию и работать в советских архивах, собрали столь значительный материал.

Несколько позже Рейхмана к кавказским полякам обратил-

ся известный историк Мечислав Инглот. Он продолжил работу по восполнению пробелов в биографиях "кавказцев", по выявлению неизвестных публикаций. М.Инглот проделал самый кропотливый труд по составлению библиографии наследия кавказской группы литераторов в различных альманахах, выходивших в Польше (10; 11). Интересы Инглота отличаются широтой, он увидел тему в новых ракурсах. Так, впервые наметилось изучение России глазами "кавказцев" и роли русской литературы в их творчестве (12).

В изучение вопроса немало внес профессор Б.Барановский, составивший своего рода схему развития контактов между Польшей и Грузией, в которую вписались и ссыльные поляки. Его работы носят собственно исторический характер (13; 14).

В 1969 году вышла в свет книга профессора Вацлава Кубацкого "Мальвы на Кавказе", в которой, помимо изучения иных сторон взаимосвязей, собран и материал о "кавказцах" (15).

Параллельно над темой польских кавказских писателей работали советские исследователи. Отметим статьи М.Живова, в которых он впервые обозначил контуры биографии ведущих поэтов группы и опубликовал письма Т.Лады-Заблоцкого к М.Туманишвили (16; 17).

Значительный вклад в разработку вопроса внесли грузинские ученые. Особо отметим краткие монографии Я.Цинцадзе "Материалы к истории взаимоотношений Польши и Грузии" (18) и И.Хуцишвили "Из истории грузинско-польских связей" (19). В двух кандидатских диссертациях о грузино-польских литературных взаимосвязях В.Оцхели (20) и Д.Челидзе (21) первая часть посвящена "кавказцам" и в основном носит обзорный характер.

Диссертация С.Равича является первым монографическим исследованием о Т.Ладе-Заблоцком. В ней и в отдельных публикациях ученого собран значительный материал, доступный исследователю в его время (22; 23; 24). Ценную часть составляют письма Заблоцкого к Д.Крашевскому, впервые введенные в научный оборот. Профессор В.Шадури написал исследование о В.Потоцком, в котором поставлены многие вопросы, связанные с его судьбой и творчеством в контексте самых многогранных культурных контактов эпохи (25).

Появление этих и иных работ, в которых затронуты частные стороны проблемы, позволило исследователям следующего поколения обратиться к изучению творчества "кавказцев" на новом уровне. Ныне в центре внимания оказались вопросы их поэзии и прозы, эстетическая ценность наследия.

Среди советских работ, несомненно, выделяются статьи Д.Прокофьевой, в которых начато типологическое изучение поэзии "кавказцев" (26), в частности, Т.Лады-Заблоцкого (27; 28).

Знаменательно, что почти во всех польских работах имеются ссылки на советские источники, расширившие возможности изучения творчества "кавказцев". Чаще всего упоминаются разыскания В.Дьякова (29; 30).

Современный взгляд на творчество кавказских литераторов связан с именем известного исследователя романтизма Марии Янион, раскрывшей и моменты биографии Т.Лады-Заблоцкого, и важнейшие черты его поэзии (31) в ракурсе, в котором впервые увидел поэта К.Заводзинский (32). Особняком стоит интересный типологический опыт Т.Полянского (33).

Плодозвонно работает Данута Оссовска, которая вписала

творчество "кавказцев" в литературный процесс своей эпохи и поставила на материале их наследия ряд теоретических проблем (34; 35; 36; 37).

Названные нами работы свидетельствуют о постоянном интересе исследователей к деятельности группы кавказских писателей. За полтора века изучения вопроса выделяются определенные этапы: составление мемуаров до конца XIX века, архивная работа по воссозданию отдельных биографий и составлению библиографии, начальная пора изучения творчества и ныне — постановка типологических и собственно эстетических проблем. Эта наша схема не означает, что сегодня не выявляются новые факты биографий или что ранее не осмыслилось творчество. Однако генеральное развитие изучения этой темы таково.

Естественно, ученые разных стран исследовали проблему с собственных точек зрения. Польских историков и литераторов кавказские писатели интересуют более всего как часть польской литературы, созданная в эмиграции, точнее, как литература изгнания, ее роль в общенациональном процессе.

Грузинские ученые в первую очередь рассматривают деятельность группы как одну из форм грузино-польских контактов, их интересует след, оставленный поляками в Грузии.

Исследователей из России более всего интересовало участие поляков в русском общественном движении, а также моменты влияния русского романтизма на творчество "кавказцев".

Мы пытаемся в данной главе свести разные ракурсы изучения воедино. Наша задача — создание целостной картины на основе работ предшественников, общий анализ тематики и проблематики творчества, выдвижение новых тем и вопросов, отчасти

введение в оборот неопубликованных ранее материалов.

Сразу следует отметить, что в связи с малодоступностью, фрагментарностью и противоречивостью материала почти в каждой работе имеются ошибки, неточности. Частично мы на них указываем, восстанавливаем факты и события, некоторые ошибки сможет исправить только время, иные пробелы невосполнимы.

Безусловно, история польской литературы на Кавказе содержит материал для обширной монографии. Поскольку основная цель нашей работы — изучение грузино-польских взаимосвязей на протяжении почти двух веков, тема "кавказцев" представляется одной из многих и не может быть раскрыта во всей полноте. В то же время никто до нас не пытался вписать ее в общую картину развития литературных контактов двух народов, а такое включение представляется нам необходимым. Поэтому вопросы, связанные с "кавказцами", мы неизбежно ставим не во всем объеме, а в совокупности с иными.

Постараемся впервые объединить сведения о ссыльных поляках, причастных к словесности.

1.2. Судьбы ссыльных литераторов

Представляется несомненным тот факт, что на Кавказе, в частности, в Тбилиси как центре культурной жизни Закавказья с конца 30-х годов XIX века примерно до середины 50-х функционировал целый филиал польской литературы — литература кавказского изгнания. Как она возникла? Кем была создана?

Хотя этот вопрос обсуждался неоднократно, во всех трудах говорится о бесчисленных загадках, неясностях и тайнст-

венных моментах судеб, наследия, контактов.

Точного ответа на эти вопросы нет. В некотором отношении можно говорить о возникновении польской литературы на Кавказе в более ранние времена, во второй половине XVIII века, отдельные описания возникли еще раньше (38; 39; 13; 18; 14; 3; 4; 5). Первая волна ссыльных поляков на Кавказ - "наполеоновская" - состояла из пленных офицеров и солдат, воевавших в наполеоновских войсках. Известны их мемуары, но в ту пору никакой писательской группы не возникло.

В ранних польских и советских работах считалось, что польскую кавказскую поэзию и прозу создали сосланные после ноябрьского восстания 1830 года. Однако в дальнейшем было уточнено, что хотя участники восстания направлялись рядами в Кавказский корпус, заметного следа в литературе они не оставили. Через много лет появились отдельные их воспоминания (37). Здесь следует учитывать, что в первые годы условия службы были крайне тяжелыми, потери сотнями гибли в боях, и возможности для возникновения литературной среды не было.

Основное ядро литературного круга составили сосланные по заговору казнённого в 1839 году Шимона Конарского. В то же время, как выясняется по многим фактам, ведущие фигуры среди кавказских литераторов были сосланы по другим делам. Далее по значению идут некоторые "списки" политических дел, в связи с которыми чуть раньше или чуть позже ссылались в основном студенты, более всего члены Содружества Польского народа. Последняя волна - это сосланные после 1844 года по так называемому "списку" ксендза Петра Сцегенного, провоз-

дившего революционно-демократическую пропаганду среди крестьян. После 1845 года были лишь отдельные ссыльные.

К.Заводзинский в работе о Заблочном метко назвал Кавказ "сборным пунктом всех бунтарских или хотя бы прогрессивных, демократических неконформистских элементов николаевской Евразии" (32,127).¹ Этот "сборный пункт" оказался мощным генератором творческих сил, соединив на определенное время - краткое или длительное - в основном в Тбилиси грузинскую интеллигенцию и декабристов, А.С.Грибоедова, А.С.Пушкина, М.Д.Лермонтова, польских ссыльных, армянскую, стчасти азербайджанскую интеллигенцию. Вряд ли еще можно назвать столь яркий культурный центр, возникший в таком составе по высочайшей воле и давший известные всему миру художественные творения.

Невзирая на разные пути, которые привели ссыльных поляков в кавказские полки, эти люди были объединены некоей родственной метой. Я.Рейхман в совсем иной работе, посвященной первым польским ориенталистам эпохи А.Мицкевича, дал характеристику национальной интеллигенции того поколения. Зная характеры "кавказцев", можно распространить эти родовые черты и на них: "Поколение романтиков, "благородных революционеров", поколение филоматов и филаретов, бунтующих байронистов воплотилось в людей способных, эмоциональных и порывистых, в сильные индивидуальности, соединявшие сердечность и глубокий ум, дало поэтов и мыслителей, энтузиастов и револю-

---

¹ Все польские и грузинские тексты в монографии, а также подстрочники, за исключением специально оговоренных, даны в нашем переводе - М.Ф.

ционеров, бунтарей и мечтателей, полных любви и воодушевления, ищущих переживаний неординарных и испытаний необыкновенных, желающих завоевать весь мир огнем своего жара" (40, 51). Уточним, что среди этого поколения выделялись так называемые "конарщики",¹ участники самого радикального и самого обреченного по своей дерзости заговора периода между восстаниями. Они выделялись своей активностью даже среди сибирских ссыльных (37,25). Их объединяло, помимо общего патриотического порыва, происхождение из окраинных земель Польского Королевства, общественные взгляды мелкопоместных дворян и университетское (часто прерванное арестом) образование, получаемое с трудом из-за стесненных средств. Заблочкий, к примеру, не был связан с заговором Конарского, но принадлежал к этой среде, поэтому он смог стать своего рода главой польских кавказских писателей.

Однако принимая характеристику Рейхмана, нужно иметь в виду существенную деталь. Рейхман определил черты поколения на его взлете. Люди, прибывшие на Кавказ, эти "необыкновенные переживания" испытали на себе. В годы ссылки, иногда сразу же после приговора они осознали жизненный поворот как крах всех юношеских надежд, как несбывшуюся судьбу. И все их искания обретают иную тональность - трагическую.

Все, кто составил кавказский филиал польской литературы ощущали себя изгнанниками. Это клеймо неудачи не просто пронизывает их наследие, но составляет его типологическую основу. Б.Треновский в Предисловии к книге одного из западных эмигрантов определил еще в середине прошлого столетия

¹ Термин, принятый в польской исторической науке.

черты литературы ссылки. Они в полной мере относятся к "кавказцам": "Это, можно сказать без преувеличения, одна из оригинальнейших ветвей нашей письменности; наверняка никто нам в ней не откажет и не позавидует; она родилась не в библиотеках, не за письменным столом, а в тюрьмах, под свистом кнута на безбрежном снежном пути, при лампе, отбрасывающей свет на стены рудника" (4I, 7). Добавим - под пулями на горных переходах.

И в то же время поражает разносторонность интересов поляков, писавших на Кавказе - поэзия, проза, переводы, изучение языков, этнография, музыка, география, биология. Достаточно назвать имена Т.Лады-Заблоцкого, В.Потоцкого, Л.Янишевского, М.Гралевого, К.Лапчиньского.

Их деятельность отличает повышенная биографичность. Поэтому восстановление вех судьбы является ключом к творчеству. Кто же составил эту группу?

И в этом вопросе нет полного единства мнений, как неизвестно, даже приблизительно, сколько польских солдат побывало в кавказских полках. М.Гралецкий в "Кавказе" приводит ошеломляющую цифру: 500 000. Он настаивает на ней и в письме к Ю.Крачевскому (I.2.7, 4I-42). Цифра эта не находит подтверждения, Гралецкий вообще склонен к преувеличениям, но то, что счет шел на тысячи, несомненно.

М.Инглот приводит список из 37 имен ссыльных, оставивших след в литературе (II, II4). Д.Оссовская дополнила список В.Шанявским. Можно добавить еще два имени - Х.Корсак и К.Зах, которые упоминаются в письмах "кавказцев" и не названы у М.Инглота.

Время прибытия большинства - между 1831 и 1845 годами. Перейдем к кратким биографическим портретам главных фигур.

И по роли в группе кавказских литераторов, и по поэтическому дарованию первое место принадлежит Тадеушу Ладе-Заблоцкому. Он родился в Витебской губернии в 1813 году в обедневшей дворянской семье. По установленным Я. Рейхманом данным, поступил не в Виленский университет, как считали ранее, а на словесное отделение Московского университета (42, 151).

С этим периодом и связана история ареста. Вокруг нее были самые разноречивые мнения, но почти детективные изыскания позволили установить факты. В 1946 году появилась статья К. Заводзиньского "В столетие романтического тома поэзии", в которой впервые был намечен анализ творчества Заблоцкого и его включение в основную линию польского романтизма (32). Автор указывает, что уже осенью 1837 года Заблоцкий находится по дороге в кавказскую ссылку (ориентир - стихи, написанные в Таганроге, и другие). В 1838 он уже в центре военных соонтий. К. Заводзиньский делал разные предположения по поводу отъезда на кавказ: несчастная любовь, карточный долг и даже добровольное решение вступить в войско (32, 127-129).

На это предположение буквально накинута Я. Дюрр-Дюрский, написавший, что мысль о добровольном решении связать себя с царским войском психологически неправдоподобна. Дюрр-Дюрский утверждает, что Заблоцкий был одним из многочисленных национальных героев эпохи, и домыслы о картах дискредитируют его образ (43, 86-87). Он приводит свои сведения о том, что позднейшие воспоминания подтверждают участие Заблоцкого в деле

Конарского, а даты под кавказскими стихами - до 1839 года - либо ошибка, либо конспиративный прием.

Разгадка ареста Заблоцкого принадлежит советскому ученому. В статье М.Полякова "Студенческие годы Белинского" (44) утверждается, что Лада-Заблоцкий входил в "Кружок II номера". Он фигурирует в полицейских актах относительно В.Г.Белинского. Выяснилось, что в 1833 году власти обнаружили у одного из витебских гимназистов бунтарское стихотворение, направленное против царя. Те, у кого стих обнаружили, указали на автора - студента Заблоцкого. Стихотворение приводит Д.Прокофьева:

Едва уходит ночи тень,
Едва рассветает новый день,
Уже летает страх указов,
Невинному грозит кнут,
И в рекруты идет Дях,
А /из/ Сибири бешеный пес
Еще издевается над нашими слезами.
Ад для нас царский трон.
На нем сейчас восседает черт,
Едва достойный виселицы.
Мечь, братья, или гибель! (подстрочник)(27).

Стихи в комментариях не нуждаются. Подробно историю следствия над Заблоцким воссоздал Рейхман (42), а в новых деталях факты восстановила М.Янион (31), опираясь на изыскания В.Дьякова (29; 30).

О тексте стихотворения и его антиправительственном содержании было донесено лично Бенкендорфу. Заблоцкий был арестован в Москве в июне 1833 года и под конвоем доставлен в Витебск. Следствие велось до декабря. Есть сведения о "чи-

стосердечном раскаянии", но и о "несомненной вине". Лишь в 1837 году был вынесен весьма суровый приговор: Т.Ладу-Заблоцкого и двух его друзей, которым инкриминировалось "оскорбления его величества дерзкими словами в письмах, написанных собственноручно", присудить к лишению имущественных прав с ссылкой на тяжелые работы (29, 185). Высочайшим повелением приговор был смягчен: "Трех первых сослать рядовыми в Кавказский корпус и направить в разные батальоны". Так, по словам М.Янион, для Заблоцкого "начинается тот раздел жизни, который, как впрочем и во многих подобных случаях, можно назвать: Стих и Приговор" (31, 76).

Когда Заблоцкий позже будет писать, что поэзия для него - лишь вынужденное убежище, можно считать это поэтическим преувеличением и утверждать, что Поэзия - его Судьба.

К.Заводзиньский лишь предполагал, что Заблоцкий, обучаясь в Московском университете одновременно с Белинским, Герценом, Огаревым, Сунгуровым и другими центральными фигурами эпохи, мог быть с ними знаком (32, 126). М.Поляков настолько включает Заблоцкого в московскую студенческую жизнь, что относит именно к нему слова А.И.Герцена в "Былом и думах" о польском студенте.

Заблоцкий был в контакте не только с кружком Сунгурова, но и с бывшим филаретом, другом Мицкевича ориенталистом Верниковским и другим давним другом Мицкевича Еховским. Отметим и тот факт, что первый допрос Заблоцкого вел князь Голицын, допрашивавший Герцена и столь ярко запечатленный им в "Былом и думах".

Вся история учебы и ареста Заблоцкого говорит о многом.

С одной стороны, еще раз на практике подтверждается тот тезис, что вольнолюбивые поляки, ненавидевшие царизм, находятся в ближайших контактах с самыми выдающимися русскими деятелями своей эпохи. И тема России, противоборства и единства с ней, — одна из существенных в творчестве "кавказцев" — возникает естественно и имеет прочную основу. Поляки и русские связаны кровно, проходят по одним политическим делам.

С другой стороны, опять-таки на практике подтверждается взаимосвязанность интеллигенции разных стран. Студент из Витебска отстоит на "одно рукопожатие" от Мицкевича — через его близких друзей. Пройдет время, и судьба свяжет его переломской с другим классиком — Д. Крашевским. А в ссылке он попадает в круг А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили — выдающихся писателей Грузии той поры. Таким образом, Заблочкий оказывается связующим звеном между как будто бы непересекающимися мирами. Таких примеров немало и в связи с иными "кавказцами".

Кавказская география Заблочкиего весьма сложна. Уже осенью 1838 года он, успев проехать через Северный Кавказ, служит в Царских Колодцах — в ста верстах от Тбилиси. Но в промежутке он был в Тбилиси — завязалась дружба с Михаилом Туманишвили. Письма к нему цитируем далее. После Царских Колодцев — Тбилиси, и вновь солдатская служба.

Отметим, что грузинская тема в воспоминаниях и творчестве ссыльных поляков часто сплетается с кавказской в целом, Кавказ и Грузия не всегда четко разграничены, им приходилось служить в самых разных местах. При этом, безусловно, в центре интересов поляков — Грузия и Тбилиси.

Судя по письмам Заблочкиего, он тяготился военной служ-

бой и карьера его не привлекала. В этом нет ничего удивительного, такова позиция ссыльных. Почти у всех поляков война с горцами была непопулярной, они считали борьбу чеченцев, чеченцев и всех, с кем им приходилось воевать, справедливой и переживали, что приходится воевать на стороне поработителей.

После Царских Колодцев Заблоцкий побывал в Хазры (в акции против лезгинов), Ахты, в 1841 году место его пресыпания - Куба под Шах-Дагом, в том же году - Дербент и Шемаха. В 1842 году после Тбилиси мы находим его следы в Ларсе и Казбеги (сохранилось его описание Крестового перевала, который он назвал "вершиной Джварис Агмарт").

В ту пору Заблоцкий тяжело болел. Он пишет об аневризме сердца и тяжелой форме туберкулеза. Тем не менее он не был освобожден от участия в военных походах. Однако о самих действиях и своем участии в них Заблоцкий никогда не пишет.

Почти все впечатления отражены в стихах, одно из которых называется "Каспийское море." Никаких намеков на конкретное участие в действиях мы не находим. Зато удивляет неугасающее стремление к знаниям. Это характерно почти для всех польских литераторов на Кавказе. Уже в ранних письмах к Туманяшвили Заблоцкий просит помощи в изучении грузинского языка и литературы (I 2.5). В письмах к Крашавскому он также не раз отмечает, что собирался писать очерк истории грузинской литературы (I.2.6). О постоянных передвижениях свидетельствуют и отметки в письмах, и стихи, которые Заблоцкий почти всегда подписывал местом их создания.

В Тбилиси круг знакомых Заблоцкого расширяется. Об отношениях с Бараташвили говорится в главе о мицкевиче. В Шадури

предполагает, что Заблоцкий бывал в салоне А. Чавчавадзе. Это предположение естественно, ибо в числе подписчиков на том его "Поэзии" - Нина и Екатерина Чавчавадзе.

Тесный контакт возник у польского поэта с Абас-Кули-Ханом Бакихановым, труды которого Заблоцкий перевел.

Дружеские отношения Заблоцкого с Яковом Полонским отмечены самим русским поэтом: "В Тифлисе познакомился я с польским поэтом Лада-Заблоцким. Он стал посещать меня, читать книги, переводить мне стихи свои - и опять зажег во мне недолгим жаром высказываться стихами" (45). В этих кратких воспоминаниях проявляется характер Заблоцкого - он не только вдохновлял польских поэтов, но дал новый импульс творчеству Я. Полонского.

С именем Заблоцкого связан и еще один факт - первое содружество грузинского и польского поэтов. М. Туманишвили переводит на грузинский стихотворение Заблоцкого "Алазанская долина", а Заблоцкий на польский - стихотворение друга "Чаши". Текст "Чаши" сохранился в письме Заблоцкого к Туманишвили.

Таким образом, бесспорно, в Тбилиси возник круг интеллигенции, принимавшей польского поэта, и общение приняло характер обмена культурными ценностями, взаимной пропаганды национальной поэзии.

Заблоцкий становится духовным главой поляков, пишущих на Кавказе. В 1845 году в Петербурге выходит том его "Поэзии", составленный в Тбилиси и являющийся итогом поэтической искани.

Вопреки опасениям Заблоцкого о скорой смерти от чахотки, здоровье его начинает поправляться, хотя в целом предчувствия оказались, увы, верными. Заблоцкий выходит в отставку в чине

подпоручика. Напомним, что дворяне - "политические преступники" могли именно на Кавказе дослужиться до офицерских чинов, а чин давал возможность выйти в отставку. Поэт думает о возвращении на родину, пишет о своем тяжелом материальном положении.

И вдруг в его судьбе происходит неожиданный, последний поворот. По-видимому, в конце 1846 года (у разных исследователей даты расходятся) он получает от м.С.Воронцова должность управляющего Соляными промыслами в Кульпах. Два последних письма к Крашевскому свидетельствуют, что дела Грузии и Кавказа он воспринимает как свои личные: "...Если Бог благославит меня, я надеюсь принести большую пользу этой стране, а принимая управление с такой мыслью, я не знаю, удастся ли мне оставить что-либо полезное для нашей литературы" (I.2.6, письмо от 9.I.1847 г., Кульпы).

Таков конкретный ответ на вопрос, считали ли поляки Грузию своей второй родиной. Причем эти слова прозвучали в личном письме Заблоцкого к поляку и совершенно исключают момент вынужденного признания. Такое мироощущение совершенно не исключает того, что Заблоцкий и иные мечтали о Польше и думали о своей жизни как погубленной. Грузию же они считали родиной как бы в ином жизненном измерении, полюбив людей, заведя друзей и искренне желая принести пользу принявшему их краю.

В последнем письме Заблоцкий с восторгом пишет о том, что на Кавказе "лязг оружия начинает гложуть", начинает развиваться промышленность, в Тбилиси создана Публичная библиотека (I.2.6., письмо от 8.V.1847г., Кульпы).

Внезапная болезнь оборвала жизнь Заблоцкого в 35 лет.

Он скончался в Кульпах от холеры в том же 1847 году. Газета "Кавказ", о рождении которой Заблоцкий успел поделиться с Крашевским, в августе кратко сообщила о смерти управляющего соляными копами Т.Лады-Заблоцкого, "одаренного поэтическим талантом, достойным внимания" (46).

Такова судьба поэта, названного современниками на его второй родине "управляющим соляными копами". М.Янион почти через полтора века справедливо назвала ее судьбой "национального мученика" (31,73).

Мы впервые собрали известные на сегодня данные грузинских, польских и русских исследователей воедино. Письма из архива Крашевского - своего рода исповедь Заблоцкого - в таком объеме рассматриваются также впервые. Отметим, что ученые в Грузии не оперировали фактами первой части жизни поэта, в Польше же долго не было известно о его последних годах.

Одной из самых ярких фигур среди ссыльных был Лео Янишевский. Поэт, эссеист, переводчик и музыкант Л.Янишевский родился в 1810 году, в 1829 году поступил в Варшавский университет. Во время учебы переводил трактаты Светония, обратил на себя внимание университетской профессуры. В 1830 - первый резкий поворот судьбы. Янишевский уходит в монастырь Цияров в Лупкове. Начинает работу над переводами, которая была прервана восстанием. Янишевский взбунтовал послушников и вместе с ними прибыл в декабре в Варшаву. Был ранен в бою под Гроховом, попал в плен. Сослан в Белоруссию. В Бобруйске руководил военным оркестром саперного полка (там написано первое из известных стихотворений Янишевского - "Добосна").

В 1841 году Янишевский вместе с полком был сослан на Кавказ. М. Инглот в библиографическом обзоре ошибочно называет годом его прибытия в Тбилиси 1831-й, видимо, не зная о его участии в восстании (10,542). Рейхман совершенно ошибочно относит его к заговору Конарского (4,27). Первым точную дату назвал М. Зивов (17,584). Безусловно, прав последний, поскольку в цитируемом ниже письме к Подберескому Янишевский заявляет, что кое-кого из сосланных уже не застал в живых. Отметим, что позже М. Инглот сам установил точную дату (47).

Помимо того, на страницах "Памятника научно-литературного" были опубликованы "Картины и мысли из путешествия в Тифлис, совершенного в 1841 году Леоном Янишевским" (48). "Картины" - образец типично романтического дневника-исповеди, в котором образы природы и встречи в дороге вызывают полные экспрессии авторские размышления о человеческой судьбе, назначении, роке.

Янишевский был, по-видимому, одним из немногих "кавказцев", который прожил почти все время в Тбилиси. О его службе в войске неизвестно ничего, кроме того, что он вскоре вышел в отставку в том же как бы символическом чине подпоручика.

Первым произведением, написанным в Тбилиси, было, по-видимому, "Паломничество к могиле Александра Грибоедова на гору Святого Давида в Тифлисе 9 января 1842 года". Уже на следующий год оно появляется в "Библиотеке Варшавской" (49).

В течение нескольких лет Янишевский был учителем музыки в популярной в Тбилиси школе Александра Раевского (Крестьянова), а позже фактически руководил школой. Напомним, что в те годы в ней учился Илья Чавчавадзе. В Тифлисском ка-

леядаре за 1860 год Янишевский значится как учитель музыки в Закавказском женском институте. Это была, по-видимому, его последняя должность, так как в 1861 году поэт скончался.

В Тбилиси Янишевский продолжил свою переводческую деятельность. К этому времени относятся его переводы "Цыган" (1842 г.) и "Кавказского пленника" (1851 г.) А.С.Пушкина.

Д.Янишевский сотрудничал с тбилисской прессой и помещал в "Кавказе" театральные рецензии. Но, пожалуй, самая яркая театральная рецензия была включена в его поэму "Шалости хорошего настроения" ("К отсутствующей") (50). В горькие размышления о далекой родине и отсутствующей возлюбленной Янишевский вплетает остросатирические зарисовки из жизни театрального Тбилиси. Вообще сочетание истинного лиризма, даже пафоса, с каким написаны некоторые строки "Паломничества", и сатиры, а подчас и злой иронии весьма характерно для Янишевского. Отметим, что это глубинная польская черта - синтез возвышенного стиля, романтического полета духа с горестной иронией и самоиронией. И в этом Янишевский - типичный представитель своего поколения.

Его театральная сценка зла, но весьма колоритна. Не вдаваясь в полемику с Янишевским (это тема отдельной работы), скажем, что она написана стихами и является фактически первой развернутой панорамой театральной жизни Тбилиси. Любопытно, что она появилась в польском альманахе. Сатира Янишевского не была беспочвенной. Многие сообщения той поры о театральной жизни в газете "Кавказ" еще более уничтожающи ("Кавказ, 1846, № 2; 1846, №№ 41, 42, 51; 1847, № 4 и др.).

Следует добавить, что чувство объективности заставило

Янишевского сделать приписку к поэме: "Справедливость требует добавить, что с 1846 года, когда был написан этот стих, театр тифлисский настолько улучшился, что часть доставляет зрителям подлинное удовольствие" (50).

С одной стороны, он не мог отказать себе в удовольствии создать язвительную картинку любительских театров и балаганов, с другой стороны - искренне опасался, что ситуация в театральной жизни его любимого города будет воспринята неверно.

Творчество Янишевского, как и творчество Заблоцкого, отчетливо делится на два периода (Заблоцкий делил его на два этапа до ссылки и третий, кавказский). Янишевский так же остро переживал крушение надежд и в своих самых радикальных произведениях ("Два дня" и др.) доходил до открытой критики строя.

Во время пребывания в Тбилиси Янишевский чуть не попал еще в одну "историю". Когда в 1851 году царская полиция конфисковала 7-ой номер "Памятника науково-литерацкого" и арестовала редактора Ромуальда Подбереского (так много сделавшего для кавказских литераторов) по обвинению в связях с Польским Демократическим Обществом, в списке разыскиваемых личностей оказался и Янишевский. Его, видимо, спасло то, что он уже пребывал в ссылке.

Фигура Янишевского многогранна. Безусловно, он не исчерпал своих возможностей.

Владислав Стшельницкий был самым молодым из "кавказцев". Родился Стшельницкий на Подоле в 1820 году. Восемнадцатилетним студентом Киевского университета вступил в киевское от-

деление организации Ш.Конарского. После раскрытия заговора был сослан рядовым на Кавказ. Географию его передвижения с полком отчасти приводит Рейхман (4), который отмечает, что Стшельницкий имел необыкновенно острый глаз, хотя первою данной природе предпочитал монастырские руины. Стшельницкий заметил, что "руины - это сокровище для путешественника". "Путешествовал" со своим полком ссыльный солдат довольно много, и это нашло отражение в его путевых заметках.

Под произведениями 1839-41 гг. стоят подписи: Шуша, Аскеран, Шемахи, Курдамир, Карабах, Кабарда и Чеченский край. Наконец он оказался в желанном для всех поляков Тбилиси. Вскоре Стшельницкий сблизился с Заблоцким, Янишевским, Цотоцким и завоевал всеобщую любовь. В Тбилиси он начал писать серьезно (путевые опыты можно считать подготовительными). За несколько лет литературного труда Стшельницкий опубликовал две повести: "Два узденя" ("Кавказ", 1846, № 18-21) и "Махмудек" (появилась в "Кавказе" уже после смерти писателя, 1848, № 28-37), стихи в польских альманахах. Стшельницкий, как и Заблоцкий и Янишевский, прекрасно владел русским, переводы повестей предположительно выполнял сам. В годы пребывания в Тбилиси начал изучать грузинский и другие кавказские языки.

Стшельницкий скончался внезапно от дизентерии в возрасте 26 лет. Смерть юного поэта тяжело переживали его друзья. В газете "Кавказ", которая в то время готовила к публикации его "Махмудка" и "Очерки", появился некролог: "19 октября, в Тифлисе, после краткой болезни, скончался молодой и многообещающий писатель Владислав Стшельницкий, участвовавший труда-

ми своими в нашей газете. Польская и русская литература (потому что он равно свободно и прекрасно писал на обоих языках) много потеряли со смертью этого даровитого человека, классически образованного и обладавшего высоким поэтическим талантом... Товарищи и друзья Стшельницкого, оплакав слишком преждевременную смерть юноши-поэта, так много обещавшего, предали тело его земле 22 октября на католическом кладбище, выше церкви, ближе к небу, о котором он так часто тосковал в своих стихотворениях, и окропили могилу непритворными горячими слезами. Дай бог, чтобы каждый на чужбине, далеко от родины был оплакан с такою горечью людьми ему чуждыми" (51).
Даже в весьма резком письме Янишевского к Подберескому о молодом друге прозвучали самые теплые слова.

Правда, Янишевский верен себе. Он пишет, что "Махмудек" написан под впечатлением "Мулла-Нура" Марлинского, и называет Стшельницкого "отчасти его наследником", добавляя: "Но зато в "Махмудке" есть отрывки, исполненные трогательной грусти, печального настроения, особого ощущения, присущих лишь нашему незабвенному Владиславу, и без сомнения можно сказать, что скоро он стяхнул бы с себя то, что делало его невольным наследником и стал бы нашим мужественным, оригинальным писателем" (I.2.2).

В этом месте письма редактор дает в примечании целую страницу о Марлинском и его влиянии, а также о том, что к тому времени его творчество носит уже второстепенный характер. Действительно, марлинизм, сам по себе уже анахроничный в то время, в определенной степени присутствует в творчестве "кавказцев". Но важно, что они сами, как явствует из письма Яни-

шевского, ощущали это.

Однако вопрос о марлинизме Стшельницкого не столь однозначен. М. Инглот в своей работе "Россия и русские глазами польских "кавказцев" посвятил целый пассаж сравнению "Муллы-Нура" с "Махмудом" и доказал, что в повести Стшельницкого заключен внутренний спор с Марлинским и постулатами романтизма. Он считает, что "Махмудек", при всей любви автора к русскому романтику, является скорее антитезой его повести (12).

Произведения В. Стшельницкого в цельном соорании увидели свет в 1850 году. Их издал четырьмя небольшими томками ("Поэзия", "Два узденя", "Махмудек", "Очерки Кавказа") в Житомире брат писателя Юзеф, которому после смерти Заблоцкого (что явствует из предисловия) передал рукописи К. Петрашкевич.

Там же читаем: "Воля покойного - передать сумму, вырученную от издания, тифлисскому костелу на приобретение духовных книг, поскольку сам автор и его друзья испытывали в них недостаток..."

Но-видимому, забота об этой нужде была его основой мыслью, когда в последние дни страдания и боли он вручил боевым коллегам, а особенно Ладзе Заблоцкому свои рукописи с просьбой "если эти поверхностные труды имеют какую-либо литературную ценность и годятся для издания, каждый грош, собранный от их продажи", "направлять в Тифлис для создания фонда, столь необходимых духовных и иных книг религиозного содержания в костеле под непосредственную опеку нынешнего и последующего ксендзов Тифлисского костела". В этой благородной мысли раскрывается весь образ жизни и смерти человека верующего - более чем необходимости говорить о достоинствах Владислава

Строганицкого" (52, IV, 2-3).

Данный факт - еще одно доказательство того, насколько глубоко были связаны поляки с культурной жизнью Тбилиси.

Одной из самых колоритных и таинственных фигур среди "кавказцев" был Войцех Потоцкий. Вся его жизнь напоминает авантюрный роман, в котором трудно отличить факты от легенд. Поражает обширность его связей, неожиданность передвижений как в пространстве, так и по службе, удивляют и внутренние пружины его действий и поступков.

Самый подробный портрет В.Потоцкого составлен профессором В.Шадури. Он открывает его сообщением о появлении в свете главнокомандующего Г.В.Розена в Тбилиси "загадочной личности", прошлое которой, по словам современника, "было покрыто таинственностью" (25, 162).

В.Шадури отмечает, что биографические данные о Потоцком весьма скудны, ему посвящены лишь три небольшие статьи Ю.Гомулицкого (53; 54; 55). Действительно, специальных работ о нем мало. Но упоминания о Потоцком в мемуарной литературе многочисленны и библиография к статье о Потоцком в Польском Биографическом словаре весьма обширна (56).

Войцех (Альберт) Потоцкий родился в 1801 году на Волыни в знатной шляхетской семье. После смерти матери воспитывался мачехой. В 1814 году отец отвез его в Варшаву в Лицей Линде и поручил опеке Казтана Козьмяна. Все отмечали исключительные способности Потоцкого.

Его патриотические настроения проявились впервые на уроке в гимназии в 1819 году. На своем экземпляре Конституции

Нольки он написал поэтический комментарий, в котором присутствовало слово "тиран". Об этом стало известно наместнику Великому князь Константину, который приказал Потоцкого арестовать. Спасти его удалось благодаря стараниям мачехи, лично знавшей константина. Следующий раз ей пришлось вступить за "Альборика" в 1820 году, когда он участвовал в антиправительственной демонстрации. Вскоре он стал посещать подпольные сходки патриотической молодежи в подzemелье сожженного дворца на Динасах (В.Шадури этими фактами не располагал).

В 1820 г. Потоцкий под чужим паспортом отправился в Лондон с намерением вступить в ряды добровольцев, отправлявшихся в армию Боливара в Южную Америку. Его намерения потерпели фиаско, корабль с добровольцами и оружием был задержан испанскими властями и возвращен в Лондон. Там Потоцкий терпел крайнюю нужду, ночевал на кладбище, работал в порту. Из Англии ему удалось перебраться во Францию. В Париже Адам Чарторийский помог ему получить через русское посольство паспорт для возвращения на родину. Но одновременно с ним прибыла информация о его бунтарской деятельности.

Потоцкий был арестован и отправлен вккером в гренадерский полк около Бельска. В.Шадури был прав, не доверив воспоминаниям Л.Сапеги (57, 30) о том, что Потоцкий тогда был сослан на кавказ к генералу А.П.Ермолову. 10 лет он провел в полку в районе Бельска, там же получил первый офицерский чи. Служба там закончилась с началом восстания, когда Потоцкий заявил генералу Г.Розену, командовавшему Литовским корпусом, что "воевать против земляков не будет". На его счастье, Г.В.Розен, хорошо знавший отца и мачеху Потоцкого, был

назначен главнокомандующим Кавказским корпусом. Он помог перевести Потоцкого на Кавказ.

Таким образом, Потоцкий не был участником восстания 1830 года, как ошибочно указывали в литературе (4,24; 10,543). Он отказался в нем участвовать - в качестве карателя.

Имя Потоцкого мелькает во многих воспоминаниях. Современники не скупятся на краски и характеристики. Он представлялся им человеком хитрым, изворотливым, способным приспособиться к любым условиям. Все сходится в одном - Потоцкий был талантлив, он совершал благородные поступки и, даже оказываясь обласканным сильными мира сего, оставался патриотом и человеком гуманных взглядов. Это каким-то образом вполне уживалось с его склонностью к авантюризму.

Вскоре Потоцкий сблизился с Розеном, бывал у него дома, участвовал в семейных вечерах. Жизнь в Тбилиси в свое удовольствие перемежалась с участием в самых опасных военных походах. За отличие в экспедиции был награжден орденом святого Владимира. Затем Потоцкий жил то в Тбилиси, то в резиденции владельца Мингрелии князя Дадияни, был участником походов с "Мингрельской дружиной".

К тому времени относится одна из самых трогательных историй его контактов - дружба с А.Бестужевым-Марлинским. В названной экспедиции 1832 года Потоцкий воевал рядом с братом Александра, сыном Павлом Бестужевым, прославившимся своей необыкновенной храбростью. Во время пребывания в Тбилиси дружба окрепла, тогда Потоцкий и познакомился, по-видимому, с Александром.

Потоцкий участвовал в экспедиции, в которой погиб рус-

ский романтик и был очевидцем его гибели. Описание Потоцкого экспедиции на мыс Адлер и история смерти Марлинского - одно из самых ярких в мемуарной литературе того времени. Воспоминания были опубликованы в "Атенеуме" (1847, № 6) и перепечатаны в журнале "Иллюстрация" (1848, № 24).

Потоцкий вошел в литературную жизнь Тбилиси той поры как полноправный ее участник. Он был тесно связан с семьей А. Чавчавадзе и его кругом, жил в Мингрелии у князя Даддани.

В 1837 г. Г. Розен был отстранен от должности. Но Потоцкого в это время уже не было в Грузии. Он отправился в Петербург, а потом в Варшаву. Поскольку его пребывание на Кавказе не было совсем добровольным, трудно сказать, как ему удалось столь свободно передвигаться.

В 1840-44 гг. Потоцкий служит уже в звании подполковника в гренадерском полку в Польше. Его имя встречается во многих мемуарах польских деятелей культуры той поры. Он сошелся с двумя классиками польской литературы - Ю. Крашевским и Ц. Норвидом. Норвид считал Потоцкого чуть ли не первым своим литературным критиком. Годы, проведенные на родине, оказались самыми плодотворными в творческом плане. Он переводит, пробует себя в самых разных жанрах, публикует стихи, прозаические произведения, статьи в самых популярных журналах - "Атенеуме", "Библиотеке Варшавской".

Казалось бы не было никаких причин для отъезда, но вдруг в 1844 году Потоцкий подает прошение об отставке и едет в Одессу. Его отъезд совпал с назначением М. С. Воронцова главнокомандующим Кавказским корпусом. Потоцкий был рекомендован Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, и в марте 1845 года в свите

наместника он отправляется на Кавказ.

С 1845 года Потоцкий числится официально прикомандированным к Грузинскому гренадерскому полку, но фактически становится одним из приближенных М.С.Воронцова. Благодаря своей близости с наместником, Потоцкий мог помогать соотечественникам. Сохранились его записки о Заблоцком и Штельщиком.

Потоцкий участвовал во многих начинаниях наместника. Он сотрудничал с "Кавказом" фактически со дня его основания. Достаточно назвать очерк "Кавказ (письмо с дороги от выходящего в свете князя наместника" (1846, 27 апреля), "Некрологи князя Левана Дадзиани" (1847, № 21) и др. Не менее знаменателен тот факт, что первая книга во вновь созданной Публичной библиотеке в Тбилиси была "пожертвована Потоцким" (58).

На лето Потоцкий уезжал в Мингрелию. В семейном альбоме Екатерины Чавчавадзе записаны три стихотворения на польском, принадлежавшие Потоцкому. Одно из них датировано 1848 годом - последним годом жизни Потоцкого. Это перевод "Розы и соловьи" А.Одоевского. Два других - экспромт, воспевавший красоту Екатерины Александровны, и стихотворение-соболезнование ей в связи о кончиной Левана Дадзиани и Александра Чавчавадзе.¹

Сам Б.Потоцкий скончался внезапно в имении Дадзиани в 1848 году от лихорадки.

Судьба Потоцкого во многом является исключением из судьбы иных "кавказцев". Он был единственным человеком с беспрерывно благополучными периодами жизни, единственным, сделавшим столь блестящую карьеру. И тем не менее часть на вер-

¹ Альбом находится в Тбилисской государственной публичной библиотеке, в фонде особых книг и рукописей.

нике благополучия Потоцкий сам поворачивал события неожиданным образом. В произведениях этой яркой и неординарной личности присутствуют и несомненные противоречия, и горькие ноты. Кажется бы, Потоцкому было доступно все. При этом он, видимо, к своей карьере не относился слишком серьезно. Душевная связь Потоцкого с остальными "кавказцами" безусловна.

В грузинских и русских работах о "кавказцах" незаслуженно мало места уделяется автору одной из самых значительных и по объему, и по информации книг "Кавказ. Воспоминания о двенадцатилетней плене (неволе). Описание страданий. Население. Обычаи и нравы" (59). Между тем в польской мемуарной литературе он представлен довольно подробно. Фигура Матеуша Гралевского требует монографического изучения.

Биография его тоже полна неожиданных поворотов. Сквозь кратко описываемые события жизни вырисовывается фигура человека большого мужества, многосторонне одаренного, с обостренным чувством справедливости.

Матеуш Граля (Граляк) - революционный деятель и литератор, публицист и этнограф - родился в 1826 году. Был сыном мажарского крестьянина (чуть ли не единственный среди "кавказцев"). Он закончил местную школу с таким успехом, что известный профессор В.Мацейвский устроил его в гимназию, запирая под Камидией с дворянской огласовкой - Гралевский. В Лечниках он вступил в тайную молодежную организацию с демократической программой, составлявшую звено Содружества Польского народа. В 1843 году организация была раскрыта.

Гралевский попал в Варшавскую Цитадель. После учитель-

ного следствия был приговорен к ссылке на Кавказ в Ширванский полк. За 12 лет дослужился до офицерской должности.

Гралеvский тяжело страдал оттого, что ему приходилось воевать против горцев. В его "Кавказе" этому уделено больше места, чем в работах остальных литераторов. Гралеvский обладал необыкновенной восприимчивостью к культуре иных народов. Он быстро усваивал историю, обычаи Кавказа. Фактически единственный из писавших, Гралеvский досконально разобрался в сложной структуре кавказских народов, хотя и у него в записках встречаются неизбежные ошибки. Гралеvский пытался постичь и общественную несправедливость, и внутренние противоречия среди горцев. Его записки - самый острый антицарский документ, вышедший из-под пера кавказских литераторов-поляков. В то же время Гралеvский высоко ценил прогрессивных русских мыслителей, боровшихся против царизма и осуждавших завоевание Кавказа.

По его очеркам трудно установить, какие именно годы он провел в Тбилиси, но жил Гралеvский в столице Грузии долго. Связи его с грузинской интеллигенцией были широки. Удивительно, что Гралеvский не фигурирует в письме Лнишевского к Подберескому. Это объясняется, видимо, тем, что в годы пребывания в Грузии он не публиковал своих произведения.

Записки Гралеvского о Кавказе, к сожалению, сохранились не в полном объеме. В основном они пропали до возвращения на родину. Как указывал сам автор, та часть, которая была издана во Львове, в 1910 году текст, восстановленный через 20 лет по памяти, что привело к некоторым неточностям. Напротив, поразительно, как могла память сохранить такие подробности после всего, что довелось Гралеvскому пережить на родине.

В 1856 году он вернулся в Польшу после амнистии Александра II. Последняя часть его жизни в советском литературоведении фактически не освещалась.

По возвращении Гралевский жил в семье сестры, а также на Украине. Постепенно он вошел в круг организаторов готовящегося восстания. В самом восстании 1863 года был одной из видных фигур, хотя сведения о его непосредственном участии в бою не сохранилось. Однако известно о дерзкой попытке освободить Иерозлава Домбровского из Цитадели, где в свое время сидел сам Гралевский.

После разгрома восстания он сумел бежать за границу. Гралевский — один из немногих "наказцев", сосланных в начале 40-х и принявших участие в восстании 1863 года. В Швейцарии Гралевский завершил издание журнала, задуманного вместе с К. Мильковским — "Братерство" ("Братство"), предназначенного для поддержания патриотизма среди крестьян. Вышло 4 томика издания, в третьем была помещена статья "Несколько слов о грузинах" (60, 64-66) и текст "Песни грузинки" (60, 87-92). Издание это не доходило до Польши и распространялось в эмиграции.

В 1865 году Гралевский развернул литературную и издательскую деятельность в Лисске: издавал в соавторстве книги религиозного содержания, а отдельно выпустил свою работу — "Мысли о наших действиях на родине и за границей" (61).

Значительную часть времени в те годы он провел за границей. Известен тот факт, что в 1869 году в Париже в эмигрантском Комитете научной помощи он прочел публичный доклад "Польши на Кавказе". Этот доклад подробно описал друг Гралевского А. Гиллер, крупнейший знаток деятельности поляков периода восстания

и польской эмиграции (62).

Видно, кавказские впечатления никогда не покидали Гралевского. За границей он заново пишет свою утраченную работу. Вскоре Гралевский получает разрешение на жительство в Галиции и поселяется во Львове. В 1873 году он издает мемуары "Дни из неволи". В 1875 году появляется в печати "Грузия с Осетией". В 1877 году полностью выходит "Кавказ", в который вошла и "Грузия с Осетией", и в расширенном виде "Поляки на Кавказе" (59). Издание во Львове позволило избежать жесткой цензуры и донести до читателя свои антисамодержавные мысли. В те годы Гралевский продолжает поездки по Галиции для сбора этнографического материала.

Даже перечень фактов из биографии Гралевского создает образ неутомимого труженника и борца. Иногда возникает впечатление, что имеешь дело не с одним человеком, а с несколькими. Впрочем, это характерно для тех "кавказцев", кому удалось вернуться на родину. По неутомимости и редкой любознательности Гралевского можно сравнить с К.Малчиным, о котором мы пишем в главе о Руставели.

В некрологе о Гралевском пишется как об этнографе. Ни слова о его политической деятельности не сказано. Это доказывает, что говорить о биографии "политических преступников" в самом конце XIX века было невозможно (63).

Рядом с главными кавказскими литераторами-политами выступают иные фигуры, также достойные внимания.

Михаил Бутков-Андрейкович (скончался в 1861 году, дата рождения не установлена). Я.Рейхман указывает место рождения:

"родом из Эндзи" (4,27), год смерти установил Барановский (14,44). Сослан по "делу Кснарского".

Путь Анджейковича, как и большинства ссыльных, лежал через Владикавказ. Он оставил красочное описание Военно-грузинской дороги в своих "Счерках" (64). Анджейкович был сослан без права выслуги. Это считалось самым тяжелым наказанием. Через год ему вернули дворянство и право офицерской выслуги. М. Анджейкович пребывал с полком в Тбилиси два года. За это время он сблизился с Заблоцким и Янишевским и, хотя единственное произведение Анджейковича вышло в Варшаве через много лет, он был одной из центральных фигур кавказской группы литераторов, одним из четырех друзей, которым Заблоцкий посвятил том своей "Поэзии".

В Тбилиси он собрал обширный материал по истории и этнографии. Позже Анджейкович (его равнозначно называют Бутовт) со своим полком был отправлен в военную экспедицию, служил в артиллерии. В его записках появляется крепость Темир-Хути-Шугра, часто встречающаяся в разных мемуарах, пути ссыльных там пересекались. В 1844 году он участвовал в одном из самых тяжелых боев в Дагестане. Он пишет о борьбе против Шамиля, называя его тираном.

Занятиям Анджейковича этнографией серьезную оценку дал Заблоцкий в письме к Крашевскому. Крашевский, судя по письмам Заблоцкого, постоянно просил прислать ему материалы о Кавказе, повторял, что ему нужно изображение разных уголков Кавказа. Заблоцкий в письмо о кавказских литераторах включает и пассаж о том, что Крашевский наконец получит полноценное описание: "... впечатления и наблюдения, собранные во время

путешествия по левому отрогу Кавказа, передаю господину Михаилу Бутовту, который уже несколько лет работает над описанием Кавказа, изучает здешние языки, собирает исторические материалы и значительную часть своего произведения, столь важного и интересного для нас, уже обработал. Отрывок из него под заглавием "Дербент" он отослал, как говорил мне, Вам для "Атенеума".¹ Я не читал этого произведения, но надеюсь, что он написал хорошо, так как по дарованию, наблюдательности и поистине немецкой эрудиции в вопросах, касающихся Востока, редко кто может с ним сравниться. Пожалуйста, ободрите его и напечатайте то, что он Вам послал, так как это человек молодой, лет двадцати, не больше² и нуждается... в поощрении (I.2.6).

В 1845 году Анджейкович получил офицерский чин. Стараниями семьи был переведен в Гренадерский корпус в Новогородке. Он прослужил еще 10 лет, лишь в 1855 году вышел в отставку. После этого жил в Петербурге, где и скончался.

Двухтомный труд "Очерки Кавказа" Анджейкович издал в 1859 году в Варшаве (64). Среди польских работ "Очерки" по объему равни лишь "Кавказу" Гралевского. Манр их определить сложно, мы имеем дело именно с записками, которые не носят научного характера, но имеют источниковедческое значение.

В "грузинской части" "Очерков" Анджейкович описывает Душети, Мхета и в первую очередь Тбилиси. Рассказ об архитектурных памятниках, замках перемежается с легендами об истории города и разных районов Грузии, к примеру, о развалинах храма

¹ "Дербент" был помещен в "Атенеуме", 1843, т. II, с. 204-229.

² Здесь, по-видимому, неточность. Письмо написано в 1843 г. Суд по делу Конарского состоялся в 1839 году. При всей молодости участников вряд ли Бутовту было 16.

или о замках, построенных, как было сказано автору, при царице Тамар.

Андрейкович, правда, поверхностно, глазами путешественника, а не исследователя пытался постичь небезошибочное для европеянца многообразие кавказских народов: "А на нашем стоянском Кавказе едем, закуришь трубку у очага одного народа, а пока она потаснет, уже миновешь несколько краев и народов" (64, 18).

"Очеркам" Андрейковича посвятила специальную статью Д. Оссовская. На их материале она поставила вопрос об особенностях путевой прозы в эпоху романтизма. Тема "путешествия по принуждению" позволила исследователю сделать интересные наблюдения о поэтике романтической прозы (65).

Ксаверий Петрашкевич (1812-1842) также занимал одно из значительных мест в деятельности кавказской группы. Он был четвертым из тех, кому посвятил свои "Поэзия" Заблоцкий (66), тем самым как бы утвердив ядро группы (наряду с Якимевским, Штельницким и Андрейковичем).

Рейхан пишет о Петрашкевиче как о студенте Киевского университета, "по списку Кошарского" сосланным в артиллерийский корпус (4, 29). "Политическое преступление" и место ссылки указаны верно. Что касается университета, то в познанском "Дневнике докторов" появились "Отрывки из дневника бывшего виленского студента Кс. П., ныне солдата Кавказского корпуса", а также сонеты Петрашкевича (67). Скорее можно доверять данным из работы, вышедшей при жизни автора. Как о студенте из Вильны пишет о нем и Барановский (14, 52). Последние его заметки

О родственниках Петрашкевича на Кавказе повествуют "Замысли"

По-видимому, зимой 1840 года он участвовал в тяжелом походе из Тбилиси по Военно-грузинской дороге в горы. Отрывки из записок воссоздают облик истинно любознательного человека. Оказавшись на ночлеге во Шхета в походных условиях, он не упустил возможности осмотреть древнюю столицу Грузии: "Осталась еще крепостная стена, а посередине - грандиозная церковь, может быть, самая большая в Грузии, где покоятся здешние цари - посетил эти захоронения, не мог прочесть надписей, кроме одной по-русски, это была могила царя Ираклия, последнего из правивших царей" (67, 198). И такой интерес - в первую же зиму пребывания в Грузии.

В "Записках" воссоздана одна из самых ярких картин походного быта, какой мы не находим в более подробных очерках.

По Военно-грузинской дороге продвигались с пушками, которые постоянно увязали в снегу. Ни человеческого следа, только повозка с багажом саперов, прошедших вчера. Приходилось стоять часами по пояс в снегу. Едва удалось купить у солдата полена, чтобы согреть воду. "Утром почувствовал боль в глазах от снега - не заметил сразу, что лицо мое горело; взглянул на солдат - передо мной толпы слепцов, один ведет другого; вскоре и я совершенно ослеп, кричал от боли. На третий день марша меня посадили на коня, и я с завязанными глазами, как слепая Фортуна, пустив поводья на волю коня, прибыл вместе с отделением во Владикавказ, помалу начал прозревать и слава Богу прозрел окончательно, а позже узнал, что многие солдаты навсегда потеряли зрение" (67, 198).

Во-первых, удивляет сам факт ведения дневника в таких условиях. В то же время история сохранила немало подобных

примеров, когда дневник был своего рода спасением. Трудно назвать Петрашкевича писателем в строгом значении этого понятия, его сделала литератором именно судьба. Во-вторых, в этом эпизоде вырисовывается Кавказ как он действительно оказался сильным; после таких записок нечего говорить о том, что Кавказ мог остаться в польской литературе лишь источником экзотического вдохновения и любования. Уже нескольких отрывков достаточно для утверждения, что польские сильные безмерно расширили представления читателя о жизни их соотечественников. В третьих, поражает оперативность; с которой заметки попали в познаньский журнал - опубликованы через год после описываемого эпизода. И наконец, этот отрывок расшифровывает культурную традицию, в которой был воспитан автор. Одно сравнение со сленой Фортуной ориентирует нас на романтическую прозу.

Опубликованные в том же номере альманаха "Кавказские сонеты" откровенно соотносятся с "Крымскими", написаны под влиянием великого Мицкевича. Удивляться не приходится. Под влиянием польского гения находилось все поколение и поэты гораздо более сильного дарования, нежели Петрашкевич.

Судьба Петрашкевича трагична. Сведения о ней расходятся. Несомненно, он был тяжело ранен. Заблудный, не оценивая его гарования, пишет Подберескому: "Петрашкевич, автор "Двух великанов", во время последнего похода в горы был ранен в живот пулей, которая там осталась. Ужасные страдания, какие он из-за этого испытывает, заставили его поехать в Пятигорск ... а оттуда, если выживет, должен отправиться на родину, так как уже получил освобождение..." (I.2.I). Я.Яничковский пишет о нем кратко, но касаясь его сочинений: "Славного Петрашкевича, ин-

валида с пулей в животе уже давно нет на Кавказе - он вернулся на родину, занимается воспитанием детей жителей Волны, и, насколько ему позволяет здоровье, без сомнения, пестует в домашней тиши родные музы" (I.2.2,121).

Однако в некоторых источниках указывается на раннюю смерть Петрашкевича (68). Рейхман называет дату - 1842 год, то есть литератор скончался в возрасте 30 лет, сразу же после отъезда с Кавказа(4).

Сведения о Станиславе Винницком скудны. Заблочкин пишет о нем Крашевскому с искренней теплотой (почти те же слова повторяются в письме к Подберескому): "Пересылав Вам также четыре аккорда лютни Станислава Винницкого, разбитой преждевременной бурей рока. Мне удалось найти эти стихи. Этот молодой человек, подававший большие надежды, умер год назад в госпитале в крепости Грозный... Таков последний отзвук души честного Станислава, наверное, он будет ему милым и желанным. Кажется, блаженной памяти Винницкий закончил свою поэму "Артем Попович", начало которой было опубликовано в первой части "Русалки".¹ Год тому назад он читал мне несколько стривков из нее; но, несмотря на общие усилия всех его знакомых, мне не удалось получить о ней более точных сведений..." (I.2.6).

По письмам устанавливается дата смерти - 1841 год. Можно предположить, что и он прибыл на Кавказ "по списку" Конарского. Краткие сведения о нем встречаются и в иных источниках (69;70).

¹ Календарь "Русалка" издавал в Вильне А.Гроза. В 1838 г. в нем были помещены стихи Винницкого и начало поэмы.

Материалы о педагоге и литераторе Винченци Давиде (1816-1897) несколько подробнее (47, УП; 71; 72). Родился под Замостием, там же окончил гимназию, в 1837-41 гг. учился на отделении филологии Петербургского университета. Публиковал в "Незабудке" Барцевского поэтические пробы и трактат по искусству. По окончании университета преподавал в Льблине.

В. Давид был связан с кругом Эдварда Дембовского - выдающегося польского революционно-демократического идеолога, погибшего в 1846 году от австрийской пули в Краковском восстании. В. Давид был сослан, однако, на Кавказ уже раньше - в 1844-м, служил солдатом до 1853 года. Он принимал участие в 77 походах и экспедициях (возможно, это и рекорд среди "кавказцев"). По иронии судьбы он ненавидел войну и откровенно выразил это в поэтических строках (15, 407-408).

Из кавказских его произведений известна поэма "Техе или разрушение аула Дуббы", в которой он и обращается к PROVIDENCE с мольбой об окончании войны (73). Тематика поэмы носит черты бабронизма, а воплощение темы говорит уже о моментах реализма в творчестве "кавказцев": в поэме описаны родные связи чеченцев и их примат над связями социальными. Текст поэмы насытен примечаниями и комментариями к фольклорным образцам, а это уже выходит за рамки восприятия "летей гор" только как материала для собственных лирических построений. Давид, к примеру, приводит в тексте чеченскую песню, а в примечании дает текст первой строфы в оригинале. Сказалось, видимо, его профессиональное филологическое образование.

Тем не менее переход к реализму был еще неоформленным, романтическая традиция брала верх. В романтическом духе обра-

ботани "Три кавказских предания": одно из Малой Чечни, другое из Дарьяльского ущелья и третье, записанное им по дороге из Темир-Хан-Шуры в Пятигорск (74). Предпосланы этим преданиям несколько поверхностные суждения о фольклоре Кавказа, отмеченные, однако, желанием служить благим целям.

Кавказские воспоминания В. Давида довольно обширны. Вообще Давид был литератором плодовитым, энергичным и несобыкновенно трудолюбивым.

Вернувшись на родину, он расстался с учительством в Люблине и Плоцке. Последние годы провел в Варшаве. Давид, наверное, единственный из сильных поляков этой группы дожил до 81 года. И это после участия в 77 походах...

Судя по воспоминаниям, Давид пользовался всеобщим уважением. Даже у Янишевского не хватило для него язвительных слов и он бесповоротно признает его литературные заслуги.

Сведения о Марцине Чеплинском обрывочны. Он скончался в 1847 году, дата рождения неизвестна. Псевдонимом Оссория в "Атенеуме" и "Библиотеке Варшавской". На Кавказе пребывал в 1831-33 годах (судя по датам - после восстания). В связи с тяжелым ранением получил позволение вернуться на родину. Хотя библиография его публикаций довольно обширна, как кавказский писатель он фактически следа не оставил.

Мнения о У. Корсаке прямо противоположны. Т. Лада-Заблонский сообщает в письме Подберескому: "Уго Корсак, молодой юноша, пишет повесть по грузинским преданиям под заглавием "Ки-

коли". Это будет картина нравов, суеверий и характеров этой страны. Отрывки, которые он мне читал, отличаются верностью наблюдений" (I.2.1).

Требовательный Янишевский не жалеет желчи: "...Хуго Корсак. Благородная душа! - Покойник Лада - хотел его силой сделать романистом и так одурманил малого, что тот уже сшил несколько десятков листов бумаги, обозначил на первом крупными буквами: "Микэли", грузинская повесть, написанная Х.Г." и даже замарал несколько страниц. Но слава Богу! Хуго по натуре и образованию математик, парень с высшим образованием и здравым рассудком. Довольно скоро огляделся он в своих литературных происках или намерениях... и, похоже, прибавил к названию "Повесть грузинская для разжигания трубок", что в действительности и исполнил. И уже одним кавказским писателем меньше. Но зато добрый Хуго читает хотя бы, а не пишет, любит родную литературу и от души приносит ей те небольшие жертвы, за которыми она иногда протягивает к нам руку" (I.2.2). Найти опубликованное им не удалось, видно Янишевский оказался прав.

Константы Заху Заблоцкий посвятил две строки: "Константы Зах, познакоившись со здешними языками, собирает предания и переводит народные песни закавказских татар и персов"(I.2.1). Письмо написано в июне 1843 года.

Янишевский в 1849 году подводит черту под этими начинаниями: "Константы Зах... знал языки: персидский, татарский, турецкий; собирался всю жизнь писать турецкую или персидскую грамматику и был в состоянии исполнить этот замысел, но все осталось в проекте... Однако это был человек, муж великой

стойкости духа и благороднейших чувств. - Да и мог ли он грызть грамматику, озабоченный ежедневной мыслью о хлебе? Это нужда загнала его повторно на военную службу, несмотря на расстроенное здоровье. - Подрядившись на строительство железных дорог в горах, он нашел там смерть под обломками скал в волнах горного потока. - Вздохнем же о честном Костусе - жаль его больше, чем десяток наших братьев поэтов!!!" (I.2.2).

Для полноты картины нельзя не упомянуть еще о нескольких фигурах.

Друг Ствельницкого Ян Заленский (1807-1877) был связующим звеном между литераторами, объединенными вокруг Заблоцкого, и другими сильными "конарщиками". В своем оригинальном творчестве выступал как один из самых радикальных кавказских писателей. Его роман "Аристократия с вариациями", опубликованный в киевской "Звезде", вызвал острую полемику (35).

Из его работ о Кавказе можно отметить "Воспоминания из поездки по Кавказу" (Ю, 548) и "Отрывки из дневника" (75). "Отрывки" как раз менее интересны, чем остальные произведения Заленского: это довольно поверхностное описание Тбилиси, его архитектуры, быта жителей, грузинской кухни и национальной одежды. Кратко пишет Заленский и о тбилисском костеле. "Отрывки" можно оценить как довольно колоритную статью ознакомительного характера, написанную человеком, глубоко не знавшим жизнь Грузии. Сведения об авторе скудны.

Сохранились две рукописи на кавказскую тематику, принадлежащие сильным "по списку" Конарского - Владислава Ёрков-

ского "Воспоминания о Кавказе" (10,548) и Флориана Зелиньского (10,548). По-видимому, из "списка" Конарского был и Элиан Мучлер, орацавшийся за помощью к Заблоцкому как к главе литераторов-поляков на Кавказе (I.2.8). Его стихи были опубликованы в "Рубоне" (1846, т.7). Еще два имени литераторов, сосланных после восстания: Станислав Цилат и Леон Гершевский. В их воспоминаниях грузинская тема не звучит, так как они служили на Северном Кавказе. Сохранилось и множество имен, которые известны по одному или двум стихотворениям, а также по отрывочным воспоминаниям.

После 50-х годов новых ссыльных фактически не было, во всяком случае "волны" ссылок завершились. Из серьезных политических преступников - литераторов позже всех был отправлен на Кавказ, пожалуй, Гедеон Гедроич, чья судьба также могла бы стать материалом для романа.

Родился в 1826 году в Литве, образование получал в Варшаве. В 1848 году был арестован вместе с Пеньковским и Хомичевским по обвинению в подготовке покушения на Николая I.

Сидел в Цитадели, был отдан под военный суд. Приговорен к повешению. Николай I заменил казнь на вечную ссылку на Кавказ в солдаты. После труднейшей поры жизни и участия в самых рискованных экспедициях ситуация Гедроича несколько улучшилась. Его назначили сушить при штабе, а во время войны с Шамилем он каким-то образом дослужился до офицерского чина, при этом, как отмечает Гралевский, заслужил и расположение Шамиля. Свободное время отдавал литературе.

Гедроич был тесно связан с поляками на Кавказе. В Тоили-

си он попал уже после смерти основных представителей литературного сообщества, когда творческая жизнь первой "волны" угасла. Был близок с Гралевским и описан в его воспоминаниях.

Гедроич умудрялся получать на Кавказ польскую литературу, причем не в Тбилиси, а в полки; вместе с иными соддатоми составил библиотеку. Гедроич - своего рода летописец тяжелых условий жизни Полонии на Кавказе, причем картинки быта описывал в стихах, в небольших "позмках", дополняющих воспоминания.

Гедроич служил на Кавказе 13 лет, потом ему удалось неизвестно каким образом бежать на родину. Он принял участие в восстании 1863 года. После поражения восстания нашел приют во Львове, где и издал свои воспоминания. Дальнейшая судьба его неизвестна. Все сохранившиеся факты представляют нам картину сильную и несгибаемую.

Впервые восстановив в более или менее последовательном виде биографии, мы считаем, что они возникают как бы то затухающей: от ярких портретов к пунктиру.

Если представить групповой портрет "кавказцев", в центре окажутся Заблоцкий, Янишевский, Этшельницкий, Потцкий, позже Гралевский и Лапчинский. Вокруг них располагаются четкие или менее четкие фигуры, а дальше во тьму уходят тени и силуэты разных людей. Некоторые не видны вовсе, от них осталось имя. Таких десятки. Быть может эта композиция естественна? Самые значительные оставили и самые четкие следы своего присутствия. Менее значительные - абрис. Но поражает недоговорочность судьбы и многих ярких личностей.

Янишевский утрачивает свой едкий скептицизм перед эми

картиной, которую он и не мог полностью охватить, и с искренней печалью подводит доступный ему в 1849 году итог: "Итак... Винницкий умер в лихорадке, Стшельницкий от воспаления кишок и дизентерии, Зах погиб, увнесенный горным потоком и заваленный камнями, Заблоцкий умер от холеры..." (I.2.2). Добавим - Потоцкий далеко не старым, довольно молодым Анджейкович, в 30 лет Петрашкевич, Чеплинский после ранения, Мучлер покончил собой... А о судьбе многих уже никогда не будет известно.

А.И.Герцен составил известный "мартиролог" русской литературы. Этот, составленный до герценовского, не включает столь известных имен, но представляет не менее горестные судьбы.

I.3. Поэзия изгнания

Поставим один из принципиальных вопросов. Была ли это литературная группа? В формальном значении нет. Кавказские литераторы не сформировались в какое-либо объединение, не имели своего "списка". Они никогда даже не собирались вместе: разбросанные по разным полкам, они либо пересекались в совместных походах, либо встречались в Тбилиси, пребывание в котором было для каждого мечтой.

Можно ли считать этих литераторов группой по сути, на типологическом уровне? Безусловно.

Вся польская литература романтического периода, времени подготовки первого восстания и эпохи между восстаниями во многом воплощает трагедию народа, безрезультатно боровшегося за свою независимость. В литературе же, возникшей на Кавказе, как бы сконцентрирована деятельность людей, пострадавших за родину, насильственно вырванных из привычной среды. Это некий

лоскут общенациональной интеллигенции, естественно, неоднородный, но для страны являющийся ее органической, во многом лучшей частью.

После восстания 1830-31 гг. Польша как бы еще раз насильственно разделяется на новые составные. Это части не географические, появившиеся после раздела, а функционирование различных духовных сил. Возникает западная эмиграция, сибирская каторга и кавказская ссылка. Осколки еще недавно одного целого, они тем не менее качественно различаются. Положение западных эмигрантов особое: им удалось основать издания, новые общества, в какой-то степени готовя страну к новому этапу борьбы. Положение сибирских узников отчаянно. Кавказская поэзия и проза по сравнению с литературой сибирской ссылки имела те преимущества, что связь с родиной была возможной (35,55).

Фигурой, пытавшейся не только объединить литераторов и оказать им посильную помощь в публикации, но и представить писавших на Кавказе как некое сообщество, был Лада-Заблоцкий. Самоощущение литераторов-"кавказцев" расположено как бы между двумя полюсами. Заблоцкий всячески старается расширить возможные контакты соотечественников, оказавшихся в ссылке, с издательствами на родине. В письмах к Крашевскому (I.2.6) и Подберескому (I.2.I) он представляет коллег, их творчество.

Произведения Вл.Штельницкого он посылает в "Петербургский еженедельник", позже его стихи и стихи Винницкого - в "Атенеум" Крашевского.

Литературная характеристика Штельницкого, Янишевского, Анджейковича, Вежбицкого, Корсача, Винницкого в письме Заблоцкого к Подберескому свидетельствует об искреннем желании

представить друзей как явление значительное (I.2.1).

Янишевский же охлаждает Подбереского безжалостной оценкой твоих вестей соотечественников на Кавказе (I.2.2). Он подходит к нему с позиции высших культурных ценностей и считает, что среди литераторов нет дарований крупного масштаба.

Сравним взаимную характеристику поэтов. Заблоцкий - Подберескому: "Леон Янишевский опубликовал в Варшаве свое стихотворение "Баркарола", отрывок из поэмы и перегад "Цыган" Пушкина, о котором так лестно отозвался господин Михаил Грабовский в еженедельнике. А два тома стихов, которые он должен был печатать в Вильне, не вышли по причинам, от него не зависящим... Особой оригинальностью замысла и глубиной чувств и мыслей поражает его драматическая поэма "Два дня". Сейчас он пишет "Картины и впечатления от путешествия на Кавказ", которые будут выше, чем у Марлинского, а тем более Войцеха Потоцкого... (I.2.1).

Янишевский - тому же адресату: "Заблоцкий. - Знаешь его, хоть и не так хорошо, как я. Не ищи здоровой, сильной мысли ни в его сочинениях, ни в его жизни, ни в его смерти. - Везде у него мысль невольница поверхностной манерности. Наконец и ему самому надоел этот концерт на Золотой арфе - захотелось ему выступить мыслителем - поэтом... и написал "Казбек"... галиматья, как Казбек, грандиозную! - Написав "Казбек", принял обязанности (управляющего - М.Ф.) Соляными копиями незадолго до смерти и окончил жизнь над реестрами и графами!"^I(I.2.2).

^I Здесь Янишевский скорее всего желчно намекает на то, что "Казбек" был посвящен В.Потоцкому, который вскоре ходатайствовал перед царскими властями о назначении Заблоцкого управляющим.

Здесь, помимо очевидного несходства натур, выразительно звучит и принципиально различный подход к явлению.

Инишевский руководствуется критериями сугубо эстетическими и, не обнаруживая в Заблоцком и иных оооооах своего описания задатков для создания бессмертных ценностей, пренебрегает свести на нет и значение их деятельности.

Заблоцкий же относится к кавказской литературе иначе. Он не раз писал, что для него она была бегством в мир мечты, что он бы не занимался поэзией, если бы не ситуация, в которую его поставила жизнь. Литературу он мыслит как спасение и для себя, и для коллег. Действительно, исследователи отмечают, вскользь, что до возникновения библиотек (позже созданных ценой огромных усилий поляками даже в полкост), там, где не было костелов, где ссыльные были разрознены, существовала лишь литература (37,26). Заметки ночью, порой у походного костра, были большим, чем удовлетворение творческого жара — они были способом выжить и не утратить своей индивидуальности.

И тем не менее у Заблоцкого подход к деятельности друзей по несчастью имеет и другую сторону. Не жалость к судьбе коллег и своей собственной желает он вызвать у читателя. Заблоцкий, хотя это никак не сформулировано, несомненно, видит в своей работе и опытах друзей некую миссию: не сказать соотечественникам о мыслях, замыслах, судьбах многих людей своего поколения, объединенных в прошлом свободомыслием и надеждами (а в некоторых случаях и конкретными выступлениями), а настоящим же — ссылкой и горестной необходимостью служить в войске и бравать с гордами против своих убеждений.

Собрав материал в некую целостную картину, можно сделать

вывод, что в определенном смысле "кавказцам" было дано такую миссию выполнить. Заблоцкому вообще свойственно ощущение предназначения. Это проявилось уже в ранних стихах. Носителем предназначения был поэт. Это, безусловно, романтический образ пророка, которому недоступна суета света.

Приведем стихотворение Заблоцкого, в котором эта поэзия выразилась наиболее полно:

Подстрочник:

Вдохновенный пророк засверкал среди черни,
Туча раздумий омрачает его чело;
Не прерывайте его видений, неверные!
Берегите его думы!

Когда ветренная /легкомысленная/ молодежь, увенчанная
цветком,
С радостью жизни промчится по полям,
Он, грустный, тоскует летом о прошедшем,
Как ангел, изгнанный с небес (32, 122).

Это стихотворение относится к первому, по классификации самого поэта, периоду творчества.

Что касается того вопроса, является ли поэзия для смелых лишь бегством от действительности, она неоднозначен. Как известно, сам Заблоцкий не только писал стихи до ссылки, но и оказался на Кавказе из-за своего антицарского стихотворения. Так что скорее всего Заблоцкий продолжал бы творить и в иной ситуации, хотя он не раз говорил о том, что хотел стать ученым.

Но некоторые "кавказцы" стали литераторами именно вследствие ссылки. Таким образом, при всем различии оценок Янишевского и Заблоцкого, точка соприкосновения у них имеется. Кавказская литература как нечто целостное возникла не только в ссылке, но из необходимости заполнить духовный вакуум. В этом

одна из определяющих, сущностных ее черт.

В литературе этой много пробелов: погибшие рукописи, незавершенные произведения рано умерших авторов, умолчание о том, что написано. Помимо того, неизвестно, какие купюры при публикациях сделаны цензурой, так как материалы с Кавказа подвергались особой проверке. Как отмечает Д.Оссовская, "каждая попытка создания синтетического образа требует большой осторожности в выводах" (37,26). В поэзии "кавказцев" мы встречаемся с не всегда расшифровываемыми аллюзиями, табу на вопросах политики, неизвестными криптонимами, множеством намеков.

Все это проникает и на идейный, и на тематический уровень произведений. Перед нами принципиально двойственное явление. С одной стороны, одним из определяющих моментов поэзии является самораскрытие, исповедальность (у Заблоцкого, Стигльницкого, Петрашкевича, Анджейковича), с другой стороны - философская отвлеченность, абстрактность образов. Во многом это заложено в романтической традиции, а также в атмосфере, в которой были воспитаны бывшие филареты и филоматы, но в значительной степени недоговоренность и некая "нематериальность" позволяли скрыть за метафизическими рассуждениями невозможность сказать о себе правду. Особенно это касалось работ, предназначенных для публикации.^I

В результате действия подобных факторов при всей биографичности творчества "кавказцев" так трудно восстановить мно-

^I Нельзя не иметь в виду то обстоятельство, что произведения сильных "кавказцев", появившиеся на так называемых "восточных землях" (на территории Российской империи), и книги, вышедшие на Западе, то есть свободные от цензуры, разительно отличаются.

гие вехи их биографии: одни проступают в стихах и прозе с излишней подробностью, другие канули в вечность. Произошло как бы органическое слияние особенности их судеб и поэзии: недоговоренность, эпизодичность, подчиненность непредсказуемой судьбе, неуверенность в завтрашнем дне.

Возникает вопрос: имеет ли эстетическую и иные ценности литература, возникающая как бы поневоле? Может быть, ее вообще мог не быть? Или, напротив, оказались авторы в более естественной для себя среде, они состоялись бы более многомерно? Но история не терпит сослагательного наклонения. Эта литература возникла, и недоговоренность — ее органическое свойство, а в определенном плане и отзвук трагичности судьбы всего польского народа той эпохи. Безусловно, следует исходить из того, что польской литературой было сделано, а не из того, что "кавказцы" могли сделать. Мы имеем дело с особой словесностью, возникшей в экстремальной ситуации и воплотившей эту экстремальность. Наследие "кавказцев" несет в себе черты маргинальной литературы, но литературы, неотъемлемой в целом от общепольского культурного процесса.

Да, перед нами литература второго ряда. Но, как известно, писатели второго ряда во многом создают художественный фон эпохи. В данном случае они создали целый филиал польской литературы Кавказа. При этом следует учитывать, что не только Заблоцкого, но и большинства из них образование, эрудиция, вкус и запросы были выше их поэтических возможностей. Во многих случаях в поэзии "кавказцев" ощущается примат мысли, идеи над художественным воплощением. Не менее иронично, чем это мог бы сказать Янишевский, Заблоцкий назвал их вклад "вдовьим

грошом на алтарь родной поэзии". Каков же этот вдовий грош?

Наиболее определенную идейно-тематическую целостность в творчестве "кавказцев" составляет поэзия. Как отмечалось исследователями, она по своим типологическим свойствам составляет некое единство с эпистолярным наследием. В первую очередь это определено тем, что стихи польских ссыльных были эмоциональным откликом на события их судьбы и выражением настроения души. Большинство стихотворений является либо исповедью лирического героя, что вписывается в задачи романтизма, либо героем произведения является "поэт", "творец", который во многом совпадает с мироощущением лирического "я". "Отсутствие очевидной дистанции между воображаемым художественным миром и реальностью биографической ситуации полностью подтверждается сравнением поэтических текстов с эпистолографией, в которой непосредственное выражение авторского замысла является атрибутом формы" (37, 26).

Следует сразу оговорить, что определенной политической программы и социальных проектов переустройства общества у "кавказцев" не было, во всяком случае они не прослеживаются в их наследии. Это отчасти объясняется юным возрастом изгнанников, а, может быть, и тем, что руководителей заговоров и теоретиков либо отправляли в Сибирь, либо казнили.

Политические идеалы "кавказцев" в основном отличаются единством - это независимость Польши, полное национальное освобождение, антисамодержавные взгляды, свобода личности. Хотя следует отметить, что если в романтическом восприятии вольности писавшие на Кавказе едины, то в конкретных вопросах наблюдается определенный диапазон убеждений. Так, пожалуй, край-

ние полка взглядов - М.Гралецкий, откровенно проклинающий самодержавие, и В.Постоцкий - приближенный наместника на Кавказе. Мы здесь не касаемся деятельности людей типа Х.Держка и В.Струтинского (Герлич-Саса) - офицеров, приехавших на Кавказ добровольно с целью сделать карьеру и придерживавшихся достаточно консервативных взглядов.

Основой мироощущения кавказских поэтов является чувство изгнанничества, пронизывающее все уровни их поэтики. В их случае традиционный мотив роман.изма получает полновесное жизненное наполнение, романтическое мировосприятие накладывается на обстоятельства судьбы. Изгнанничество обретает абсолютный характер. По сгущенности трагизма ощущение оно соизмеримо с палитрой чувств зрелого Лермонтова, декабристов и поляков сибирской ссылки. Если возможно говорить о степени ощущения неволи, то ни Пушкин в юной ссылке, ни Миткевич поры "Крымских сонетов" не передали столь безысходных чувств. Возможно, Туевкин подсознательно чувствовал себя ссыльным на собственной родине. Польские же литераторы были оторваны от родины навсегда, погружены в совершенно неизвестный им до того мир, рядовыми сражались в Кавказских полках против горцев, с которыми были товарищами.

Сама собственная поэзия воспринималась "кавказцами" и как спасение от нравственной смерти, и как стон, который не удалось сдержать. В то же время образ "поэта", "творца" - центральный в лирике Заблочекого, Янишевского, Стешельницкого, Петровского и других - обладает специфическими чертами. С одной стороны, он несет в себе особенности гения, пророка, призванного вести за собой человечество, он - верховное, отчасти даже ми-

фологизированное понятие в системе ценностей "кавказцев". Д.Оссовская остроумно отметила, что "в этом есть что-то от создания образа провинциальных святых" (37,27), при этом имея в виду и несколько провинциальную психологию большинства кавказских поэтов (по типу, а не в оценочном плане).

С другой стороны, этот творец и пророк в мироощущении гениев той эпохи - Пушкина, Лермонтова или Мичкевича был кровно связан с осознанием значения собственного творчества, глубоко связан с лирическим героем. В мире кавказских поэтов проекция этого образа, точнее, понятия, прямо не проецируется на их самоощущение. Напротив, они утверждают некую ущербность своей поэзии. Объяснение этому кроется в целом ряде причин. Во-первых, никто из них не ощущал в себе поистине масштабного дарования, позволяющего совместить собственный мощный голос с образом пугающего рока. Во-вторых, в их неуверенности играло роль как бы окраинное происхождение (большинство "кавказцев" - из небогатых дворянских родов восточных польских земель, Белоруссии, Украины), они изначально не были включены в магистральную линию родной культуры, и наконец - вполне реальное ощущение того, что они насильственно лишены родной почвы, не имеют литературной среды, словно вычеркнуты из жизни.

Одно из самых ярких поэтических самоопределений "кавказцев", помимо афоризма Заблочного о "вдовьем гроше", является стихотворение Вл.Стшельницкого "К...", в котором сконцентрировано отношение самих поэтов к своим музам:

Разные пересекая в те времена края,
Везде я носил летнюю скитальца,
И настраивал ее на разные тона.

Но ах! сегодня давний энтузиазм /вдохновение/
В мрачных /угрюмых/ песнях моих, как и во мне,
Напрасно /ты/ надеялся он найти. —
Найдешь в них неясные очертания сердца,
Недоговоренные надежды, скорбь /печаль/,
Мечты, туманные, как зимние дни,
Порой незавершенный гимн /полгины/ красоте,
А все глухое, сонное, бесплодное... (76, II, 37-38).

И завершается это размышление уничижительной ноткой,
даже чрезмерным преуменьшением собственного значения:

Примешь ли милостиво /снисходительно/ сиротское
Пожертвование изгнанника,
Песнопения, сложенные на старые ноты
(Что приношу тебе, к твоей забаве /развлечению/),
И, не осознавший стремлений века /эпохи/,
Ибит, отставший от времени? (76, II, 37-38).

Подобных размышлений немало в стихах кавказских поляков. Недаром в названии своей работы о поэзии Заблоцкого М. Янион внесла строку из стихотворения "Разбитых арф недозвучавший звук". Однако при всей приглушенности, даже невоплощенности поэзия сильных поляков обладает одной принципиальной чертой, возможно, определяющей ее и как историко-литературное, и как эстетическое явление. Безусловно, столь постоянное, пусть и фрагментарное обращение литературоведов к жизни и творчеству "кавказцев" свидетельствует о том, что их наследие несет в себе определенную ценность. На это указывают все исследователи, параллельно отмечавшие и его слабости, и зависимость от традиции, и даже анахроничность (26; 31; 37; 23; 32).

По нашему мнению, чертой, определяющей значение кавказской поэзии, является присутствие в ней подлинного, серьезно-

го и трагического чувства, которое освещает собой все уровни лирики и скрывает многие пробелы. Это важнейшее ощущение от поэзии "кавказцев" отмечали вскользь многие литературоведы XIX столетия. Знаменателен тот факт, что это свойство лирики сильных поэтов не прошло незамеченным и в середине XIX века.

В разделе "Литературно-критические беседы" "Памятника" научно-литературного за 1850 год (т. II, вып. IV) мы обнаружили рецензию автора, писавшего под псевдонимом "Адольф из Бельска" упоминания о которой не встречали в исследовательской литературе. Изначально рецензент отнюдь не был настроен на восторженное восприятие кавказского поэта, о чем пишет достаточно откровенно: "Был я очень мало настроен на чтение поэзии, с которой сегодня так плохо, что даже перестаешь в нее верить, и, взглянув на усища на портрете автора,¹ подумал: Ах! — это наверняка что-нибудь из кавказского марлинизма или бивачной эстетики..." (77, 102). И далее, осудив современных поэтов, жалующихся на бедность языка, а на самом деле не понимающих соострелных чувств, рецензент восклицает о Заблудком: "Копник Лада-Заблудский был поэт! поэт чувства! Он мог справедливо сказать:

Боже! Ты же мне дал сердце чувствительное и понимающее! Ибо его сердце исполнено чистого благородного чувства, возможно, чересчур эготично воплощенного. Воображение у него скорее приобретенное, сознательно разученное. Хотя описания отличаются яркостью, они тоже ненатуральны и не рождены оригинальным воображением. Лишь чувство тоскует, лучительное и глубокое, правдивое и часто с правдивым вдохновением выраженное. А ско-

¹ В томе "Поэзии" Заблудского помещен его портрет.

лько раз автору хочется быть повеселее, но это ему не удается, сразу же его лира вновь настраивается на тон печали, грустных забот, вновь издает те же ноты... Кто нуждается в том, чтобы сжить свою прозаическую, светскую жизнь поэзией сердца, как грешную душу исповедью, пусть прочтет стихи Ляды-Заблоцкого. Его сочинения недаром называются поэзией" (77. 102).

В этой рецензии, безусловно, не задуманной как исследование, поднято несколько серьезных проблем в связи с творчеством Ляды-Заблоцкого и через него - всех "кавказцев".

Во-первых, критик однозначно вводит Заблоцкого в польский литературный процесс и не на его задворки, а напротив, считает, что пишущим на родине есть чему поучиться у сильного.

Во-вторых, критик улавливает существенные особенности лирики Заблоцкого: богатые духовные возможности, глубину чувства, определяющую и внутренним зарядом личности, и богатством истинных, а не вымышленных жизненных впечатлений и ситуаций. Некоторую бедность художественного воображения замед за собой сам Заблоцкий - он и подчеркивал, что собирался стать ученым.

В-третьих, возникает настойчивый разговор о марлинизме. И тут выясняется интересная деталь. Марлинизм уже в ту пору воспринимался почти в отрыве от собственно наследия Марлинского как явление даже не вторичное, а чисто эпигонское, как несамостоятельность чувств. Критик отрицает марлинизм в качестве определяющего свойства Заблоцкого, утверждая первозданность его чувств. М. Инглот, как мы уже отмечали, провел сравнительный анализ "Махмудка" Стшельницкого и "Мулла-Нура" и показал, что повесть польского писателя возникла не без влияния Марлин-

ского, но при серьезном внутреннем споре, как своего рода антитеза русскому романтику. Связь "кавказцев" с русской литературой является предметом для специального изучения.

И наконец, определяя грустную интонацию как родовую для польской поэзии, критик представляет Заблочного поэтом, имеющим право быть грустнее остальных. Не имея возможности сказать прямо о судьбе политического ссыльного (учтем, что все прямые намеки были сняты самим Заблочким в его сборнике), "Адольф из Бельска" как бы между строк (а вся польская литература той поры направлена на восприятие подтекста) говорит о том, что Заблочный - крайнее воплощение польской судьбы своей эпохи.

Через сто лет Заводзинский также отметил глубину чувств Заблочного (32, П2). Лирика ссыльных поляков возникла как бегство от реальности; и в то же время все подчеркивают, что Заблочный - истинный поэт, и "кавказцы" внесли своим широким охватом нечто новое в общеромантический процесс.

Также однозначно нельзя ответить на вопрос о вторичности кавказской поэзии. Д. Прокофьева в своей ранней работе пишет об известном анахронизме их сочинений (26, 221). И действительно, в них присутствует явное заимствование из уже сложившегося арсенала средств и образов романтической поэзии, использование стереотипов, целых романтических блоков. Поэтов-первооткрывателей среди "кавказцев" не было. Они начали писать в ссылке тогда, когда романтическая эпоха Мицкевича уже утвердилась, и форшировались под ее влиянием. И между тем общность судьбы "кавказцев", определившая всю систему их художественных ценностей, позволяет говорить об их творчестве

как о явлении, несущем в себе черты оригинальности. Оно сраслось с биографией и дало особую ветвь польской поэзии — поэзии кавказского изгнания. По сравнению с литературой, созданной в Польше романтиками второго и третьего поколения, им лирика несет в себе трагизм подлинных переживаний, исключаящий литературную манерность. Каждая тема и образ "кавказцев" одновременно зарисован от романтической поэтики, и вносит в нее новые черты.

Система художественных координат кавказской поэзии поляков построена на мире, расколовшемся надвое как во временном, так и в пространственном плане: на "до" и "после", "там" и "здесь". "До" — мечты, участие в общем деле, полнокровная жизнь, вность, "после" — арест, крушение надежд, изгнанничество, чувство ненужности и заброшенности.

Отметим, что Заблоцкий раньше других ощутил такой разлом. В стихотворении, написанном еще в Витебске в период следствия, он пишет:

Пал /я/ с вершин счастья и прекрасной надежды
На последнюю ступень унижения /позора/ (32, 128).

Иллюстрацией к этому положению может служить большинство стихотворений "кавказцев". М. Гралевский в своем "Кавказе" приводит строки из стихотворения неизвестного польского поэта:

Покинул края моей родной страны,
От своих своими жестоко сторванный (59, 513).

В. Потоцкий в стихотворении "На смерть Владислава Стшельницкого" пишет от имени матери вного поэта:

Дал мне, Боже! сына в своей щедроте,
Но по приговору непостижимому нас разделил (78, 228).

Такое чувство границы, раскола на две контрастных части стало настолько органичным, к примеру, для Заблоцкого, что он даже перефразировал, точнее вольно перевел первые шесть строк стихотворения А.Одоевского "Отцу". Разительное сходство первых шести строк сменяется у Заблоцкого иной разработкой темы. Д.Прокофьева провела сравнительный анализ двух стихотворений (28, 121-128). В стихотворении А.Одоевского звучит тоска, ощущение непреодолимого "предела", олицетворенного в образе гор и цепи вершин. Стихотворение Заблоцкого "Моей матери", написанное им вскоре по прибытии на Кавказ, передает те же чувства. Стихотворение А.Одоевского "Отцу" как бы концентрирует в себе ощущения изгнанника, оно содержит и восприятие мира, расколотого надвое, и противопоставление жизни "здесь" и "там", и обращение к прошлому. Последняя строка строфы: "отдал всю жизнь воспоминаньям" полностью совпадает с глубинными чувствами, даже образом жизни "кавказцев", и с их мироощущением, определившим структурные основы поэзии. Чуть ли не каждое слово строфы Одоевского является ключевым и для поэзии ссыльных поэтов.

Действительно, значительная часть поэзии "кавказцев" содержит воспоминание, а часто все стихотворение построено на цепи реминисценций. Мечта в их лирике напрямую связана с воспоминанием, ибо чаще всего в мечте "узник", "пленник" переносится в родные места, навсегда зафиксированные в сознании как самые прекрасные, в прошлое, которое не может преодолеть в своей душе. Более того, прошлое в системе мировоззренческих и художественных ценностей "кавказцев" никогда не занимает своего истинного места. Оно всегда остается заново пе-

реживаемым, желанным, как бы вымышленным настоящим, в котором протекает их подлинная, полнокровная жизнь. Это придает стихам ощущение несколько заторможенного течения времени и пребывания в пространстве. Точнее, пространство срастается с временем, существует прекрасное "там", на родине, в прекрасном "том", в юности. Даже когда Заблочкий с любовью обращается к Грузии, новой родине, мысли его уносят в мечте к родным краям:

И полюбил тебя, новая моя отчизна!

Так почему же тоскующим сердцем украдкой зову:
Боже! Дай хотя бы покрытому глубокими сединами,
Увидеть порог дома моих отцов! (66, 190)

Своей оторванностью от родины, от близких Заблочкий выразил в безисходных строках:

Напрасны слезы Ваши, братья! По-над моей головой
Уже проходит /мгнует/ буря, бешеная молния пылает!
Напрасны сожаления и вздохи, — уже в свадебные гряд
Облаченный, не саду в кругу друзей!

Уже более не возложите венца на мое чело;
Уже более не поприветствую Вас знакомой песнью,
Ибо ее звуки до того, как дойти до Вас, будут рассеяны
ветром,

Или Эльбрус с Казбеком их зацепит в ущельях,
Или моря поглотят на дне... (79, 109)

Искреннее горькое чувство разлуки и тоски одето в романтические одеяния, однако некоторая помпезность образов имеет под собой и циничное основания. Во многих стихах "кавказцев" присутствует ощущение незащищенности человеческой жизни. Человек является игрушкой в руках враждебных сил, его можно вырвать из привычной обстановки, лишиться надежды, унижить. Постоянное соприкосновение с насилием, предчувствие ранней смерти рожда-

от осознание незначительности одной человеческой жизни. И в то же время польские политические ссыльные очень высоко ценили свободную человеческую личность, это для них высочайшая величина. И, возможно, подсознательно отстраняя свое представление о безмерном значении человеческого чувства, Заблочкин и иные поэты сопоставляют свои чувства с явлениями гигантского порядка. Это Рок, Судьба, вырвавшие их из счастливой жизни, то есть надчеловеческие силы.

Если не вмешиваются категории сверхъестественные, то лишь природным стихиям под силу справиться с их чувствами. Иные стороны произведений Заблочкиного не дают оснований говорить о том, что он преувеличивал значение своей поэзии. Когда в процитированном фрагменте, он говорит, что "ветер рассеет" его песнь, "Эльбрус и Казбек задавят в ущельях", "моря поглотят" и т.д., вряд ли он имеет в виду, что только таким мощными стихиям под силу справиться с его поэзией. Он скорее собственные страдания может соизмерить лишь с явлениями космического масштаба. Это стихотворение Заблочкиного заключает в себе множество ключевых для поэтики "кавказцев" мотивов.

В нем доминирует настроение безнадежности, соединенное с внутренним достоинством и гордостью, которые не позволяют до конца пригнуться к безнадежности. С одной стороны, Заблочкин горько сознает, что не увидит родины, не будет иметь нормальной жизни, с другой стороны, он подсознательно опасается жалости и вводит в произведение стихийные силы, вступившие в борьбу с ним, как бы расширяя масштаб своего "я". Подобное двойственное самоощущение свойственно почти всем "кавказцам" и составляет несомненную особенность их поэзии.

Одной из конструктивных черт всей поэзии "кавказцев" является ее сосредоточенность на лирическом субъекте, что характерно для романтического искусства в целом. Свообразным является сам характер их лирического субъекта. Как было отмечено, это личность, ощущающая безнадежность своей судьбы и одновременно сохраняющая внутреннее достоинство. Так, мысли из только что цитированного стихотворения Заблуждого подтверждаются и развиваются в стихотворении Виннипского "Завеса" ("Пелена"). Поэт стрит его на вопросах, обращенных к далекому другу: "Ты знаешь?", "Помнишь?", "Вспоминаешь ли?" Завершает послание, возможно, не имеющее равных по своему трагизму пожелание:

Не благославляя, не проклиная
И не вспоминая! (80, 172).

Этот противоречивый лирический субъект переживает свою зависимость, незащищенность в мире и в то же время утверждает значительность своей судьбы. Новое наполнение у "кавказцев" получает образ Прометея - один из сквозных в их творчестве. Он проецируется на личную судьбу. Прометей осознается не как герой, добывший людям огонь, в его фигуре ощущается не гигантский заряд подвига, а именно факт пленения, зависимость. Главной в мифе становится его трагическая сторона:

Как второй Прометей, на отроге Кавказа
Повис; от святотатств посинела губа,
Молнии вонзаются в чело,
И стервятник рвет мои внутренности.

Свои меня не признают, а чужой, проходя,
Весело пошвыстывает с язвительной ухмылкой:
И говорит тайком: "Вот стонет преступник,
Вплетенный в колесс страдания (81, 172).

Подобной интерпретации мифа, полностью наложенной на соотнесенные переживания, мы, пожалуй, не встретим у современников Заблочного. Здесь поражают строки, определяющие его внутреннее состояние: не нужен ни своим, ни чужим, для родных перестал быть родным, для иных не стал близким. Безусловно, такое самоощущение лирического субъекта вносит новый оттенок в польский романтизм.

Опять-таки можно говорить об одной из определяющих черт поэзии польской ссылки. С одной стороны, все уровни ее поэтики и тематика кажутся зависимыми от романтических структур, с другой стороны, почти все тематические пласты, все образы отличаются от канонических и многое вносят в романтизм.

Так, к примеру, один из важнейших мотивов романтизма, мотив полета у "кавказцев" обретает одностороннее, но ярко выраженное звучание. Мы не встретим у них образа птицы с расправленными крыльями, всадника и скакуна, подобных "Фарису" и "Мерани". Если и можно сравнивать их с привычными образами, то это только птица в неволе, мечтающая о свободе, подбитый жаворонок у Стпельницкого. Свободного полета у них нет.

Абсолютное одиночество лирического героя "кавказцев", осмысляемое в "промегеевском" масштабе, требовало, однако, естественного выхода из герметического мира, в котором порой возникало чувство ненужности и поэзии, и самой жизни. Поскольку лирика ссыльных - это в первую очередь исповедь души, душа жаждала вырваться из вынужденной изоляции, поэзия искала соответствующей формы. Многие стихи построены как монолог, но гораздо более распространена форма поиска диалога, поэтического послания, монолога без ответа.

Назовем лишь несколько: "К отсутствующей", "К Адвиге и Эмилии К" И.Янишевского, "К женщине", "Она" В.Потоцкого, "К Н..." И.Чеплинского, "К...и...и" В.Стшельницкого и другие. Среди посланий, конечно, очень много друзей, среди них немало посмертных. Обратим внимание на название стихов. Так, Винницкий и Стшельницкий, безусловно, независимо друг от друга называют лирическое посвящение "Печальному другу". У Заблцкого десятки посланий, среди них: "К Констанции Малевской из рода Одинцов", "К энтузиастке", "Владиславу Стшельницкому"; "На смерть Феликса Ордынского", "Дзефу Левицкому", "Петру Д'оровскому", "На смерть Владислава Стшельницкого"... Сам сборник Заблцкого "Поэзия" как было указано, посвящен четырем кавказским друзьям по ссылке.

Такое превалирование посвящений над иной формой, каждая интимного разговора с близким человеком высвечивает ту особенность, что судьба, внезапно разорванные связи становятся определяющей темой поэзии и влияют на выбор лирического жанра, становящегося ведущим.

Поэзия "кавказцев" таким образом становится во многом поэзией посланий и эпитафий. Даже посвящения женщине часто напоминают эпитафии надежде, любви, ибо известно, что встреча не состоится. Вспомним цитированное стихотворение Заблцкого о том, что друзья не увидят его в свадебном наряде. Д.Осовская в одной из своих статей мимоходом заметила, что среди польских кавказских авторов нет женщины, за исключением одной, не имеющей отношения к серьезной литературе. Да, кавказская часть польской поэзии представляет своего рода отчет о судьбе и передвижении солдат, это литература похода, будь то

иринское послание, воспоминание или унесик. Но в этом слуге
до мужской мятратуре почти нет реального объекта - женщины,
и этот придает сильной словесности какой-то синоптический на-
строй. Соли многочисленных посвящения женщины отключаются не-
конкретность, она словно приотступает в виде тени, мечты.
И до сылки образа женщины у Заюпочкого - это типично романти-
ческая мечта о вечной ответственности, доходящая до дестелесно-
сти:

И она, покровительница янопеской дестел,
Доломан, пыкая, прекрасная, словно создание

волшебства...

Горла в с венных челом и чистым чувством / дыл.

Как к Югине весни, сиринно, в согласии,

Подхожили ли к ней - и, украинские венком цветов,

В трикудре возвращались от нее (32, 126).

В "кавказский" период это ощущение углубляется, но при
полной дестелесности образ обретает новур, гелитур основу:

женщина легко и потеряна навсегда (или неосознана, как

Екатерина Чарьявадзе-Далиани, которой вписывал стихи в альбом
В.Потопки).

Тем не менее романтическая поэтика в мире "кавказцев"

удивительным образом, но достаточно полно изучает конкретное ре-
альное воплощение. У приходу, почти во всех посвящениях и

элементов культуры русской прощивается на соответствующую часть. Так,
в стихотворении "Над Арабией" (имеется в виду Арабия) Заюпоч-
кого, датированном 1838 годом, говорится о "походе и боях",
о смерти солдата-соотечественника, и эта смерть приводит За-

юпочкого к грустному предположению:

И, может, еще седомья жена

Соединит с Тодор меч Горца (66, 203).

Казалось бы, это характерное для романтиков размышление. Но в контексте конкретной жизненной ситуации оно имеет совершенно обденный смысл. Происходит как бы проникновение романтической и в то же время объективной жизненной ситуации в поэтику и систему ценностей романтизма, реалистическое обрастание плоть до довольно условного героя. Принятие в романтизме сюжетные ходы становятся реалистическим отражением обстоятельств судьбы.

Скажем, лирический субъект - "узник", "странник", "пилигрим", "одиноким орец" - общеромантический герой, к началу 40-х годов уже обретающий черты литературного штампа. Но, как верно заметила в одной из своих ранних работ Д.Прокофьева, "у источников этого стереотипа была не только "литература" и романтические штампы, но реально жившие люди. Образ этот, оставаясь символом судьбы целых поколений участников войн и восстаний, эмигрантов и ссыльных наполняется совершенно недвусмысленной конкретизацией. В этом случае литературная традиция и стереотип исполняют - по нашему мнению - функцию так называемого "эзопова языка" (28, 127). По мысли исследователя, судьбы декабристов и черты их характера сыграли важную роль в формировании того идеала человека, который был верховным в русской революционной романтической традиции.

Продолжим эту мысль и коснемся того, что осталось за границами наблюдения Д.Прокофьевой. Подобный же идеал с разными моментами модификации сложился и в польском романтизме. Поэты, приехавшие на Кавказ, в Грузию, о юности воспитывались на этом идеале. Но в их случае он получил новое наполнение: он совпал с их судьбой. Далее ссыльные пишут, учитывая и ро-

мантический стереотип, и себя лично, а личная участь не может быть стереотипом. Таким образом, "узник", "пленник", героиней Байрона, Пушкина и Мицкевича становится реалистической и реальной фигурой, хотя сами стихи "кавказцев" с их арсеналом художественных средств остаются несомненно романтическими. Происходит взаимопроникновение поэтической традиции и грубой реальности. Это сказывается на всех уровнях поэзии: и тематическом, и собственно эстетическом.

Ощущение трагичности своей доли гораздо шире, чем представляется на первый взгляд, оно распространено на все поколение и на целую нацию. И действительно, трагедия сильных порой воспринимается как трагедия участников разоблаченных заговоров, обществ и не учитывается, что она прошла через тысячи невест, подруг, матерей, сестер, тысячи несостоявшихся польских судеб, неродившихся детей. Почти никто из "кавказцев" не имел семьи. Безусловно, эти обстоятельства во многом определяют трагическое звучание их поэзии.

При этом следует иметь в виду, что творчество для "кавказцев" играло особую роль. Обилие в их поэзии посвящений и обращений обусловлено образом жизни и одновременно составляет характерологическую черту поэзии. Все сильные мечтают быть связаны хоть стихами, хоть письмами - иной ипостасью поэтических посланий - с родиной. Мир поэзии становится неотъемлемой частью существования. А сколько обращений было утрачено, сколько осталось лишь в замыслах и ушло с преждевременной гибелью? На этот вопрос уже нет ответа. Возникает еще один сюжет из романтического арсенала: девушка, разлученная с возлюбленным, где, а он гибнет в горах. Многократное воплощение этого сю-

кета в жизнь объясняет саму обрывочность, фрагментарность всего массива литературы ссылки.

Горы, кст ти, занимают в системе образов польской "кавказской" поэзии одно из центральных мест. Природа в целом, ее образы и символы насыщают лирику "кавказцев". Как отмечает Д.Оссовска, "бегство на лоно природы было бегством от того, что ограничивало, в то, что означало свободу" (37,33). Однако полной свободы "кавказцы" не получают и в соприкосновении с природой. Они и здесь чувствуют своего рода "прометеевские" пути. Горы, погружение в новую стихию как правило остаются чуждыми, огромными, таинственными и непонятными. К.Петрашкевич в "Ночи в Гомборах" трагически восклицает:

О, везде ты прекрасна, прекрасная природа,
Кроме того, где люди обезображивают ее тирмой
для людей (68,14).

Подобный мотив повторяется во многих стихах. Кавказская природа своим гигантским масштабом вызывает не успокоение, а тревогу. Даже Заблоцкий, а вслед за ним и другие, восхищаясь природой, не находят примирения и успокоения.

Сближение с природой связано у них в поэзии с ностальгичностью чувств. Так, мотивом, к которому постоянно обращаются "кавказцы", является река, образ непеременимый у романтиков, символ жизни, скоротечности времени. Чаще всего это река родных мест: Двина, Днепр и др. Она бывает "ласковой", "прекрасной". Но она возвращает в прошлое, это река-воспоминание.

Иногда возникает желание объединить непреодолимое пространство, слив образ реки с законами человеческой жизни. В стихотворении "На смерть Владислава Стпельницкого" Потоцкий

рефреном проводит мысль:

Месяц светит над Днестром и над берегом К...н;
Днестр спешит в Зуксиний, Кура - в Каспийское море,
А человеческие дела, идя обычным ходом,
Как волны реки плывут в просторы вечности (78, 172).

Далее он пишет о старухе-матери, оплакивающей сына над Днестром. Желание объять вселенную в чем-то совпадает с обращением к звездам у Мицкевича в "Могиле Потоцкой", где великий романтик взывает из Крыма к звездам, светящим на путях к Польша, пытаясь объединить в одном космосе душу умершей, небесные светила, изгнание и родину. Таким образом, из многих мотивов Мицкевича самым близким оказывается причув, вызванный безмерным одиночеством изгнанника.

В мотиве прощания, настойчиво звучащем во многих стихах "кавказцев", доминирует вынужденное отречение от счастья, порой сливается прощание с людьми и родной природой, как в стихотворении Заблоцкого:

О! Уже никогда, наверное, не вымолю прощенья у Бога,
Никогда веки не просохнут от горьких слез;
Друзья, девушка и дорогая страна /родина/,
Прощайтесь с Вами, прощайтесь навеки (79, 110).

В этих знаменательных строках проступают многие ключевые образы и основное настроение лирики кавказских поэтов.

Что же питает эту горькую поэзию? Каковы ее положительные импульсы? Это в первую очередь огромная жажда духовного общения с людьми, иногда силу они питают даже в разговоре с умершими друзьями, ведя в посвящениях и эпитафиях драматических и одновременно исполненный ветлых чувств диалог. В поэзии изучаемых авторов нет четко сформулированной идейной и эстетической

ской концепции, но мотив памяти, объединяющей живых и ушедших, желание продлить в стихах короткую жизнь погибших друзей, несогласие со слепым роком, правда, не доходящее до бунтарства, составляет этическую основу творчества ссыльных. Это наследие, оставленное многими поэтами, составляет как бы коллективное поэтическое собрание, столь близки их настроения, поэтические мотивы, тематика и поэтика. Более того, они ощущали это родство, невзирая на казалось бы полное несходство взглядов Ладн-Заблоцкого и Янишевского. Поэтому в их лирике так много взаимных посвящений, а в письмах — постоянные рассказы друг о друге.

Объединяла этих поэтов и глубокая вера, обращение к Богу — еще одна моральная опора, положительный полюс той поэзии, где ключевыми словами на отрицательном полюсе, помимо связанных с изгнанием, были "ад", "буря" и т.д. Не имея опоры в родной литературной почве, поэты-кавказцы апеллировали прежде всего к человеку как таковому, к абстрактной его модели, но, как отмечают исследователи, модели, лишенной бунтарства и активности первого поколения романтиков. Не было в их поэзии и ярко выраженного сознания того, что смысл страданий в ссылке может быть связан с национальной идеей, что их поэзия нужна как летопись поколения. Это гораздо ярче проявится в творчестве западной эмиграции, а у "кавказцев" — в их поздней прозе. Скажем, в "Кавказе" у Гралевского уже подспудно звучит мысль о том, что он создал документ, необходимый и читателям на Кавказе для ознакомления с какими-то аспектами польской культуры, и полякам как текст, расширяющий их познания о Кавказе.

Однако, не ставя целью создать летопись своего поколения, "кавказцы" в поэзии создали ее, отразив чувства и настроения значительной группы интеллигенции, насильственно оторванной от родины.

1.4. Грузия в освещении польских ссыльных

Важнейшей особенностью творчества ссыльных является расширение тематики польской литературы в целом и утверждение нового этапа грузино-польских культурных контактов. До появления на Кавказе группы политических ссыльных сведения о Грузии в польской литературе были довольно обширны. Это мемуары миссионеров, путешественников, дипломатов. Однако они носили отрывочный и поверхностный характер.

Впервые Грузия вошла в жизнь польского народа именно после того, как значительная часть интеллигенции была сослана в бессрочную ссылку на Кавказ. Происходит не только накопление материала, но и его качественно новое освоение. Для писателей-романтиков до середины 30-х годов Кавказ и Грузия были, как и для начальной поры творчества русских романтиков, краем творческого вдохновения, богатейшей и необычной природы, художественным фоном, экзотической страной.

Отношение принципиально меняется, когда ссыльные оказались рассеянными по кавказским полкам, и поляки оказались вынуждены воевать против горцев, терпеть лишения, узнавать жизнь Кавказа изнутри. Их точка зрения не имеет ничего общего с позицией мимолетных путешественников, поддавшихся моде на восточные впечатления. Обратим внимание на то, что хотя все по-

ляки отмечают особое положение Грузии, ее связь с европейской культурой, все же Грузия на первых порах для поляков была частью восточного мира. Именно смысловым принадлежит выделение ее из иных стран, более детальное ее постижение.

Позицию те, кому пришлось знакомиться с Кавказом в качестве бесправного солдата и одновременно тех, кто заинтересовался им серьезно, точнее всех выразил Вл. Стшельницкий в "Отрывке из начатых очерков Кавказа": "Кто только бы ни сунул кончик носа в границы Азии, уже считается опытным ориенталистом, сразу же издает книгу и с академическим преувеличением рассуждает о Востоке. Восточное небо, восточное гостеприимство, восточные обычаи - повторяется на каждой странице. Господа! Господа! чушь больше скромности и доброй веры! Взгляните на карту! Перед Вами 800 000 квадратных миль, не считая Египта, который тоже принято относить к Востоку. О, Господа! Чтобы этот Восток объехать, нужно нечто большее, чем несколько раз отобедать и отлужить несколько месс в храмах Палестины" (82, 142-143).

Из этой позиции следует, что, во-первых, изучение Кавказа должно быть профессиональным во-вторых, не может быть единого описания Кавказа и единого отношения к нему, в-третьих, требуется особый подход к каждому его уголку. Все эти требования с разной степенью глубины были выполнены "кавказцами".

Для выявления самоощущения поляков на Кавказе, особенно в самый ранний период конца 30-х - середины 40-х годов, когда условия в войске для поляков были особенно жестокими - когда шли самые тяжелые бои в горах, обратимся к письмам. В них звучат горькие слова об участии польских эсильных: "Кавказ набит

подобными мне солдатами, из разных слоев общества, людьми разного положения. Многие пришли в бурой сермяге искать своей участи у Черкесского ножа, и если я не буду рисковать, если не стану жертвой безжалостной судьбы, никогда уж не покину солдатских рядов и окончательно опущусь. Таково последнее решение, таков результат долгого заключения, тяжелой дороги, нужды и моего покоя" (36,50). Далее Вл. Урковский описывает соотечественников, которых он видел опустившимися, спившимися, в крайней нужде. И делает заключение о том, что лучше скорее умереть. Это, пожалуй, одно из самых безысходных свидетельств, однако подобные мысли присутствуют постоянно.

Так, Лада-Заблонецкий в первый и второй год после прибытия на Кавказ ведет переписку с писателем Михаилом Туманишвили, с которым успел познакомиться в Тбилиси. Он делится с ним всем, даже жалуется на кавказскую жизнь, ибо чувствует себя уже не гостем, но человеком, живущим в одном кругу с обретенным другом, и все же вдали от него, так как М. Туманишвили в Тбилиси, а польский поэт — в горах. Заблонецкий свидетельствует, что горы при пещер, "солдатском" знакомстве становятся не предметом вдохновения, но тяжких забот: "... Не надейтесь же, Князь! от меня топографии Кавказа в отношении географическом и поэтическом. Еще что касается первого, могу Вас кое-как удовлетворить, но в последнем!.. могло ли что-нибудь оживить остывшую душу? Навьюченный ранцем с сухарями, с ружьем в руке, карабкаясь по вершинам и обрывам, я не раз проклинал кавказские горы, не замечая их прелестей, и они более давили меня, нежели пробуждали изящное чувство эстетической красоты... Ваша душа еще настроена на высокую гармонию, громь ро-

ка еще не оборвали струн ее, и она звучит величественно, то, естественно!

Но душа моя не издает звуков - и ежели из глубины ее вырвется какой-нибудь стон, то он болезненно похож на крик, дикий, потрясающий крик Прометей, прикованного к громадам Кавказа, которого внутренности исторгают небесные орлы" (I.2.5).

В этой исповеди отражено мироощущение Заблоцкого. Казалось бы, между его мыслями и образами гор в его же стихах - пропасть. И тем не менее, письма - подлинный образец романтической прозы и одновременно - реалистического восприятия мира. Нет ничего противоречивого в том, что в лирике Кавказ видится ему порой прекрасным. Заблоцкий не был поэтом, если бы не ощущал его величия; одно и то же явление в разные моменты жизни бывает идеалом и проклятием, что, кстати, вписывается в поэтику романтизма. Напротив, поражает слитность лирического осознания мира и эпистолярной исповеди. Те же образы возникают у поэта: прикованный Прометей, охлажденная душа, разбитые мечты.

В данном случае важно и другое. Кавказ не просто впервые видится полками изнутри. Изнутри осмысливается и связь с грузинской интеллигенцией, духовное родство с ней.

Следует постоянно иметь в виду, что при всем безнадежном тоне писем и воспоминаний, многие их авторы, в том числе и Заблоцкий, были людьми сильными, проявили немалую творческую инициативу. Деятельность сильных, в частности в области изучения Кавказа, была весьма разносторонней. Первое место среди их интересов занимает Грузия, а пребывание в Тбилиси было для каждого желанным. Так, Заблоцкий в первые же месяцы начал

изучать грузинскую литературу и просил М.Туманишвили почтить ему в изучении грузинского языка (I.2.5).

Д.Анишевский через несколько месяцев после приезда в Тбилиси пишет "Паломничество к могиле Александра Грибоедова на гору Святого Давида в Тифлисе 9 января 1842 года." Оно поражает обилием фактов, особенно по истории христианства. Произведение делится на три части: подробное описание могилы Грибоедова (Анишевский приводит тексты надписей на надгробии), рассказ о возникновении церкви Святого Давида, включенный в повествование о святых отцах, прибывших в Грузию из Сирии и основавших монастыри, и повествование о трагических моментах борьбы с иноверцами вскоре после принятия христианства.

Завершается произведение описанием Тбилиси с высоты горы Святого Давида, детальным рассказом о географии города, о его различных районах. В конце приведены 15 примечаний.

По первому же опусу, написанному в Тбилиси, можно судить, что Анишевский вписался в жизнь Тбилиси на редкость быстро. Город стал частью его биографии. Отметим, что "Паломничество" уже на следующий год было опубликовано (83).

Наиболее подробное описание Грузии оставил Матеум Гралевский в своем "Кавказе". Эти воспоминания, как было отмечено, восстанавливались через много лет по памяти. "Кавказ" как и большинство заметок, очерков и воспоминаний сыльных, представляет собой записки путешественника поневоле. Таковы и "Очерки Кавказа" Анджейковича - один из наиболее подробных документов литературы ссылки.

Собственно Грузии М.Гралевский посвящает обширную главу "Грузия с Осетией" (около 50 страниц). Отметим попутно, что

Осетией он называет лишь земли, расположенные вокруг Владикавказа. В части, посвященной Грузии, приводятся самые подробные сведения о географии, этнографии, истории и культуре страны. Описание начинается с восточных земель (путь автора лежал из Грузии). Описывая нужду, которую довелось ему увидеть, Гралаевский делает первое заключение: "А грузинский народ заслуживает лучшей доли, ибо этот народ с настоящей душой и честным сердцем. Искренняя расположенность его характера манит к себе тех, кому отвратительны коварство и мошенничество" (59,361).

Тонким поразил М.Гралаевского своим величием: "Приветствую тебя, Тифлис, с твоими садами и источниками. Приветствую тебя, город, раскинувшийся вдоль Итвари (Курь) и погруженный в многовековые воспоминания, семь раз поменявший свой облик и семь раз разрушенный! Приветствую тебя, гордость народа, почитаемого о своей тридцативековой истории!" (59,361).

Далее рассказывается об основании столицы Вахтангом Гургасали, о современном облике города, в котором смешана восточная и европейская архитектура. М.Гралаевский подчеркивает, что Тбилиси - город храмов, в котором более сорока святых разных вероисповеданий. Особо описан католический костел, построенный в XIV веке.

Разумеется, красочно описаны тбилисские бани со всеми их обрядами и ритуалами, и даже приводится текст песни, которую автор услышал во время омовения.

Центральное место в повествовании занимает встреча с мигелем Тбилизи, дворянином, имевшим поместье в горийском уезде. Он назван инициалом Дз. Скорее всего Гралаевский не называет фамилии в конспиративных целях, хотя князя его отца опубли-

кована вне российской цензуры. Тем не менее все произведение Гралевского носит столь откровенно антисамодержавный характер, а сам автор имел такой опыт конспиративной работы во время подготовки восстания 1863 года, что считает невозможным назвать фамилию человека, поверившего ему свои мысли.

Во время одного из визитов к Дх. между ними возникла беседа о политике. Дх. интересовали подробности о польском восстании, об антиправительственных заговорах и о разделе Польши. И. Гралевский отмечает, что его собеседник проявил осведомленность в польских делах. По ассоциации с Польшей речь неизбежно зашла о судьбах Грузии. Эта естественная смена тем в беседе лишний раз свидетельствует, что исторические коллизии Грузии и Польши воспринимались в образованном грузинском обществе середины XIX века как явления, обладающие несомненным родством.

Далее следует подробный рассказ Дх. об истории Грузии, воспроизведенный в изложении Гралевского. Повествование о судьбах Грузии подчинено мысли о высокой духовной миссии Грузии среди христианских стран Востока. Рассказчик говорит своему польскому гостю о временах опустошительных войн, когда Грузия стояла на грани уничтожения, о блестящих периодах ее истории, которые оцениваются им как передышки, дарованные Богом, чтобы народ успел подняться из пепла и выполнить свое предназначение. Естественно, наиболее ярко описывается эпоха Давида Строителя и царицы Тамар. В связи с этой эпохой упоминается Гусавели (в другом месте говорится о пореводе Лапчиньского, из чего следует, что автор "Навхаса" был с ним знаком).

Кратко рассказав о трагических веках настоящей борьбы

против монголов, персов и других врагов, Дж. заводит разговор о нынешнем положении Грузии после ее присоединения к России, что, безусловно, более всего волнует обоих собеседников.

И. Гралевский, как было отмечено, один из самых радикально настроенных осмысленных поляков, высказывает самые антисамодержавные взгляды.

Эта часть рассказа отличается повышенной эмоциональностью. Дж. делится с польским другом тем, как происходит русификация Грузии. Особенно ярко это происходило при наместнике Воронцове, который в отличие от иных избрал более мягкую тактику, вошел в доверие к определенной части грузинского дворянства, приблизил ее ко двору, и тем самым царская политика могла проводиться уже не силой, а как он по взаимному согласию.

И. Гралевский неоднократно и передавал рассказ Дж., и в собственных размышлениях пишет о том, что грузины особо относились к полякам, в первую очередь к солдатам, так как сами были вынуждены отдавать своих сыновей в рекруты. "С открытым сердцем принимали тогда грузины польских пленных в Тифлисе, выражали им сочувствие и не жалели для них угощения. Хотели найти в поляках друзей на случай борьбы, на которую были готовы для спасения своей крови" (59,377). Позже Гралевский, в связи с частым упоминанием Польши у грузинских писателей, отмечает: "Баршава для Грузии то же, что для поляков Париж".

Записки Гралевского отличаются тонким осуждением особенностей духовной жизни, быта и истории своего народа. Недаром известный историк и этнограф профессор В. Маневский выделил Гралевского как человека блестящих способностей и помог получить ему образование.

"Кавказ", при всей склонности автора к резким выводам, особенно когда это касается политики властей, при несомненных преувеличениях отличается большой насыщенностью фактическим материалом, этнографическими заметками. Гралевский проявляет большую заинтересованность в самых разных сферах жизни Грузии. Особые симпатии его отданы крестьянству (вспомним, что он сам был крестьянином по происхождению). Во многих разделах книги Гралевский отмечает, в какой нужде жили крестьяне на Кавказе, в частности, в Грузии. Из всех польских авторов он отнесся к ситуации наиболее дифференцированно: он пишет о том, что ознакомился с бытом Грузии в той ее части, которая прилегает к Тбилиси и расположена по Военно-Грузинской дороге. Что касается Махетии, как отмечает автор, у него есть другие сведения, что люди живут там более зажиточно, в собственных каменных домах, а не во вросших в землю саклях, которые он видел в горной части Грузии.

Рассказывая о том, как европеизация, русификация и вообще повсе время коснулось Грузии, Гралевский подчеркивает высокие исконные моральные качества грузинского народа, отталкиваясь опять-таки от внутреннего облика крестьянства: "Деревенский народ еще не садет всем этим непосредственно. Обичаи его остались почти теми же, что и в старину, и подтверждается это тем, что преступность всегда была в народе очень низкой, и кроме пьянства фактически ничего не было слышно об ином, об убийствах или грабежах. Дома у грузин, даже в Тифлисе не запирались ни на какие замки. Лишь высший слой общества подвергался искушениям и ударам" (59,384).

Значительная часть объема повествования посвящена обзору

литературной жизни Грузии, ее тесной связи со всей судьбой народа. Гралевский кратко касается тех имен, которые ему были известны как основополагающие для грузинской словесности: Чахрухадзе, Мавтели и другие. Он не только выделяет имя Густавели, но проявляет незаурядную для его времени осведомленность. М. Гралевский не просто говорит о том, что Руставели занимает особое место в духовной сокровищнице народа, но цитирует в своем "Кавказе" отрывки из перевода К. Липчиньского.

Самые пространные цитаты Гралевский приводит из "Картлис цховреба". Остается неизвестным, кто делал ему перевод. Из современной литературы он называет Александра Чачавадзе, князя Эрнстави "как переводчика Руставели на польский" и князя Гр. Орбелиани. Гралевский с горечью пишет о том, что издательские дела в Грузии идут не лучшим образом, и "многие рукописи лежат доныне на полках в ожидании печатания" (59, 381).

Гралевскому были известны все подробности об издании "Цискари", который он называл "Заря". Автор придает большое значение первому грузинскому литературному альманаху, знакомившему читателя с родной словесностью. Он отмечает, что "эта любовь к своей литературе как предзнаменование подъема национального духа" весьма не понравилась властям. Гралевский приводит цитату из "Кавказа" (1857, № 92) о том, что "все имеет свое время". И хотя можно восхищаться литературой прошлого, нынешняя литература совершенно отделена от давней. То есть в статье проповедуется разрыв с традициями, что возмущает поляка.

Отметим знаменательный факт. И Стальерницкий, и Янишевский плодотворно сотрудничали в "Кавказе", осознавая положительные и отрицательные стороны газеты. Гралевский в "Кавказе" видит

лишь реакционное с его точки зрения официальное издание самодержавных властей. Таким образом, в названной своденной о разных сторонах жизни Грузии главе все симпатии автора безоговорочно на стороне грузинского народа. Он считает, что в судьбе Грузии и Польши много общего, это родство определено необходимостью бороться с самодержавием.

Еще одним ценным по информации источником, помимо "Баломничества" Янишевского и "Очерков Кавказа" Анджейковича (отчасти цитированных в биографическом разделе о нем), было вступление к публикации прозаического текста "Велхистхасани", написанное его переводчиком Казимежем Лалчиньским. Этот документ изучается в главе, посвященной Густавели.

Итак, материалы о Грузии, написанные поляками, непосредственно связанными с ней своей судьбой, не только распахнули представления польского читателя середины XIX века о далекой стране, но утвердили иной уровень знания о ней. Если еще в самом начале XIX века сведения о Грузии отличались крайней скудностью или же были совершенно неверными, то после пребывания в Грузии значительной группы смельчаков, она была изучена достаточно подробно и многосторонне для своего времени.

Необходимо ответить еще на один вопрос: насколько творчество кавказских поляков могло быть известно их соотечественникам? Анализ периодических изданий, выходивших в Польше в ту эпоху, выявляет почти парадоксальную ситуацию. Политические преступники, находясь в ссылке, фактически не прерывали связи с издателями.

В работе Д.Оссовской "Сотрудничество кавказских смельчаков с польскими литературными журналами в первой половине XIX века"

(35) изучены факты постоянной связи, поддерживавшейся сильными с отечественной периодикой.

Основной массой изданных прижизненно произведений "кавказцев" был помещен в альманахах, выходивших на так называемых "восточных землях" - в Варшаве, Вильно, Киеве.

В популяризации деятельности сильных неопределила роль Ю.И. Крашевского. Будущий классик взял на себя определенную миссию - помогать соотечественникам, вырванным из родной среды. В то же время Крашевский, несомненно, осознавал значение их творчества для родной словесности: об этом свидетельствуют его многочисленные просьбы к Заблоцкому составить описание Кавказа, прислать ему изобразительный материал о Грузии. Фундаментальное изучение далекого края, введение его в круг интересов читающего поляка мыслилось Крашевским как задача огромного значения. В переписке Крашевского с "кавказцами" присутствует иная сторона - нравственная. Всем сильным было просто необходимо поддерживать хоть самую символическую связь с литературной средой родины, ощущать, что их творчество вызывает какой-то интерес авторитетного читателя. Крашевский был той фигурой, которая отвечала всем этим требованиям. В одном из писем Заблоцкий воскликнул: "К кому бы мы обратились, если бы Крашевский отказал нам в помощи?" (I.2.6).

Благодаря такой насыщенной двусторонней переписке в альманахе "Атенеум", редактируемом Крашевским (1841-1851 гг.), творчество "кавказцев" было представлено весьма широко. Отметим тот факт, что при столь постоянной переписке и пересылке текстов для альманаха, лично с Крашевским был знаком, пожалуй, только В.Потоцкий. Среди авторов "Атенеума" - В.По-

тоцкий, М.Бутовт-Анджейкович, А.Сосновский, Лада-Заблоцкий, Вл.Стшельницкий.

Одновременно с "Атенеумом" в Вильне под редакцией К.Буйницкого издавался "Рубон" (1842-1849 гг.), альманах консервативного направления, ориентированный на провинциальное дворянство. В связи с "Рубоном" следует отметить тот факт, что, пожалуй, самые прогрессивные, широкие по своим взглядам и тематике материалы, опубликованные в альманахе, принадлежат перу "кавказцев". Т.Лада-Заблоцкий, Л.Янишевский, Вл.Стшельницкий, В.Потоцкий и Ю.Мучлер стали не только постоянными авторами альманаха, но своего рода его сотрудниками. Некоторые номера "Рубона" наполовину состоят из произведений ссыльных (после 1846 года).

Важный этап в пропаганде творчества ссыльных поляков связан с участием в "Литературном ежегоднике" ("Рочник литературы") и "Научнолитературных записках" ("Паментник науково-литературки"), издаваемых Р.Подбереским. Еще до начала издания "Ежегодника" его редакция располагала произведениями с Кавказа, которые во многом определили сам характер издания. Здесь несомненно роль самого Р.Подбереского - активного пропагандиста литературы польской ссылки. Напомним, что на страницах "Ежегодника" было опубликовано в 1849 году письмо Лады-Заблоцкого о польской кавказской литературе. В 1850 году уже на страницах "Записок" было помещено письмо Л.Янишевского о литераторах, пребывавших на Кавказе. Оба письма, неоднократно цитированные нами, составляют своего рода литературную программу и в сочетании с развернутой оценкой деятельности "кавказцев", данной самим Р.Подбереским (84), проявляют и позицию альманахов, и роль

смыслных литераторов в изданиях.

Самое непосредственное участие принимали "кавказцы" и в наиболее радикальном журнале - киевской "Звезде", которая именно вследствие своего свободолюбия просуществовала всего три года (1846-1849 гг.) С самого начала писатели с Кавказа мыслились редакцией не только будущими постоянными авторами журнала, но и его основателями. Среди его идейных вдохновителей значатся Лада-Заблотицкий, Стшельницкий, Янишевский, Давид, Заленский. Их связывала с редакцией общность взглядов и мировоззрения. По мысли Д.Оссовской, "Стшельницкий, Заленский, Заблотицкий, Давид и Янишевский имели сходные общественные взгляды с группой киевских редакторов, с которыми, скорее всего, не были лично знакомы" (35,61). На страницах "Звезды" были опубликованы стихи Стшельницкого, Заблотицкого и Янишевского "Фрагмент народной эстетики" В.Давида, Роман Я.Заленского "Аристократия с вариациями", присланный с Кавказа, стал самым крупным произведением, увидевшим свет в "Звезде" и вызвал оживленную полемику (35,61-62).

Закрытие "Звезды" совпало с годами, когда ушли из жизни ведущие "кавказские" литераторы - поляки. Однако это издание успело сыграть свою роль в общественной жизни Польши.

Целый ряд произведений "кавказцев" был опубликован в "Библиотеке Варшавской". Сильные литераторы проявили инициативу и в создании альманахов, которые по цензурным соображениям были запрещены к изданию. Это журнал "Хаос" и "Библиотека Звезды", задуманные как продолжение "Звезды" в Киеве.

Таким образом, постоянное участие поляков с Кавказа в различных альманахах позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, ссыльные не только не были совершенно оторваны от родины. Напротив, они в какой-то степени определяли характер нескольких изданий. Их произведения публиковались достаточно широко. Во-вторых, "кавказцы" были связаны с самыми прогрессивными ачманахами "восточных земель" и даже участвовали в их создании. В-третьих, литература, созданная на Кавказе и о Кавказе, в частности, о Грузии доходила до читателя-современника.

Безусловно, ныне наследие "кавказцев" имеет в первую очередь историко-культурное значение. Однако можно говорить и о живом интересе к их произведениям. Так, Ч.Згожельский, будучи в свое время одним из руководителей по изданию польской классики, написал статью о первоочередных издательских проблемах. Среди размышлений о необходимости фототипического издания Мицкевича, Словацкого и Норвида, пишет о такой непростой задаче, как издание поэтического наследия кавказских ссыльных (85,89).

Насколько нам известно, эти благие намерения, высказанные в 1968 году, до настоящего времени ждут своего осуществления. В данном случае важно, что Ч.Згожельский занимался не исследованием поэзии, он не руководствовался интересом к тем или иным писателям лишь в связи с их особой судьбой. Издатель оперировал очевидными для польской литературы фактами: что должен иметь современный читатель как непреходящую ценность.

Итак, несомненно, польская литература, возникшая в ссылке и сыгравшая роль в развитии уникальных по своему характеру грузино-польских контактов, обладает типологическими неповторимыми чертами и имеет историческое и эстетическое значение.

Г Л А В А П

АДАМ МИЦКЕВИЧ И ГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Общественно-исторические события в Грузии, Польше и России в первой трети XIX века совпали по времени с рождением и расцветом романтического искусства. Романтизм осеняет своим свободолюбивым дерзанием все национально-освободительные и антикрепостнические движения и выступления прогрессивного дворянства. Со своей стороны общественная ситуация и вызвала к жизни романтическое искусство, которое питалось в лучших своих образцах именно вольнолюбивыми порывами самых передовых личностей времени, нередко руководителей освободительного, анти-самодержавного движения и выдающихся поэтов в одном лице.

Обращение к личности Адама Мицкевича как в России, так и в Грузии, было явлением гораздо более широким и многозначным, чем обращением к творчеству великого поэта. А. Мицкевич после появления в Вильно в 1822 году его первой книги "Баллады и романсы" стал главой романтической школы и ее создателем. Буквально через несколько лет Мицкевич становится своего рода символом прогрессивной, непокоренной, страдающей Польши. Так его восприняли русские литераторы. Символом великих творческих возможностей польского народа еще при своей жизни Мицкевич был воспринят и в Грузии. В XIX веке, когда литературные и культурные контакты между многими народами только начали обретать постоянный характер, такое восприятие всей страны через ее верховного гения было естественным.

"Мицкевич и Грузия" в грузино-польских контактах - проблема первостепенного значения. Дух гения словно витает над всем, в чем соприкасались культуры двух народов, его фигура

становится показателем взаимного духовного родства.

Знаменателен тот факт, что первое обращение к имени Мицкевича в грузинской литературе относится к тем годам, что и самая ранняя статья поляка о Руставели.

В 1831 году на грузинский было переведено стихотворение "Фарис", которое вскоре было осознано польской и всей европейской литературой как один из шедевров романтической лирики. Первый перевод был выполнен Соломоном Размадзе - участником заговора грузинского дворянства 1832 года. С.Размадзе обратился к касиде Мицкевича в год, предшествовавший раскрытию заговора, то есть в период наиболее активной деятельности его участников. Известно, что переводчик читал "Фариса" единомышленникам, и в одном из писем Г.Эристави просит его прислать ему текст перевода.

Объем переводов Мицкевича при его жизни на грузинский невелик. Но ориентир найден. Мицкевич становится исходным моментом в обращении к польскому романтизму. А "Фарис" - своего рода ключом ко многим аналогиям, отталкиваниям и сопоставлениям.

2.1. "Мерани" Николоза Бараташвили и "Фарис" Адама Мицкевича

В каждой высокоразвитой национальной литературе изредка рождаются произведения, которые вбирают в себя все лучшие и значительные черты направления и сами скоро становятся неким высшим культурным ориентиром. Удивительно, что эти шедевры появляются в весьма сжатый временной отрезок, почти синхронно в литературах разных стран. Так, в традиции любого национального романтизма мотив полета как бы подспудно присутствует в каждом высоком проявлении этого искусства.

Но вот у Адама Мицкевича рождается "Фарис", у Михаила Лермонтова "Демон", у Николая Бараташвили "Морани", и общее ощущение полета орачевывается так, словно вне этих образов, молниеносно ставших символами, уже не мыслится не только дальнейшая жизнь литературы, но и каком-то отношении и жизнь нации в целом. Эти символы столь совершенны, как будто существовали в природе и лишь ожидали гения, который разбудит погруженный в сон, но живой и целостный текст.

За десятилетия и столетия об этих произведениях создается критическая литература, неизмеримо превышающая по объему лаконичные шедевры и неизмеримо уступающая им в их невероятно концентрированной эстетической информации и этическом содержании. И в то же время эти неизбежно ограниченные (своим временем, методом и концепцией) размышления, тогда как в шедевре заключено некое "вечное" время и бесконечное пространство, - необходимое утоление жажды постичь гармонию чуда. Один из распространенных и свойственных человеческому сознанию способов приблизиться к великому - это сравнение его с подобным же по масштабу явлением. Иногда материал для сравнения выявляется лишь при специальном литературоведческом анализе с соблюдением необходимой дистанции, обуславливающей завершенность рассматриваемого процесса. Подчас же некоторые произведения начинают перекликаться как бы самостоятельно, словно вне ведома критики, хотя порой черты сходства так отчетливы, что охватывают лишь наружный пласт и при изучении оказывается, что мы имеем дело с принципиально различными явлениями.

Такую перекличку "Мерани" и "Фарис" начали вскоре после появления "Мерани", вернее, после его появления в печати и

включения в литературный процесс. Эти стихотворения как мощные культурные факты вызывают необходимость сближения грузинского и польского романтизма. Несмотря на обширную литературу о грузино-польских контактах, специального сопоставления национальных школ романтизма, их типологических совпадений, в литературоведческой науке не было.

Мысль о расширении "географии" европейского романтизма, включении в него юго-восточных литератур и Бараташвили принадлежит известному исследователю И. Неупокоевой (86). Знаменательно, что творчество одного южной-поэта мыслится ею равнозначным по отношению к целым "взрослым" литературам. Конечно, включение Бараташвили в рамки европейского романтизма весьма условно, однако тяготение грузинского романтизма и более всего Бараташвили к европейскому типу философии и культуры, на почве которых зародилось романтическое искусство, несомненно. И, возможно, сопоставительное изучение романтизма западноевропейского или восточноевропейского с этой крайней юго-восточной точкой Европы, давшей мировой культуре бесспорно первоклассные образцы романтической лирики, позволит выявить некоторые особенности как в грузинской, так и в западноевропейской литературе. Наметим направление исследования.

Для типологии культур интересны как соприкосновения, так и противоположные тенденции в искусстве разных стран, интересные и неразличимые на первый взгляд детали, важные для выявления особенностей восприятия одной культуры другой.

Хотя, как мы уже отметили, вопросы польского и грузинского романтизма не были предметом монографического исследования, они интересовали ученых давно (20; 86; 87; 88; 89). Правда, в

основном литературоведы рассматривали точки соприкосновения в творчестве Мицкевича и Бараташвили, точнее, параллели в "Барисе" и "Мерани." В известных трудах Г.Асатиани, И.Богомолова, Д.Гамезардашвили, А.Гацерелия, Л.Хихадзе, Г.Пицишвили, В.Шадури и др. изучаются вопросы восприятия романтических явлений, отчасти связанные с данной проблемой.

Естественно, следует постоянно учитывать, что при сравнении столь сложного явления, как романтизм в определенной национальной форме с не менее сложным и противоречивым явлением - романтизмом в иной национальной культуре, невольно суетатизируются многие не сводимые к схеме вопросы. Однако, если при подобном сравнении учитывались бы все нюансы, ответвления и исключения внутри романтического направления, то на любом явлении и примере повисла бы такая гирлянда уточнений, что приход к определенному выводу стал бы задачей невозможной. В таких случаях схематизация лежит в основе самого принципа, но главное - не утратить чувства меры и не превратить анализ живого процесса в голое конструирование.

Грузинский и польский романтизм возникли почти одновременно. Рождение польской школы датируют 1822 годом - выходом в свет первой книги Мицкевича, хотя, естественно, формирование романтического искусства и проникновение его в национальную культуру занимает десятилетие, а то и больше. Грузинский романтизм, по-видимому, подобной точной даты не имеет, но первые стихи с явными чертами нового направления появляются в те же годы.

Если связывать возникновение романтического мироощущения

с общественно-политической обстановкой, а эта связь признана историками и литературоведами как бесспорный фактор, то условия Польши и Грузии имели много общего.

Романтическое искусство, бунтарское в своей основе, возникшее в Западной Европе как реакция на явления культуры (в частности, на классицизм, сентиментализм и Просвещение), но и на явления социальные (особенно в связи с разочарованием в результатах Великой Французской революции), получало в Польше и Грузии особо злободневное звучание, накладывалось на общественные и политические задачи дня. Романтизм и в Польше, и в Грузии был литературой, выражавшей интересы национальной независимости, духа борьбы.¹

Польская романтическая поэзия стала детищем патриотического подъема. Основоположники романтизма во многих случаях были участниками "незаконных кружков, организаций и заговоров. Знаменательно, что центры повстанческого движения и наиболее интенсивной литературной жизни совпадают. При всем ярко выраженном шляхетском характере польское революционное движение, как известно, в то время выражало общенациональные интересы.

Национальное движение в Грузии того времени также носило аристократический характер; но также выражало прогрессивные устремления нации. Что касается связи этого движения с романтизмом, то достаточно вспомнить, что практически все ведущие поэты состояли в руководстве заговора. И в этом, безусловно,

¹ Интересно наблюдать в Б.Сташэва о том, что польская литература, в связи со своей подчиненностью задачам национального движения, не могла "позволить себе" нескольких типов романтизма, скажем, консервативного или в духе Жуковского (90,9).

закладывается родство рассматриваемых явлений. И у одной, и у другой нации происходит консолидация политических, интеллектуальных и творческих сил.

У польской и у грузинской культуры того времени была дата, наложившая несомненный, во многом решающий отпечаток на дальнейшие пути развития. Для поляков это события 1830-31 гг., для Грузии - раскрытие заговора 1832 года. Для обоих народов даты трагические. Они очень близки. В исторических масштабах неполных три года - фактически соседство. Однако в расстановке литературных сил, некоторых исторических акцентов по отношению к этим датам есть и несомненные отличия, результаты которых должны быть исследованы.

Польский романтизм в основном сложился к 1830 году. Даже писатели-классицисты - непримиримые противники нового искусства - и те постепенно признавали печальный для себя факт существования романтизма. Он получил литературную "прописку" и в принципиальных установках, и, главное, в значительных произведениях Мицкевича и его сторонников, к тому времени уже созданных. Поражение восстания 1830-31 годов было страшным ударом по его идеалам, но романтизм уже проник в сознание общества и останется боевой силой в дальнейшем, вплоть до 60-х гг.

Окончательное становление грузинского романтизма относится уже к периоду после 1832 года. Тогда же созданы и его основные подэпосы. Литературные силы разрознены, главные участники заговора (а имена его идейных руководителей и ведущих поэтов эпохи, как мы уже отметили, совпадают) сосланы, культурная жизнь на время замерла. С разных широт, издалека доносятся до родины поэтические голоса Александра Чавчавадзе, Гягола

и Вахтанга Орбелиани. А в самой Грузии на пепелище надежд возносится талант Николоза Бараташвили. И, может быть, неизбежно отражая такую ситуацию, грузинский романтизм в своих пессимистических образцах (здесь мы не касаемся его значительных жизнеутверждающих и полных радости бытия моментов) еще более трагичен, чем польский, которому не занимать ни горечи, ни трагизма.

Очень трудной была борьба за будущее развитие романтизма в польской культуре в первые годы после восстания: закрываются университеты, одно за другим (а некоторые еще до восстания) разгоняются те общества, в которых зарождалось новое искусство.

А в Грузии того времени вообще нет университета, в какой-то период практически нет газет и издательств.¹ Грузинские романтики фактически не имели трибуны для разработки общей программы. Правда, общение значительно облегчалось тем, что основные грузинские романтики связаны если не родственными, то давними семейными узами, и романтизм в Грузии носил элитарный характер.

И, может быть, потому трагизм ситуации с такой силой воплотился в шедеврах Бараташвили, в них компенсировал какие-то невоплощенные возможности?

Личности и поэтические стихии Адама Мицкевича и Николоза Бараташвили сближаются давно. Еще И. Меунаргия, публикуя в конце XIX в. в "Иверии" биографию грузинского романтика, отводит в ней место для размышлений о "Фарисе" (91). Это естественное ¹С 1836 года выходит "Закавказский вестник", но в этом официальном издании практически не публиковались литературные материалы.

сопоставление обладает притягательной силой почти для всех исследователей Бараташвили. Отметим, что в юбилейном издании произведений грузинского романтика помещен среди иных и портрет польского классика (92).

Польса мнений относительно знакомства Бараташвили со стихотворением Мицкевича таковы: от осторожных предположений о том, что Бараташвили читал "Фариса", вернее, не мог его не читать, до утверждения Кита Абашидзе: "Мы хорошо знаем, что это стихотворение ("Мерани" - М.Ф.) написано в подражание "Фарису" Мицкевича. Естественно, это совершенно не снижает ценности данного стихотворения" (93,158). Того же мнения придерживается И.Меунаргия (94,77). В XX веке некоторые исследователи творчества Н.Бараташвили вообще отказывают "Фарису" во влиянии на "Мерани" (95;96;97).

Убедительность доказательств и амплитуда категоричности колеблются вот уже сто лет. И в предисловии к сборнику "Грузинские романтики", вышедшему в серии "Библиотека поэта", данный вопрос не обойден молчанием: "Стихотворение Адама Мицкевича "Фарис", которое было известно Бараташвили в русском переводе..." (98,33). Итак, этот факт обращает на себя внимание исследователей всех поколений.

Литературоведы в основном пишут о толчке, каким стал "Фарис" для "Мерани", о безусловном родстве судеб двух поэтов. Так, М.Квеселава приводит в своей монографии интересные параллели жизненных ситуаций польского и грузинского романтиков: "И судьба была почти одинаковой у двух поэтов. Адам страдал в Ковно, Тато^I - в Гандже. Первого убивала любовь к Марии Ве-
^I Тато - уменьшительное имя Николоза Бараташвили.

решак, второго - к Екатерине Чавчавадзе. Для одного непреодолимым препятствием оказался граф Путткамер, для другого - князь Дадвани. Грузинский поэт в задумчивость ородил по берегам Курш, польский - над Неманом. Один умер в Турции, другой - в Азербайджане. Оба были дважды погребены и лишь так достигли упокоения в родной земле. У обоих была одна печаль, одна сердечная боль, одни думы и мечты" (88,157).

Стремление автора грузинской монографии сблизить судьбы двух поэтов вполне естественно. Понятно также, что он не уделяет внимания отличиям. Более удивительно утверждение: „Однако эти примеры интересуют нас не для проведения параллелей между "Фарисом" и "Мерани", но как значительные страницы истории польско-грузинских культурных взаимосвязей" (88,157).

Можно поинтересоваться: а почему бы не для проведения параллелей? Впрочем, это объясняется задачами монографии: представить широкое литературно-общественное значение деятельности Мицкевича, вписать его в интересы грузинской культуры, а не заниматься узкоспециальным исследованием.

Вообще интерес к принципиальным различиям в творчестве двух поэтов, в частности, на материале названных стихотворений, проявляется значительно слабее. Правда, как мы уже отмечали, еще К.Абашидзе тонко подметил большую степень обобщенности "Мерани" по сравнению с "Фарисом" (93,159-160).

В современной работе В.Хитаришвили намечены пути сопоставлений данных стихотворений. Однако нам кажется, что исследование может быть более многомерным. Основной момент различия В.Хитаришвили видит в том, что герой "Фариса" - индивидуалист. К этому выводу приводят известные строки:

Вдохнул свободно я и поднял к звездам взор.
Очами золотыми все светила
Послали мне привет в земной простор, -
Мне одному: кругом безлюдие царило... (100, I, 177).

Герой же Бараташвили осознает свою высокую общественную миссию:

Ведь не бесплодно же пройдет / не будет тщетно / это стремление души обреченного!
И путь непроходимый, протоптанный тобою, Мерани мой,
все же останется,
И после меня собрату моему облегчится трудность пути,
И скакун бесстрашно пронесет его перед черною судьбой
(101).

Это замечание кажется нам интересным и справедливым, но далеко не исчерпывающим возможности сопоставления художественных миров Мицкевича и Бараташвили.

Степень вероятности знакомства Бараташвили с "Фарисом" очень высока. В пользу этого говорят и сведения И. Меунаргия (94, 12), который был лично знаком с учителем русского языка в старших классах Тифлисской гимназии Дементьевым. Дементьев преподавал Бараташвили и сам "особенно хорошо декламировал стихотворение Мицкевича "Фарис", переведенное на русский язык."

Важен и факт встречи грузинского романтика с Ладой-Заблоцким. С Н. Бараташвили польский поэт познакомился, по-видимому, в начале 1838 г., сразу по приезде в Тифлис, до назначения на военную службу. Уже в первом из известных нам писем к М. Туманишвили читаем: "Кланяйтесь взаимно князю Баратову, Варламову и Стоцкому" (I.2.5, письмо от 6.XI.1838 г., Царские Колодцы). И в одном из последующих писем: "... и засвидетельствовав князю Баратову чувствительнейшую мою благодарность

за его память обо мне, и глубочайшее почтение, припоминайте иногда обо мне..." (I.2.5, письмо от 29.УП.1839 г.).

Князь Баратов - Николоз Бараташвили, поскольку привет передается через М.Туманишвили и в соседстве с другом романтика Варламовым. К сожалению, иными документальными сведениями о дружбе Заблочного и Бараташвили мы пока не располагаем и столь безоговорочно утверждаемый критикой факт их близкой дружбы относится к области вероятного и желаемого. Однако можно предположить, что если в первый краткий проезд ссыльного поэта в Тбилиси они уже успели познакомиться настолько, что в течение года постоянно передают друг другу приветствия, эти отношения должны были получить развитие во время долгого пребывания Заблочного в Тбилиси.¹ Учитывая это, а также интерес Заблочного к грузинской поэзии, безусловное влияние на него и всех "кавказцев" гения Мицкевича, вполне можно предположить, что между двумя романтиками зашел разговор о Мицкевиче.

Но даже отвлекаясь от их взаимоотношений и от показаний И.Меукаргия, можно привести и иные соображения. Тот литературный голод, который, безусловно, испытывал грузинский романтик (мы имеем в виду отсутствие литературных изданий в Грузии того времени), его интерес и собственная причастность к переводам из западноевропейской поэзии, близкое знакомство с С.Размадзе, оставившим текст своего перевода "Фариса" в семье у поэта

¹ Косвенно об их более тесном знакомстве может свидетельствовать тот факт, что на сборник поэзии Т.Лады-Заблочного подписались многие близкие Бараташвили люди - Нина Грибоедова, Екатерина Дадияни и другие. Сам поэт в 1845 г., когда издавался сборник (это последний год жизни Н.Бараташвили), находился в Гандже.

Гр. Орбелиани (дяди Н. Бараташвили), говорят о почти несомненной осведомленности романтика в отношении польского стихотворения. Что касается непосредственного влияния, мы придерживаемся мнения выдающегося грузинского поэта Симона Чиковани: "... У всякого великого произведения найдется множество родственных в мировой литературе. Определенно перекликается и "Мерани" с "Фарисом" Мицкевича, являющимся в свою очередь отражением мотивов восточной литературы... Но все эти совпадения — лишь встречи духовных волнений века, а не влияния..." (102, 162).

С другой стороны, нам кажется вполне вероятным толчок, данный этим гениальным достижением польского романтизма грузинскому поэту, как несомненно и то, что отклик оказался конгениальным и философски абсолютно оригинальным. В таких случаях всегда важно наполнение сюжета, а не конкретные точки соприкосновения.

Беря за момент отсчета безусловное родство этих двух стихотворений, а оно проявляется как на уровне идей, так и на уровне лексических единиц, мы считаем необходимым провести принципиальный и по возможности осторожный анализ различий этих произведений. Нам представляется, что по своей установке он не менее ползает, чем утверждение определенного, но лежащего на поверхности родства. Естественно, в рамках одной работы не могут быть исчерпаны все вопросы, но могут быть определены основные направления подобного исследования. Они уведут в предисторию. Обращение к тексту в данном случае должно быть подкреплено изучением внетекстовых элементов.

М. Квеселава, нашедший столько казалось бы исчерпывающих все перипетии судьбы совпадений, не говорит о вопиющем разли-

чин. Адам Мицкевич, при всей драматичности своей судьбы, был избранником и гордостью нации. Поляки (причем, весьма скоро) стали исчислять новую эпоху в национальной литературе с момента выхода в свет его первого сборника. Мицкевич, гонимый правительством, был принят как лучший друг в литературных кругах передовой России и получил мировое, по масштабам того времени, признание. Тот же "Фарис" был переведен на русский еще до своего опубликования на польском.

Николоз Бараташвили не увидел не одной своей строки в печати не только на иностранном, но и на родном языке.

Мицкевич - глава направления, на которое равняются все прогрессивные поляки. К сказанному и содеянному им прислушиваются все литературные силы.

Бараташвили - чиновник Экспедиции суда и расправы, далеко не оцененный не только всем обществом, но и своими личными поэтическими родственниками.

И уже одно это не могло не вписаться резким отличием в подтекст "Фариса" и "Мерани". С другой стороны, Мицкевич писал "Фариса" в изгнании, в мрачную ночь петербургской бури, ощущая всю неустроенность своей судьбы. Бараташвили создавал "Мерани" в родном Тбилиси, еще не изведав горечи чужбины, но (и вряд ли это легче) чувствуя себя изгнанным дома. И эти сходно-противоречивые ситуации звучат в тональностях обоих шедевров.

Оба произведения далеко выходят за пределы личных переживаний их создателей, сплетаются с национальной судьбой. О "Мерани" в этом плане очень верно сказал Г. Асатиани: "Мерани"... - плод личного опыта, но как произведение эпохальное.

оно по своему содержанию в то же время опирается на опыт народной, национальной жизни... Тоска разлуки с отчизной в "Мерани" осмыслена как вековая печаль, как проклятие, преследующее издателя" (103,103).

Эти слова можно в равной степени отнести к "Фарису". Но здесь опять-таки крестится принципиальное отличие. "Фарис" написан в тяжелые для поляков времена, но во времена, когда Польша надеялась. Рождение польского романтизма в годы национального подъема и неразрывная связь его с этим подъемом - общеприятное положение. Мицкевич, находясь в Петербурге, знал, что на родине готовятся к борьбе. И его "Фарис" - это еще и осознанный или не осознанный, но призыв к схватке. Уверенность "Фариса" происходит из веры создателя в ближайшее лучшее будущее. Враги почти осязаемы. "Фарис", несомненно, создан на временном подъеме нации, словно специально незадолго до начала действий.

Вряд ли потом, увидев летом 1831 года умирающее восстание, Мицкевич создал бы "Фариса". Потом, когда тысячам его соотечественников пришлось проделать фарисов путь в Сибирь (чаще всего безвозвратно), вряд ли у Мицкевича родились бы столь уверенно-напряженные строки. "Фарис" - призыв духовного вождя, но этот вождь не проглаголил бы столь сладостно дорогу среди группов и сквозь пустыню, если бы имел в виду путь, действительно пройденный побежденными близкими.

Уверенности Мерани - от крайней неуверенности и грусти, когда сама героическая смерть, даже не достигшая победы, - уже победа. Он написан в печальные для нации годы, когда после раскрывтия антиравительственного заговора в сегодняшней действи-

тельности гениальный поэт, всеми помыслами устремленный в раздумья над судьбой Грузии, не видит возможности для скорой победы нации, не уверен в ее немедленном расцвете. Победа отнесена в далекое будущее. В этом смысле "Мерани" как бы старше и трезвее "Фариса".

"Монолог нации", как удачно назвал стихотворение Н. Марр, вложен в уста поэта неполных 25-ти лет. Истории было угодно, чтобы произнес его не кто-то из сосланных поэтов, а юноша, страдающий за тех, кто в ссылке.

Волею судьбы почти все ссыльные участники заговора благополучно вернулись на родину. Общественная обстановка и непосредственные национальные задачи грузинской интеллигенции сложились так, что многие участники и руководители заговора должны были служить и дослужились до генеральских чинов.

Григол Орбелиани пережил племянника на 38 лет. Вахтанг Орбелиани - на 45 лет. Александра Чавчавадзе не стало через год после смерти Бараташвили, но ему было шестьдесят.

И лишь сам автор "Мерани", взявший на себя всю горечь пати, произнес ее гениальный монолог, умер молодым неизвестным чиновником в Гандже при единственном сыидете: в том сиянии свете, в котором он мечтал раствориться.

И, может быть, потому его "Мерани" достиг тех высот общечеловеческих бед и надежд, того откровенного разговора со взлелеянной, какие не присущи даже "Фарису". Для Мицкевича тяжесть одиночества соединена с трагической любовью, с печалью о растерзанной родине. Но здесь присутствует еще одно чувство, которое следует иметь в виду. Главная страсть "Фариса" - сражение со стихией, жажда борьбы с неведомым, с врагами, а порой и с

недальновидными доброжелателями. Мицкевич описывает триумф Фариса. Одиночество его победы - это одиночество судьбы. Но это и неизбежное одиночество гения, который заглядывает в недоступные иным области и пределы. Это одиночество гениальной личности, осознающей себя гениальной, а кроме того, признанной таковой. Поэтому, достигнув недосыгаемых пределов, всадник ощущает сладостный восторг и в то же время - невозможность постоянного пребывания в состоянии горней, одинокой победы. Выход - в соединении души с небесной высотой. Победа оказывается мигом перед смертью, но этот миг и борьба за него и составляет жизнь великих. Вспомним последнюю строфу "Фариса":

Как сладко обнимать красу природы милой!

Я руки с нежностью вперед простер,

И мнится мне: от края и до край

Весь мир к своей груди я прижимаю.

В безбрежную лазурь несется мысль моя,

Все выше, в горние незримые края,

И вслед за ней душа летит и в небе тонет.

Так, жало утопив, пчела с ним дух хоронит (100, I, 177).

Сравним их с тональностью последних двух строф "Мерани":

Ведь не бесплодно же пройдет /не будет тщетно/ это стремление души обреченного!

И путь непроходимый, протоптанный тобой, Мерани мой, все же останется,

И после меня собрату моему облегчится трудность пути,
И скакун бесстрашно пронесет его перед черною судьбой!

Мнится, летит без дорог и тропинок мой Мерани,

Вслед мне каркает злоокий, черный ворон.

Несись вперед, Мерани, твоему бегу нет предела,

И с ветром смейся /ветру отдай/ мою мысль, мрачно /черно/
волнующуюся! (101)

(подстрочный перевод)

У Бараташвили нет этого сладостного мига примирения с вселенной, он до конца в борьбе, у него до предела "черная дума", "черная судьбина". "Мерани" - это полет непризнанного гения, это подвиг отчаявшегося одиночества. Всадник, слившийся с Мерани, ощущает в себе гигантские силы, гениальные возможности. Но они в тот момент неприменимы. Светлого с о с т о я в ш е г о с я финала "Фариса" нет и не может быть. Перспектива отдачи отнесена в далекое будущее. Девиз присущее, наверное, всем гениям внутреннее сознание того, что деяния не пропадают и "рукописи не горят" (во всем многозначном значении этой булгаковской мысли) удерживает отчаявшегося всадника от неверия. А признание таланта нужно не ради признания, оно нужно для осмысления масштабов своего дарования и его необходимости для современников. И поэтому сомнения не покидают поэта от "Таинственного голоса" (1836 г.) до "Злого духа" (1843 г.).

По той же причине раз в жизни необходимо смести все сомнения, пронестись мимо них в смертельном полете, включиться в разговор со звездами. И, осознав, что такие душевные силы не могут быть даром случайным, обратиться к будущим братьям, посвятив им свой полет и свое горение. То есть раз в жизни нужно написать "Мерани."

Мицкевич, ощущая свое место в польской литературе, мог позволить себе с далекого звездного ракурса взглянуть на мир в полном одиночестве. Бараташвили, испытавший беспредельное поэтическое одиночество, не может оставаться один в созданном им творческом космосе: один в пространстве и во времени. В пространстве - в современности - Мерани гораздо более одинок,

нежели Фарис. Остается одно - обращение в будущее, которое у Мицкевича исторически более определено, более того, рассчитано подсознательно на близкую битву, и в следствие этого как бы вынесено за скобки. Для Бараташвили же этот неведомый будущий друг - прагматичный центр и цель полета.

Л.Хихадзе тонко заметила: "Мысль о гех, кто пройдет вслед за ним, по проторенной им дороге, постоянно питает этот титанический, непреклонно-страстный порыв:

Я слаб, но я не раб судьбы своей,
Я с ней борюсь и замысел таю мой.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.

(перевод Б.Пастернака)

Трагическое видение всадника на бешено мчащемся коне - не абстрактно-романтический образ, поднятый над "тщетою" жизни. Это - символ преодоления, найденное разрешение трагедии, философский, эмоциональный, художественный результат пройденной до конца "Одиссея духа" (105,54-55).

И в этом смысле "Мерани", возможно, даже более универсален, чем шедевр Мицкевича.

Нодар Думбадзе в выступлении на Центральном телевидении в Москве в ноябре 1981 года высказал интересную мысль. Мерани и его всадника нельзя воспринимать как лихого наездника на прекрасном скакуне, который может взять любое препятствие. Это творческая мысль на своем Пегасе. Для Бараташвили его творческий дар, его скакун - единственная сила, выводящая из отчаяния,
¹ "Одиссея духа" - статья Г.Асатиани о "Мерани" (104).

но и единственная сила, не позволяющая остановиться. Поэтому, по мысли Н. Думбадзе, надо учитывать многозначность образа, который обычно на русский переводится как "мчится, летит без дорог и тропинок мой Мерани" (подстрочник), "мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани" (М. Лозинский), а по-грузински "угзо-уквлод" (транскрипция) может означать "неведомо куда", в неизведанные дали. Какие уж тропинки и дороги, когда речь идет о космических пространствах и скоростях, спрашивает Н. Думбадзе. По его мнению, Мерани - это вихрь.

Отметим, что упоминания о тропинках-дорогах нет у Б. Пастернака, которого как раз обвиняли в излишне вольной трактовке грузинского романчика и который декларировал свое право на интуитивное поэтическое общение с образами переводимого. Приведем выдержку из письма Б. Пастернака к С. Чиковани, с которым он часто делился в моменты творческих решений: "... два дня, как принялся за Бараташвили. Он у меня пойдет, уже вижу.

Я смотрел, что сделали в этом отношении раньше (Моск. и Лгрдск. издания, Спасский, Антокольский, Лозинский и др. (Выделяется, между прочим, Гаприндашвили - молодец!). Попытка сделать римическую комбинацию из всех слов подстрочника уже проведена и не стоит ее повторять. Из этого надо делать русские стихи, как я делал из Шекспира, Шевченко, Верлена и других, так я понимаю свою задачу..." (1.2.9).

У Пастернака первая строка звучит так: "Стрелой несется конь мечты моей." Здесь ощущается и невероятная скорость, и одновременно конь у Пастернака - это и скакун, и мечта, а приземленного образа дороги у переводчика нет вообще.

Конечно, и конь фариса - сказочный скакун, который до-

ступни вселенские расстояния и разговор со звездами, но его связь с четвероногим скакуном более непосредственна (не случайно у Мицкевича звучит мотив исследования пустыни, имеющий помимо абстрактного и конкретную прописку в пространстве, и заменить этот образ чистым олицетворением, как у Бараташвили, невозможно).

И еще один момент К "Фарису" Мицкевич подступался. До него уже написаны в 1828 году две прекрасные касяды - "Шанфарри" и "Альмотенабби", без которых "Фарис" немыслим, они составляют своего рода поэтический триптих. Стало быть, его полет подготовлен, он не исключает повторения. И в самом "Фарисе", при тех страшных препятствиях, что выпало преодолеть бедунну, нет ощущения крайней, смертельной усталости.

Полет Мерани - самосжигающий. У него вообще нет энергии извне. Он существует за счет внутренних сил. И потому Мерани летит на том последнем напряжении, сочающемся с полной раскованностью, когда личность мобилизует свои предельные возможности. В таком полете взрываются. Из него нет возврата, даже такого краткого, как миг торжества в "Фарисе". Торжество Мерани - лишь в процессе лета, лишь в победе будущих поколений.

И "Фарис", и "Мерани" написаны на одном дыхании. Но в "Мерани" горит какая-то невероятная нерастраченность, предельная собранность сил, Мицкевичем уже отчасти воплощенная в предшествующих родственных стихах. Бараташвили эта сила нужна для единственного полета. Для того, чтобы подняться над благополучным замужеством любимым, над безнадежностью увидеть свои стихи напечатанными, над славой умного, общительного, слагающего стихи (но не более) человека. И потому Мерани даже в

творчестве Бараташвили одинок. Потом явится "Злой дух", но "Мерани" уже запущен в полет, и "злой дух" накинется на автора, бессильный справиться с его творением.

Нам кажется, что при рассмотрении текста следует учитывать эти, а также многие другие факторы. И "Фарис", и "Мерани" достигают той степени выражения общечеловеческих запросов и мечтаний, когда бледнеют, а со временем и забываются причины, якобы побудившие их к жизни. И действительно, внутренний заряд этих стихотворений несовместим ни с пленением дяди Бараташвили Ильи Орбелиани, ни с той бурей в Петербурге, в которую попал польский поэт и ощутил необходимость ответить ей стихами. Но исследование этих причин нельзя сбрасывать со счетов.

"Фарис" написан в честь эмира Тадж-уль-Фехра (посвящен Ивану Козлову). "Под этим именем, - пояснил в примечании сам Мицкевич, - был известен на Востоке граф Бацлав Ржевуский ("Тадж" означает венец, "фахр" - слава)"(100, I, 478). Ржевуский - исследователь Азии, собиратель восточных рукописей, отважный наездник. И это, конечно, повлияло на облик всадника, в этом и кроется более конкретный, обладающий кровью и плотью образ скакуна. Его всадник - исследователь, рвущийся в неизвестное, смельчак, доказывающий, что ему доступно недоступное.

Сведения о пленении любимого дяди потрясло Бараташвили, заставило, видимо, поэта осознать, что и он пленник, вызвало порыв, идентифицировав себя с Ильей Орбелиани, вырваться из плена действительности, познать свободу.¹

¹ Вспомним слова Н. Бараташвили из письма Гр. Орбелиани от 24 мая 1842 г.: "Вот что поэт думает за Илико."

Причины отчасти родственны. И бедуина (ибо его нельзя отождествлять с Ржевуским) гонит в пустыню, видно, не самая радостная жизнь. И Мерани стремится из плена повседневности не в покой, не в блаженство, а в смертельную борьбу с преодолением препятствий. Причины пересекающиеся, но как бы разнонаправленные и вызванные несходными переживаниями.

Следует учитывать и то, что у автора "Фариса" несравненно богаче жизненные впечатления. Это уже Мицкевич, участвовавший в организации общества "Филематов", познавший его крах и сосланный в Россию, подружившийся с Рилеевым и оплакавший его казнь, побывавший в Крыму и создавший "Крымс. е" сонеты, принятые в Москве литераторами, друг Пушкина. И это, без сомнения, подсознательно отпечаталось в "Фарисе". Мы, безусловно, имеем в виду не большее число реалий в голевском стихотворении, что само по себе несомненно, а осознание Мицкевичем преград как более конкретной категории. И в этом отношении "Фарис" старше и опытнее "Мерани".

Грузинского же романтика раздирает и это противоречие - бедность жизненных впечатлений в сравнении с огромным богатством внутренних возможностей. Сфера его пребывания - лишь родной город. И поэтому появляется тяга увидеть дальние края, достичь иных пределов. В этом случае неожиданно, по непредсказуемой логике рождения шедевра бедность жизненных впечатлений реальной жизни становится взрывной силой, прорывом во внутреннюю бесконечность, делает стихотворение тем космическим, универсальным обобщением, которое поражает всех читателей и специалистов и о котором Б.Мастернак, непосредственно причастный к "русской жизни" грузинского романтика, сказал: "Взрывы изоб-

разительной стихии в бесподобном, бешеном и вдохновенном "Мерани" ни с чем не сравнимы. Это "символ веры" большой, бодрющейся личности, убежденной в том, что движение человеческой истории отмечено благородной целью и смыслом" (Ю6,6).

Итак, материал для сопоставления достаточно многопланов и выходит за рамки собственно исследования текста, а расширяется до типологического сопоставления двух романтических школ, включает в себя моменты психологии личности создателей, общественно-историческую ситуацию. Однако серьезное типологическое сравнение разных школ романтизма и не может проводиться без включения в собственно литературные рассуждения исторического и общественного фона.

С самого начала мы обратили внимание на некоторые различия в исследуемых стихотворениях, однако во многих отношениях необходимо учитывать и черты, роднящие произведения. При всем различии подтекста обоих стихотворений ясно, что они заключают в себе сходный пафос, близкий по мощи и качеству: бежать от настоящего, от однозначной, а порой и пошлой действительности, через любые преграды, спасаясь в этой скачке на скакуне - своей надежде, и спасти свою мечту и надежду - скакуна, в полном одиночестве, против всех врагов, конкретных и возможных... Заглянуть за пределы доступного человеку и не отступить.

Эти стихи и в польской, и в грузинской литературе сразу вознеслись над уровнем самых лучших образцов поэзии, даже над созданиями своих авторов, оставив за собой их же стихи, но стихи, исполненные колебаний и сомнений. В истории создания шедевров действует закон творчества с весьма сложной диалектикой, характерный, по-видимому, не только для романтизма. Без-

литературные произведения поэтов, которым недоступны противоречия (даже если какие-то противоречия присутствуют в произведении, они вторичны и не отражают внутреннего состояния души), отступали перед стихами, выражавшими горькие и неоднозначные раздумья о жизни. Так в русской литературе остаются позади все поэты-современники перед мощной аналитической, подвергающей сомнению справедливость мироустройства поэтической стихией Лермонтова. Но как отрицание отрицания, отрицание недостижимости гармонии, в поэзии изредка происходят взрывы, хоть на миг выжигавшие все сомнения. И они бывают доступны на каком-то неожиданном витке спирали лишь самым трагическим поэтам, испытывавшим всю тяжесть душевного неурта. Таковы "Мерани" и "Фарис". Отчасти таков и "Щыри" с обреченным, но непоколебимо стоящим жизненным идеалом.

Возвращаясь к точкам соприкосновения польского и грузинского романтизма, нужно отметить, что помимо рассмотренных, часто духовных и типологических связей, были в те времена и контакты более конкретные. После высылки в Грузию целой группы "политических преступников" — литераторов, взаимный интерес к романтизму уже не мог ослабнуть. Польские поэты, как уже отмечалось, пропагандировали грузинскую культуру и осваивали грузинскую действительность. В Грузии, со своей стороны, синхронно начинается освоение польского романтизма, связанное в первую очередь с деятельностью Георгия Эристави.

2.2. Первое обращение к сонетам Адама Мицкевича в Грузии

Имя Георгия Эристави в грузинской культуре часто сочетается с понятием "основоположник". Он много сделал для развития реализма в литературе, стал создателем профессионального гру-

зинского театра и драматургии, основал первый в Грузии литературный журнал "Дискари". Однако список его разносторонних новаторских начинаний можно продолжить. Г.Эристави был своего рода центром грузино-польских литературных контактов.

В 1832 году одному из самых молодых участников заговора Г.Эристави исполнилось 19 лет. Но к тому времени он был прекрасно образованным человеком, отличался особой остротой ума. После раскрытия заговора Г.Эристави был выслан в Польшу. Таким образом, поток ссыльных приобрел взаимонаправленный характер и способствовал более близкому знакомству двух народов.

В годы ссылки Г.Эристави служил в III пехотной дивизии, вместе с ней перемещался по Польше и Литве. Время ссылки не прошло даром для будущего литератора. Он хорошо изучил польский язык, интересовался польской поэзией. Естественно, в Вильно, в университетском городе А.Мицкевича, хотя сам университет был в то время закрыт, хранились следы пребывания поэта.

Г.Эристави сблизился со многими польскими культурными деятелями, состоял в дружбе с литературной семьей Бишпингов, посвятил Розалии Бишпинг "Час разлуки". Его стихи тех лет рождены романтическим мировидением.

Польша навсегда вошла в жизнь Г.Эристави. Вернувшись в 1838 году на родину, он включился в культурную жизнь Грузии и скоро стал одной из ее центральных фигур. Среди многогранных интересов писателя - польская литература. Г.Эристави переводит "Крымские сопёты" А.Мицкевича. Отметим, что до него к Мицкевичу из грузинских литераторов обращался лишь С.Размадзе, читавший заговорщикам свой перевод "Фариса".

Скорее всего не случайно Г.Эристави перевел именно шесть

"Крымских сонетов". Этот цикл создавался польским гением в изгнании, и чувство, объединяющее все сонеты цикла, — чувство родины и горечь разлуки. Г.Эривтави выполнил свой первый перевод также в изгнании. Близость образов и идей Мицкевича ощущается в прочтении Г.Эривтави.

Грузинский поэт переводил сонеты с оригинала — в этом сила самого раннего обращения не только к Мицкевичу, но к форме сонета фактически во всей грузинской поэзии. Правда, строгая форма сонета была все же нарушена поэтом. Особенно это касается "Могилы Потоцкой" (переведена в 1838 году). В стихотворении 16 строк, написанных 14-сложным размером, встречается и 12-сложный. Такое неполное совпадение отчасти связано с различиями грузинской традиции стихосложения и польской системы.

Кроме того, не забудем, — это первые попытки перевода столь капризного детища европейской поэзии, как сонет, а Г.Эривтави — первый автор, пробудивший в соотечественниках живой интерес к этой классической форме. Отчасти благодаря его опытам, сонет "получит прописку" в грузинском стихосложении, и в дальнейшем, особенно в начале XX века, в творчестве поэтов группы "Голубые роги" обогатит грузинскую лирику замечательными поэтическими образцами.

Сопоставив перевод "Могилы Потоцкой" с оригиналом, мы пришли к выводу, что многие образы переведены точно для того времени, когда были приняты вольные переложения. Г.Эривтави почти не вводит новых реалий, старается придерживаться стилистики оригинала. И тем не менее различия имеются. В сонете Мицкевича каждый образ отличается классической завершенностью

и лаконичность. У Эристави присутствует элемент описательности, что придает стиху чиную тональность. В связи с этим большинство образов приобрело развернутый характер, что отчасти привело к нарушению эквилинеарности.

К примеру, четвертая строка в оригинале - "оставили в глуби сердца личинки /насекомых/". У Эристави образ детализируется, появляется "твой цветок ириса", которого вообще не было в оригинале. "Насекомые в глуби сердца", то есть съедающие сердце в переводе обрастают новыми подробностями: "черви пэчали, которые прогрызли гэдмы твоей вности и зарыли тебя в землю". Строфа приобрела несколько восточный колорит, который несвойствен этому сонету романтика. Лишен своей исключительной силы и образ-раздумье А.Мицкевича:

Там, на севере, к Польше, светят звезд мириады,
Почему же на этой дороге их столько блеснит? (107,59).

Это обращение к звездам великого романтика, в изгнании взывающего к небу, которое может объединить и те места, где пребывает поэт, и родной край, достигает масштабов космического мировосприятия. В переводе столь гигантский образ утрачивает свою вселенскую универсальность.

Не соблюдена также система рифмовки, п.исущая сонету. У Мицкевича тринадцатисложный стих, у Г.Эристави большинство строк - четырнадцатисложник, но, к примеру, пятая строка является двенадцатисложником, так что о соответствии размера говорить не приходится.

В целом сонеты Мицкевича в переводе Эристави имеют историко-литературное значение. Однако именно историко-литературный смысл их очень высок. Эристави переводил с оригинала, так что

большинство образов в переводе сохранено, налицо бережное отношение к тексту. Часть сонетов, к примеру, "Дилигрид", переведены уже с соблюдением эквилинейрности.

В 1852 году Г.Эристави основал журнал "Цискари". И в первом же его номере, наряду с иными стихами, опубликован сонет Петрарки, переложенный Г.Эристави с польского перевода Мицкевича, у которого сонет назван "Благословение". Так навсегда рождение литературного журнала ассоциируется у грузинского читателя с именем польского романтика (109, I).

Сами же "Крымские сонеты" были помещены в следующих номерах "Цискари", публиковались они и позже (110; 111; 112). Переводы шести сонетов Мицкевича вошли, помимо названных журнальных публикаций; в первое издание сочинений Эристави и во второе издание 1884-го года (113; 114).

В дальнейшем каждое поколение поэтов-переводчиков до наших дней осваивает поэзию польского гения.

2.3. Обращение к творчеству Адама Мицкевича в XX веке

В начале XX века грузинская литература незначительно расширила круг переведенных произведений, но само их появление знаменательно. С 1918 года до начала второй мировой войны грузинская общественность, как и общественность иных республик Советского Союза, была фактически насильственно оторвана от Польши. Нитью, не оборвавшей давней связи, стал Мицкевич. К его поэзии обратились переводчики Л.Мгеладзе, Харитон Вардживили, Н.Натаридзе, Гр.Цецхладзе. Выделяются, несомненно, опыты Иасамани.¹ В 1937 г. он создает новый перевод "Фариса".

¹ Псевдоним грузинского писателя Михаила Кияцуршвили.

(115). Через несколько лет к этому стихотворению, сыгравшему такую незаурядную роль в истории грузино-польских контактов, обратился Константин Чичинадзе.

Почти одновременно выходят в свет и другие произведения Мицкевича в интерпретации обоих переводчиков. Исаамани опубликовал переводы избранных сонетов, К.Чичинадзе - сонеты из цикла "Крымских" (116) и стихотворение "Из альбома" (117).

После длительного перерыва в критическом осмыслении творчества польского романтика появилась статья Гр.Абашидзе, посвященная 150-летней годовщине со дня рождения Мицкевича (118). Известный поэт представил в ней панораму творчества классика и высказал свое сожаление о том, что после Размадзе и Эристави никто из грузинских переводчиков не заинтересовался поэзией романтика. Он отметил, что их переводы уже имеют лишь историческое значение. Гр.Абашидзе, как видим, не учел опытов Исаамани и К.Чичинадзе. Однако его призыв обогатить грузинскую поэзию новыми переводами из Мицкевича не оказался голословным.

Словно в ответ на призыв Гр.Абашидзе в 1949 году перевод одного из самых крупных произведений Мицкевича - поэмы "Конрад Валленрод" осуществили три выдающихся грузинских поэта И.Абашидзе, К.Каладзе и К.Лордкипанидзе (119). Вскоре вышел в свет сборник "Избранного" Мицкевича под редакцией Гр.Абашидзе, К.Каладзе и К.Чичинадзе (120). В него вошел перевод "Конрада Валленрода", а также 34 перевода произведений польского классика - баллады "Свитезь" и "Свитезянка", "Крымские" и "Любовные" сонеты.

Выход в свет "Избранного" стимулировал работу нескольких грузинских переводчиков. В 1952 году появляются первые опыты Тамаза Чхенкели - одного из самых тонких и глубоких перевод-

чиков польского классика. "Университетский альманах" поместил II сонетов в прочтении молодого поэта.

Годом, вызвавшим небывалый интерес к творчеству романтика, стал 1955-й. Мирская общественность отмечала дату 100-летия со дня смерти Мицкевича, и грузинские литераторы внесли свой лепту в освоение его наследия. В торжествах памяти Мицкевича в Польше участвовали Георгий Леонидзе .. Симон Чиковани, с чьими именами связан новый этап грузино-польских литературных контактов. В цикл стихов С.Чиковани "На польской дороге" вошло и стихотворение "Пушкин и Мицкевич", в котором встреча с прошлым представлена, как обычно в творчестве С.Чиковани, в широком культурном контексте (I21).

Г.Леонидзе свое небольшое стихотворение, посвященное Мицкевичу, прочел при возложении цветов к памятнику писателя 25 декабря 1955 года в Кракове. В нем звучит мысль об органической близости Мицкевича грузинскому народу (I22).

В 1955 году появились и новые переводы: "Пилигрим", "К Неману" и сонеты в прочтении Т.Чхенкели (I23), "Песнь Адама" перевел А.Чкадуа (I24).

Большинство статей, посвященных жизни и творчеству польского классика, появились в тот юбилейный год. Статья известного литературоведа Л.Асатиани включает краткий сравнительный анализ "Фариса" и "Мерани", в ней рассматривается большое поэтическое влияние польского гения не только на его современников, но и на все последующие поколения грузинских читателей (I25). Несомненно, выделяются работы профессора Ш.Квеселави интересным освещением фактов, размышлениями над проблемами реализма и романтизма в творчестве Мицкевича (I26; I27; I28).

В 1956 году в освоении наследия Мицкевича нужно отметить два события: поэма "Конрад Валленрод" вышла отдельным изданием (129), и была опубликована монография М.Квеселави "Адам Мицкевич. Жизнь и творчество" (88). Монография эта - донныне единственная на грузинском языке - заслужила высокую оценку (130; 131; 132). В ней рассмотрены вопросы как собственно творчества Мицкевича, так и моменты созвучия его художественного мира и грузинской поэзии. Мы цитировали ее в связи с сопоставлением лирики Бараташвили и Мицкевича. Добавим лишь ту существенную деталь, что в те годы, когда в советском литературоведении почти замалчивались "Дяды", это вершинное творение польского классика стало объектом изучения М.Квеселави.

В 50-е годы грузинская литература обогатилась переводами таких крупных произведений, как поэмы "Гражина" (133) (пер. А.Абулашвили), "Дяды" (разные части перевели А.Геловани, В.Горгадзе и Ш.Мицихулава), "Пан Тадеуш" (пер. Д.Ивардава) (134).

В современном освоении творчества А.Мицкевича выделяются три поэтических имени. Тамаз Чхенкели избрал из всего наследия классика его сонеты. В книгу "Большие и маленькие звезды" вошли и новые переводы - всего 12 сонетов из "Крымских" и 3 из "Любовных" (135). Тедо Бекишвили обратился к самым разным жанровым формам в творчестве Мицкевича. В сборник, полностью состоящий из переводов Т.Бекишвили, вошли 19 стихотворений, 10 сонетов и 8 баллад Мицкевича (136). И наконец, последний из переводчиков, по зятивши 1 несколько лет жизни работе над Мицкевичем и составлению самого подробного тома его сочинений, - Иорам Кемертелидзе. В течение трех лет он работал над томом из "Библиотеки мировой литературы", посвященным Мицкевичу (137).

В него вошло фактически все самое значительное из переводов классика за последние десятилетия. Это своего рода итог работы грузинских переводчиков по освоению одного из любимых авторов мировой литературы. В книге, содержащей 735 страниц, помещены 17 заллад и романсов (в переводах И.Кемертелидзе, Т.Бекишвили, Х.Вардошвили, Л.Мгеладзе, А.Абулашвили и др.), все 18 "Крымских сонетов" (в переводе Т.Чхенкели, К.Чичинадзе, Т.Бекишвили, И.Кемертелидзе, Ш.Ширцхулава, Х.Вардошвили), почти все "Любовные" и многие другие сонеты (в переводе тех же авторов), 39 стихотворений (в переводе Т.Бекишвили, А.Абулашвили, А.Геловани, Гр.Абашвидзе, В.Горгадзе, Х.Вардошвили, Т.Мабуривили, З.Молашхия). Из поэм представлены "Дядя" (пер. Ш.Ширцхулава, А.Геловани, В.Горгадзе), "Гражина" (пер. А.Абулашвили) и "Копрад Валленрод" в уже названном нами переводе И.Абашвидзе, К.Каладзе и К.Лордкипанидзе, а также "Пан Тадеуш" (пер. Д.Ивардава).

Как видим, немало переводов осуществлено самим составителем, автором предисловия и примечания И.Кемертелидзе.

Данный том, несомненно, является свидетельством высокого интереса грузинской переводческой школы к творчеству А.Мицкевича, показателем уровня освоения польской литературы в Грузии на определенном этапе. Он дал возможность грузинскому читателю представить творчество польского классика в целостности, определил перспективы для следующих поколений переводчиков.

Итак, на сегодня Мицкевич представлен в Грузии пятью персональными сборниками (120; 136; 137; 129; 138). Если добавить к ним две книги, в которых также подробно включена поэзия польского классика (135; 134), то можно утверждать, что Мицке-

вич продолжает оставаться для грузинской общественности не только символом польской литературы, но всей польской культуры, как это было и в XIX веке.

Несомненно, "Крымские" и "Любовные" сонеты - традиционно самая привлекательная для грузинских переводчиков часть наследия Мицкевича. Появление нескольких вариантов перевода свидетельствует не просто о неисчерпаемых возможностях прочтения классики, что само по себе очевидно. Обращение к сонетам Мицкевича ввело их в круг интересов грузинских переводчиков и широкого читателя, за 150 лет сделало сонеты польского гения фактом грузинской поэтической жизни. Переводы их нужно оценивать как своего рода пробный камень для поэтов в контексте всей целостной картины переводов Мицкевича на грузинский язык.

Стремление постичь творения гения, его художественный мир - это самое глубинное стремление в сближении двух народов, имеющих столь многогранные контакты. И в этих контактах именно Мицкевичу принадлежит ведущая роль.

ПОЭМА ШОТА РУСТАВЕЛИ В ПОЛЬСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

На протяжении всего XIX века Шота Руставели был для поляков символом максимальных возможностей национального духа Грузии, неким верховным знаком, приближаясь к пониманию которого, изчуждые приближаются к постижению своего народа.

Доля польских литераторов и историков в освоении Руставели весьма значительна. За полтора века включения Руставели в круг польских интересов собрался материал самого разного плана, который, помимо изданий самих переводов, составляет более ста наименований. Подробная польская руставелологическая библиография была составлена для сборника "Руставели в мировой литературе" и приведена в статье Л. Менабде (139; 140). За 15 лет после выхода в свет этих материалов библиография значительно расширилась, и в дальней работе мы дополняем ее.

Польские литераторы начали изучать и переводить Руставели (естественно, в фрагментах) буквально вслед за первыми опытами французов - с разрывом в 2-3 года, а также практически одновременно с русской филологией.

Воссоздавая всю картину, а воссоединить ее истоки и нынешнее состояние исследователи, за исключением названных выше работ, не ставили своей целью, мы, несомненно, понимаем, что в полном объеме это невозможно. Однако мы старались проанализировать тот или иной текст с учетом времени и контекста его появления, а также места в освоении поэмы на польском.

Помимо непосредственных причастных к переводу текста поэмы, с польской стороны особо интенсивно изучали вопрос М. Гра-

левский, К.Виневиц, а в XX веке - Я.Рейхман, И.Прухницкий, Я.Браун, В.Кубацкий, Л.Левин и другие. Из грузинского материала следует выделить статьи и исследования Л.Мснабде, В.Шадури, И.Богомолова, Н.Николаишвили, С.Равича и др. Список этот далеко не исчерпывает исследователей, и в работе мы ссылаемся на более широкий круг имен.

3.1. Что знала о Руставели Польша времен Мицкевича?

Перефразируя название статьи профессора В.Шадури (141), мы ставим несправедливый вопрос, так как именно во времена расцвета романтического искусства Мицкевича, а отчасти под его влиянием усилился интерес к восточным культурам. И хотя Грузия, как уже отмечалось, не может быть отнесена к Востоку, для польков первой половины XIX века она была восточным краем.

В 1833 году в "Телескопе" была помещена статья "Шота Руставели, грузинский поэт" - второе по времени обращение русской периодики к имени Руставели.¹ В ней отмечено, что с польского перевел Ш.Дубровский, автор не назван.

В статье польского автора основное внимание уделено истории Грузии, культурной ситуации эпохи царицы Тамар, приводятся факты из биографии поэта. Достоверные сведения переплетаются с почти сказочными версиями о жизни и судьбе Руставели. К примеру, он пишет, что по одной из гипотез, Руставели был несчастлив в браке, застал свою супругу со слугой-негром, убил его, удалился в Западную Грузию и там скончался в одиночестве.

Л.Мснабде приводит данные о том, что народные предания о Руставели были известны очень давно (140). Ими пользовались, обра-

¹ Первая статья в русской периодике была помещена в журнале "Азиатский вестник" в 1827 году.

щаясь к фигуре Руставели еще Арчил и Темураз II. Некоторые сведения из биографии Руставели были широко распространены в народном сознании. Они нашли отражение еще в памятниках письменности эпохи Возрождения - в "Ростомиани" и "Иосебзили-ханиани". Однако трудно предположить, чтобы с этими грузинскими источниками столь подробно был знаком польский автор, хотя круг его общения, о котором говорится ниже, указывает на какие-то ориентиры. Что касается версии о поздних годах жизни Руставели, то, как пишет Л.Менабде, "она в письменном виде известна позже. Так, в русской прессе в 1853 году появился вариант этой легенды, а в 1863 году А.Пурцеладзе опубликовал отредактированный им текст, который печатался несколько раз" (140,168). Автор из "Телескопа", таким образом, эту народную версию о жизни Руставели включил в свою статью впервые. Источник его знаний, возможно, не удастся установить.

Но помимо загадочной осведомленности, работа польского автора привлекает еще многими сторонами. Обращает на себя внимание искренний интерес к поэме и к роли Руставели в грузинском обществе. Мы читаем: "Поэма Вепхисткаосани написана стихами шаири. Сей род поэзии состоит из четверостиший с одинаковыми рифмами. Вообще грузинские стихи кончатся на гласные А,Е,И,О,У. Всех строф насчитывается 1589!" (142,65).

Автор сравнивает поэму Руставели с "Неистовым Роландом" Ариосто и с "Освобожденным Иерусалимом" Т.Тассо, с поэмами Оссиана. Это сравнение промелькнуло уже в книге Е.Болховитинова. Однако вряд ли автор из "Телескопа" просто подчиняется мнению Е.Болховитинова (144). Вообще его статья отличается большой оригинальностью. Просто поначалу такое сравнение, по-

видимому, было для европейского читателя необходимо, оно давало ему некий культурный ориентир, неверный в своей типологической основе, но дававший представление о масштабе явления. Такое желание сопоставить с общепризнанными образцами героического эпоса было всеобщим. Но отметим, что польский автор впервые оговаривает: "Руствель с искусством, трудным для подражания, описывает приключения своих героев, передавая набожные чувства и нравственные мысли; таким образом он разнообразит свою поэму. Язык его гармонический, богатый и способный для выражения возвышенных восторгов, в грамматических же правилах весьма отличается от языка гинешного" (142,68).

После этого автор на одной странице и кое-что неточно пересказывает содержание поэмы. Можно сказать, что самостоятельной ценности его пересказ не представляет. Однако комментарии отличаются тонким пониманием значения поэмы, точнее, ее роли в грузинской культуре "Многие филологи каждому лицу и каждой мысли придавали духовное значение... Сия поэма была напечатана в Тифлисе в царствование Вахтанга V (здесь ошибка, следует читать - Вахтанг VI - М.Ф.). Хотя ныне очень редки печатные экземпляры сего сочинения, однако грузинцы так любят сию поэму, что несмотря на множество несчастий, которые претерпела их отчизна, опустошенная огнем и мечом, она сохранилась еще в целостности. Теперь в каждом богатом доме можно найти ее в рукописи" (142,68).

Это фактически наиболее раннее свидетельство в русской периодике об особом национальном значении шедевра Руставели для духовного развития и самосохранения народа. Автор завер-

шает размышления страстным призывом включить поэму в круг интересов других народов: "Когда бы кто-нибудь из современников, независимый от обстоятельств, имея задачей пользу и славу соотечественников, посвятил себя на изучение грузинского языка и познакомил бы нас с литературой сего народа, то оказалось бы много драгоценных приобретений... Станем надеяться! Быть может, предприятие Александра Ходэки, который начал переносить на ниву польской словесности цветы жаркой Аравии, возбудило бы в ком-нибудь желание вступить на сие поприще" (I42,69-70).

Статья эта, полная ошибок, представляет ценность по многим причинам и является как бы точкой отсчета в нескольких направлениях.

Во-первых, она выходит за рамки собственно грузино-польских литературных контактов, так как, принадлежа перу польского автора, стала фактом русского литературоведения. Это обращение к шедевр грузинской словесности показательно для уровня ориенталистики своего времени, в частности, иллюстрирует первые попытки изучения грузинской литературы. "Телескоп" имел более широкого читателя, нежели "Азиатский вестник". Данная статья - источник сведений о поэме Руставели для читателя пушкинской эпохи. Неслучайно В. Шадури назвал одну из своих работ "Что знала о Руставели Россия пушкинского времени?" (I4I). Статья из "Телескопа" могла попасть в поле зрения Пушкина, интерес которого к грузинской культуре известен, и это вносит новые штрихи даже в пушкиноведение. Статья польского литератора в определенном смысле соединяет польские, грузинские и русские контакты, лишняя раз утверждая всеобщую взаимосвязанность значительных культурных явлений. Она намечает сложные

пути, какими поэма Руставели шла к европейскому читателю.

Помимо того, статья является первым моментом в обозначившейся вскоре тенденции - в стремлении романтиков, а позже реалистов преодолеть отношение к Грузии как к стране лишь экзотического вдохновения, приблизиться к изучению грузинской действительности во всем многообразии. Ошибки же автора легко объяснимы стилем публикаций того времени и исключительной скудностью фактических данных. Напротив, удивительно, что автор говорит о мнении "многих филологов", значит, он был в курсе тогдашней грузинской филологической мысли.

И, наконец, в ней прозвучал призыв к соотечественникам включить Руставели в круг своих интересов и обратиться к изучению грузинского языка. Обогащение собственных духовных возможностей путем приобщения к сокровищнице иных народов - мысль, очевидная в наши дни, - в ту пору только утверждалась, и практика таких статей постепенно направляла научные силы на изучение иностранных языков и литератур.

Долгое время считалось, что автором статьи был известный польский арабист А.Ходзько, упомянутый в статье. Во всех обзорных статьях его авторство было общепризнанным. Позже развернулась научная полемика, в которой участвовали как грузинские, так и польские исследователи.¹

Разгадка была сделана профессором Вацлавом Кубацким. Он принимал участие в праздновании 800-летия Шота Руставели. В его книге "Мальвы на Кавказе", цитированной нами, одна из самых подробных глав посвящена Руставели.

¹ См. библиографию об этой полемике в статье Д.Менабде (140).

Отметим, что впервые с сообщением о том, что в календаре, изданном в Вильно в 1830 (на 1831 год), обнаружилась первая польская статья о Руставели, выступил польский ориенталист и календаролог, ныне профессор Варшавского университета Ян Браун. В том же 1966 году сообщение было опубликовано (145;146).

В.Кубацкий пишет: "Исследователю польского романтизма нетрудно указать оригинал этого пионерского русского исследования" (15,203). Далее В.Кубацкий пересказывает статью из "Новорочника" (календаря), уже известную нам по "Телескопу".

Однако из "Новорочника" читатель узнает много нового. И в первую очередь - текст фрагментов перевода. Польский автор перевел два отрывка нерифмованным стихом разной структуры: от 13-сложной до 26-сложной. В "Телескопе" данные отрывки приведены прозой. Поскольку переводчик мог располагать лишь первой строфой на русском языке в переводе Е.Болховитинова и рядом строф, переведенных М.Броссе на французский, Л.Менабде утверждает, что польский автор должен был обращаться к оригиналу. Переводчик предпосылает фрагменту из письма Нестан-Дареджан следующие слова: "Еще более замечательным нам кажется письмо Нестан-Дараджанн, которое грузины ценят выше всего" (146,17).

Итак, Кубацкий пишет: "Неспециалисту немного сажет критиким К. Р-йт. Нет его в "Словаре псевдонимов и криптонимов" Адама Барч. Для исследователя же романтической литературы вопрос ясен. Автором был с большой степенью достоверности Константин Рдултовский, один из молодых виленских ориенталистов. Он получал образование в Париже и Лондоне. В 1825 году учился в Петербурге. Переводил "Крымские сонеты" Мицкевича на англий-

ский... Был знаком с Мицкевичем и давал ему на оценку свои поэтические пробы, что известно из письма Мицкевича к Рудутовскому за 1828 год. Мицкевич вписал ему в альбом стихотворение "Разной судьбой брошенные в водоворот света" (12, 286).

Удивительно, что авторство не установил ориенталист такого масштаба, как Я. Рейхман. Он, с одной стороны, писал об истории переводов Руставели на польский (147; 148; 149) и знал эту историю досконально (разумеется, по материалам, доступным его времени), а с другой стороны, много раз называл имя Рудутовского и во всех подробностях описывал круг друзей автора статьи о Руставели (40; 150). Соединив из изысканий Рейхмана эти данные, которые для самого ученого не пересеклись, мы проясним многие штрихи всей истории возникновения первой работы о Руставели на польском. В весьма насыщенной по фактическому материалу и интересной по постановке вопроса статье Рейхмана "Востоковедческие интересы окружения Мицкевича в Вильне и Петербурге" (150, 69-94) изучается генезис моментов ориентализма в творчестве польских романтиков. Рассказывая о целой плеяде блестящих польских ориенталистов - первом поколении профессионалов, Рейхман приводит биографии ученых и ориенталистов-любителей. Многие из них поддерживали тесные контакты с Мицкевичем, более того, польский гений интересовался восточными языками. Друг Мицкевича, одаренный ученый Л. Шпитснагель, владел 10 европейскими и несколькими восточными языками, был и другом Рудутовского. ...Шпитснагель покончил жизнь самоубийством и, по воспоминаниям, последние его слова перед смертью были обращены к Рудутовскому. Лично о нем сведения у Рейхмана лаконичны: "...намеревался посвятить себя ори-

енталистике, был знаком с персидским языком, пробовал поэтическое перо также как переводчик восточной поэзии" (150,86).

Почему Рейхман не установил авторство Рдултовского? Возможно, именно потому, что тот был нередко упоминаем рядом с ведущими ориенталистами эпохи, но Рейхман не считал его состоявшимся ученым.

Обращение к кругу виленских ориенталистов косвенно, но несомненно расширяет границы польско-грузинских сопряжений. Изучая цепочку связей, мы выяснили, что интеллектуальная элита эпохи филаретов и филوماتов еще не личными контактами, но причастна к Грузии. Мицкевич, который вот-вот начнет переводиться в Грузии и станет для нее символом польской культуры, близко знал автора первой польской статьи о Руставели. В то же время участие Рдултовского в занятиях блестящих молодых ориенталистов конца 20-х годов объясняет его интерес к Руставели.

3.2. "Вепхисткаосани, утешитель мой!"

Следующей встрече с Руставели польский читатель обязан не литератору, а инженеру. В грузинском литературоведении сведения о Казимеже Лапчиньском крайне скудны. Говорится лишь, что он был ссыльным инженером, работал в Грузии с 1847 по 1854 год на строительстве железной дороги. Между тем, он был личность столь многогранной, что необходимо привести более подробные данные о человеке, осуществившем первый польский прозаический перевод поэмы Руставели. Данные из разных польских источников, изысканных нами, складываются в следующий портрет.

Казимеж Лапчиньский (1823-1892) фигурирует в Польском биографическом словаре как ботаник, этнограф и инженер-строитель, кратко говорится о его литературных интересах (47, т. XII). В одном из источников указан 1828 гсд рождения (151, 1004). Это скорее всего ошибка, так как тогда получается, что Лапчиньский в 12 лет закончил гимназию. Он родился в Виленском губернии в дворянской семье. В 1840 году окончил техническое отделение гимназии им.Замойских в Щебжешине, позже продолжил обучение на естественно-математическом отделе двухлетних курсов при Варшавской воеводской гимназии, в 1841-43 гг. проходил стажировку в Дирекции сухопутных и водных коммуникаций в Варшаве, а в 1843 г. получил должность инженера в проектно-биро, участвовал в работах по строительству моста через Вислу.

В 1846 году за участие в подготовке к восстанию был сослан солдатом в Дагестан. Предположительно проходил "по списку" ксендза Петра Сцегенного. После кратковременной солдатской службы участвовал в строительстве крепости. Сдав экзамен в Тбилиси на военного инженера, работал на строительстве железных дорог, много ездил, бывал в Екатеринодаре, Петровске, Ставрополе. В 1857 году в связи с болезнью получил разрешение вернуться в Польшу.

Из-за плохого состояния здоровья Лапчиньский по несколько месяцев в году проводил в горах. Его неуемная любознательность не давала ему заниматься собственной болезнью (туберкулезом), и Лапчиньский в Татрах начал проводить исследования по этнографии, по диалектам горцев. В Польском биографическом словаре (47, т. XII) говорится, что тогда он начал писать. Однако, несомненно, его литературные занятия начались на Кав-

казе и в первую очередь связаны с переводом Руставели.

Основные работы Лапчиньского печатались в "Иллюстрированном ежегоднике" и "Клосах". Это труды этнографического характера, записи народных легенд. Особо нужно отметить воспоминания о пребывании на Кавказе: "Из Тифлиса под Арарат" (152), "Ватага" (о побережье Азпийского моря) (153) и "Переезд через вершины Кавказа" (154).

Области, в которых работал Лапчиньский, столь разнородны, что порой кажется: мы имеем дело с несколькими людьми. Он писал рассказы для детей, собирался издавать детский журнал. Лапчиньский был связан с ведущими учеными-естествоиспытателями А.Валеским, А.Вагсом, Т.Холубиньским. Он участвовал в ботанических экспедициях с учеными, но чаще предпринимал походы один. Составитель краткого жизнеописания Лапчиньского А.Слюсарский отмечает характерную деталь: "Свои ботанические экскурсии он осуществлял с минимальными затратами, часто поддерживал себя куском сухого хлеба и молоком, был выносливым, ходил без долгого отдыха, с раннего утра до позднего вечера" (155,4). К.Лапчиньский обладал, несомненно, сильным умом. Вспомним, что речь идет о тяжело больном человеке. В результате таких ботанических экскурсий было написано 20 работ по географии растений и флористике. Статьи эти, по оценке ученых, представляли разную научную ценность в связи с недостаточной подготовкой Лапчиньского в области ботаники.

Тем не менее отмечается, что в польских условиях эти работы были новаторскими, и Лапчиньский признан предтечей исследователей периода социологии растений и ботанической картографии.

В конце жизни Лапчинский был избран членом Физиографической комиссии. Он скончался в Варшаве в 1892 году. Неудивительно, что в литературе Лапчинский фигурирует как исследователь Татр и известный ботаник (156; 157; 158).

Эти сведения помогают осознать, какой широтой интересов и любознательностью обладал человек, обратившийся в середине XIX века к "Вепхисткаосани".

Сейчас уже вряд ли удастся установить, знакомство ли с Георгием Эристави натолкнуло Лапчинского на мысль о переводе поэмы или решение перевести ее привело к знакомству, а позже - к дружбе. Очевидно лишь, что мы имеем дело с одним из удивительных для середины XIX века фактов литературного сотрудничества.

Лапчинский, обремененный службой, два года отдает переводу, движимый лишь желанием познакомить соотечественников с шедевром, к которому сам прикоснулся. В результате постоянного сотрудничества предположительно между 1850 и 1854 годами появился прозаический перевод всего содержания поэмы (значительная часть строф пересказана, часть переведена прозой). Разумеется, прозаическое переложение поэтического шедевра - явление неполноценное. Однако полный перевод в стихах в середине XIX века не был под силу не только инженеру, но вообще никому.

А Лапчинский, видимо, не мог заставить ждать следующие поколения встречи с "Вепхисткаосани". Перевод был опубликован в "Библиотеке Варшавской" в 1863 году. После того, как он стал известен в Грузии, о нем не раз писали.¹

¹ См. библиографию публикаций в статье Л. Менабде (140).

Текст предваряли "Несколько вступительных слов", которые на самом деле достаточно обширны (составляют 18 страниц) и являют собой знаменательный документ (159, I-18). Лапчиньский проявил незаурядное литературное чутье, в его заметках не ощущается дилетантизма, кроме того переводчик не скрывает своей влюбленности в произведение, значение которого, безусловно, осознает и с которым по-своему сросся.

Приведем некоторые отрывки. Лапчиньский приводит данные о расположении Грузии, сочувствует на то, что "Европа имеет отрывочные сведения об этом экзотическом крае". И далее: "Однако не годится так мало знать о древнем героическом народе, кровью которого написанная история является высоким примером почти сверхчеловеческой выносливости. История Грузии со времен принятия христианства в первые же века после Христа есть жизнь народа, который многократно сожженный, покоренный, рассеянный, уничтожаемый не сотнями, не тысячами, но миллионами людей, не обасурманился, не перешел в мусульманство, а остался с Христом, сохранил свой национальный язык и образ" (159, I-2).

В предисловии приводятся также довольно подробные пассажи об истории Грузии, о деятельности Вахтанга Горгасали, царя Давида, описывается эпоха царицы Тамар и наступление золотого века. Сведения о Руставели отличаются точностью для уровня знания середины XIX века. Ощущается, что консультировал и просвещал Лапчиньского большой знаток истории Грузии Г.Эристави. Но в то же время ясно, что Лапчиньский был знаком с литературой о Руставели, вышедшей к тому времени в свет на русском языке.

Напомним, что Лапчиньский прибыл в Тбилиси в 1847 году.

Как раз в это время (в 1846 году) на страницах "Кавказа" развернулась полемика в связи с поэмой Руставели,¹ началом которой послужил перевод отрывка из "Вепхисткаосани" о встрече царя арабов с витязем, выполненный И.Евлаховым (160).

К.Лапчинский в своем вступлении неоднократно ссылается на Д.Чубинашвили, следовательно он был знаком с его трудами (161) и скорее всего со статьями других авторов из "Кавказа".

К.Лапчинский рассказывает о географии поэмы и отмечает, что описанные в ней страны не имеют ничего общего с реальными Индией, Аравией или Китаем. Поэма, по его мнению, содержит в основном грузинские "элементы", где бы ни происходило ее действие. "Этот сильный местный отпечаток является причиной невероятной популярности поэмы в Грузии, а также ее высочайшей ценности. Произошел с этой поэмой феномен, нигде более не встречающийся; несколько десятков ее стихов из разных мест стали народными пословицами, которые каждый день повторяют крестьяне, вообще о "Тигровой шкуре" не знающие. Это наивысший триумф писателя, по праву доставшийся Руставели" (159, 12).

Данное явление имеет, по мнению Лапчинского, и обратную сторону. На протяжении веков существовала тенденция дополнять и расширять ее новыми стихами: "Только лишь Цицишвили дописал 1500 стихов к поэме Руставели. Мания подтачивания "Тигровой шкуры", подобно моли, была когда-то литературной модой в Грузии" (159, 13).

Далее К.Лапчинский рассматривает известные ему издания поэмы: "вахтанговское", издание Д.Чубинашвили и приходит к

¹ Подробно эта полемика освещена в книге: Богомолов И. Тропой дружбы (162).

выводу, что они также являются подготовительными. Лапчинский высказывает мысль о том, что "время полного перевода грузинской поэмы на иностранные языки еще не пришло". Такой перевод должна предварять добросовестная научная работа над текстом, основанная на глубоком, фундаментальном знании грузинского языка, широких археологических изысканиях и на эстетическом чутье. В подтверждение мысли о необходимости эстетического чутья Лапчинский приводит в пример перевод М. Броссе 1841 года. Он считает, что ученый, много сделавший для исследования Руставели, имевший большие заслуги, "не только не приложил усилий, чтобы очистить "Тигровую шкуру" от чужих добавок, но дополнил новшью, старательно изысканными в старых рукописях, руставелевскими четверостишиями и, идя за давней модой, сам несколько четверостиший добавил (хотя и очень лестных для Грузии)" (159, 14).

У завершение Лапчинский размышляет о стихотворной форме поэмы и об особенностях звукового рисунка грузинского стиха.

Некоторые постулаты переводчика, конечно же, сегодня кажутся наивными. Но часть из них, к примеру, те факторы, на которые указывает Лапчинский как на необходимые для научной работы над текстом, актуальны и ныне. Сам Лапчинский, по-видимому, обладал прекрасным филологическим чутьем и точно определил некоторые задачи руставелологии.

По своему мирозерцанию Лапчинский является во многом романтиком. Это проявляется и в рассуждениях о месте поэмы в истории Грузии, а также в словах, обращенных к читателю. Они могли бы стать эпиграфом не только к делу Лапчинского, но и ко всем переводам Руставели: "Итак, получившая польское

звучание Тигровая Шкура, утешавшая меня не в одну тяжелую
годину, выйди в свет! И обрати к Грузии хоть несколько горя-
чих сердец!" (159,18).

Г.Эристави просил польского переводчика не упоминать
его имени. Причины нам неизвестны. Хотя нельзя сомневаться
в том, что работу над ознакомлением европейского читателя с
Руставели он считал задачей первостепенной важности. Об этом
свидетельствует то обстоятельство, что его совместный труд с
Лапчинским пришелся на самые напряженные для Эристави твор-
ческие годы. Одновременно с созданием своих основных драм
Г.Эристави работает над организацией профессионального теат-
ра, над созданием журнала "Цискари".

Из-за решения Г.Эристави о его работе над переводом до
1870 года в Грузии, по всей видимости, было почти неизвестно.
К.Лапчинский, выполнил просьбу друга, однако написал в своем
вступлении к переводу о "руководстве просвещенного грузина",
который целых два года переводил мне создание своего люби-
мого грузинского поэта:

Вступление Лапчинского перевел с польского на русский
живший в Тбилиси врач И.Талько, а с русского на грузинский -
известный общественный деятель Иванэ Кереселидзе. В № 6 "Цис-
кари за 1870 год была опубликована статья "Вепхисткаосани
(поэма Руставели)": В оглавлении среди авторов значится И.Ке-
реселидзе, а под статьей - К.Лапчинский. На самом деле основ-
ной текст составляет перевод на грузинский вступления Лап-
чинского, а на страницах 256-259 приведено предисловие к не-
му И.Кереселидзе. Здесь И.Кереселидзе расшифровывает фамилию
"просвещенного грузина". Учитывая, что польский читатель мог

ранее многих других познакомиться с поэмой на родном языке, содружество Г.Эристави и К.Чапчиньского следует оценить как патриотическое поддѣжничество.

Сын Г.Эристави Давид в письме к одному из друзей сообщил: "Я счастлив, что могу назвать на польском языке "Вепхисткаосани", при этом указав полное название. На польский язык Чапчиньскому его перевел мой отец, известный грузинский поэт и театральный деятель, основоположник грузинского театра. Мой отец - Георгий Давидович был сослан в Польшу... Прекрасно изучил польский язык, слушал лекции в Виленском университете; много переводил Мицкевича на грузинский..." (1.2.10).

Вступление Чапчиньского - своего рода ориентир в истории грузино-польских контактов. Его высокий уровень - показатель того качественного сдвига, который произошел в польской филологии со времени появления статьи Рдултовского.

3.3. Опыты второй половины XIX столетия

Известный немецкий писатель, ориенталист и переводчик Артур Лейст (1852-1927) был автором двуязычным. Принадлежал немецкой филологии, А.Лейст внес немалую лепту в филологию польскую. Он заинтересовался Грузией еще до своего первого приезда, познакомившись со знаменитым Фридрихом Боденштедтом.

Немецкий филолог, которого со всем основанием можно считать и польским автором, проделал огромную работу по популяризации грузинской словесности в Европе.

В частности, в своих статьях о грузинской литературе на польском языке, а также в книге "Очерки из Грузии" он составил впервые для европейского читателя краткую, но целостную схему

развития грузинской письменности, рассказал как о духовной, так и светской литературе, о связях словесности с трагической судьбой народа. Ярко описан в "Очерках" Тонлиси, грузинские обычаи, дана характеристика разных эпох национальной истории.

Поэтом, к которому специально обратился А. Лейст, был Руставели. Приведем некоторые фрагменты, не публиковавшиеся на русском и свидетельствующие о редкой эрудиции автора и его тонком понимании поэмы: "Самым значительным творением, оставшимся от классической эпохи, является эпоса "Вепхис ткаосани"¹, созданы Шота Руставели. Удивительное ее название происходит от шкуры тигра, которая служила одеянием одному из ее героев. Это донне непревзойденный шедевр грузинской музыки, и Руставели, ее автор, является для своей страны тем, чем для Италии Тассо или Камюэнс для Португалии, то есть не только отцом эпической поэзии, но также блестящим бытописателем одной из прекраснейших эпох Грузии. Мысли, взгляды и образы его поэмы и сегодня еще являются образцом, и каждый грузин охотно цитирует поэму" (163, 85).

А. Лейст не просто задается целью познакомить польского читателя с произведением Руставели и его эпохой, но проводит анализ произведения на высоте филологических знаний своего времени. Отметим, что А. Лейст не ссылается на К. Лапчинского, о переводе которого должен был слышать. При этом некоторые их наблюдения совпадают: о крестьянах, знающих поэму, о блестящем воссоздании эпохи. Созвучие в восприятии Руставели двух авторов, прикоснувшихся к шедевру с временным разрывом в четверть столетия, говорит о том, что оба уловили существенные черты поэмы и ее функционирования. Конечно, часть размышлений Лей-

¹ В оригинале у Лейста два слова.

ста устарела, но некоторые его мысли продолжают быть интересными: "В героях и героинях этой эпопеи каждый грузин узнает исторические личности времен жизни поэта. Ростеваном был царь Георгий, а Абтаджилом - сам Руставели, который тайно любил царицу Тамар и какое-то время был ее казначеем.

Нет буквально такой стороны жизни, которая бы не нашла своего отражения в этой чудесной, богатой эпопее. В первую очередь поэт представляет двор царя Георгия, придворную жизнь в разнообразных нюансах и деталях, церемонию отречения от власти, вступление на трон Тамар, празднества, охоту и обычные встречи. Потом описываются приключения (путешествия) Автандила, которые, возможно, отражают его собственные, далее же - жизнь граждан, их омычаи, представлены также картины битвы, осады крепости, одним словом, поэт исчерпывает фактически всю сокровищницу современной ему жизни. И все это повествует красочно, изысканным стилем и необыкновенно поэтично" (163,93).

Как видим, эта часть отличается прямолинейностью, горой сложнейшие законы типизации в художественном произведении Лейст толкует излишне схематично. Так, некоторые черты, присутствующие современникам Руставели, Лейст однозначно переносит на персонажей, исключая сложнейшую трансформацию, которую претерпевает фантазия автора от прототипа к образу. В этом отношении следует сказать, что грузинская, а также русская руствелология того времени имеет в активе более серьезные работы. Однако размышления Лейста, не лишённые и фактических ошибок, отличающиеся порой детским простодушием, которое он сам хотел увидеть в эпопее, являются свидетельством активного изучения поэмы Руставели литераторами второй половины века, писавшими на

польском. Далее Лейст приводит несколько строф "Вепхисткаосани" в своем переводе. Они переложены белым стихом, и по ним можно судить о самом скрупулезном подходе переводчика к тексту (это строфы 33, 40, 41, 120-122 и др). Знакомя читателя с содержанием, Лейст заключает: "Подобных поэтических фрагментов множество еще можно найти в этой прелестной эпопее, которая полна красок и аромата и образы которой искусно соединены в органические звенья" (163,94-95).

С ранней работой Рудольфовского Лейст мог и не быть знаком. Но он продолжает мысль Рудольфовского, высказанную за полвека до него, о необходимости полного перевода и включения поэмы в интересы польской литературы (163,94-95). Повторяющееся сравнение с Тассо, по-видимому, дань времени, а не реминисценция из предшественников, усвоенная из иных источников. Что касается опыта Лейста в переводе, то его нерифмованные стихи интересны в качестве первой попытки найти в польском стихосложении аналогию для шаири. Три отрывка переведены пятнадцатисложным стихом (причем, неодинаковым: встречается размер, состоящий из 9 + 6 слогов, а также из 7 + 8 слогов). Один из отрывков переведен тринадцатисложным стихом, что звучит наиболее естественно для польского стихосложения.

Оставим в стороне дискуссию по поводу того, к какой нации причислять Лейста (В.Кубацкий называет его поляком (15, 284-285). Не будем касаться и актуального ныне спора о том, возможна ли вообще причастность писателя к двум литературам равнозначно. Скажем лишь что Лейст соединил в одном лице переводчика Руставели на два языка и таким образом польский поэтический переводческий опыт сплетен с поэтическим опытом не-

мецким в одном авторстве, и это способствовало более широкой и авторитетной пропаганде творчества Руставели в Европе конца прошлого века.

3.4. Опыт мастера

Крупнейший польский поэт XX века Юлиан Тувим, имевший огромные заслуги в переводе русской поэзии на польский, обратился к поэме Руставели с намерением перевести ее полностью. Первый вариант его перевода 10 строф вступления был помещен в сборнике "Шота Руставели", вышедшем в 1937 году в Варшаве. Это небольшой сборник, содержащий три статьи (обзорную работу преподавателя грузинского языка Варшавского университета Георгия (Ежи) Накашидзе, статью "Грузия XII столетия", подписанную инициалами Д.Ш., и работу известного ученого, доктора богословия, профессора Варшавского университета Г.Перадзе, посвященную вопросам религии в поэме и мировоззрению Руставели) (164). Само появление сборника знаменательно. При той вынужденной изоляции, которая возникла между Польшей и республиками Советского Союза в 20-е - 40 годы XX века, Руставели оказался связующим звеном между двумя народами. Этим сборником поляки как бы незримо присутствовали на юбилее в Грузии, посвященном 750-летию создания поэмы. Помимо 10 строф в переложении Тувима, в книге был представлен перевод письма Нестан-Дареджан, выполненный Зофьей Вольникувной (164,7-8). Это II строф, в которых соблюдена рифмовка а-а-а-а оригинала.

Вскоре после окончания войны Тувим продолжил работу и создал второй, полный вариант перевода Вступления, содержащий 31 строфу. Как известно, именно в 1937 году появились новые

русские переводы поэмы, так что в последние годы возможности Тувима в постижении текста Руставели значительно расширились. Все переводчики, обращавшиеся к Руставели впоследствии, считают тувимовский перевод Вступления недостижимым образцом. Поэт работал над ним, по-видимому, длительное время, создал несколько вариантов, из которых в законченном виде сохранились два. Второй был опубликован в периодике, а затем вошел во все три антологии грузинской поэзии на польском (501; 503; 518).

Приведем слова Я. Брауна, тогда совсем молодого ориенталиста, который через два десятилетия стал консультантом Е. Загурского в переводе Руставели. Он пишет о Вступлении Тувима: "Поэтический уровень его очень высок. Строки звучны, сильны и полны выразительности, содержание передано точно, стиль оригинала и метафоричность мастерски сохранены" (165).

Тем не менее Тувим от своей грандиозной задачи отказался по нескольким причинам. Во-первых, это были последние годы жизни выдающегося поэта (он скончался в 1953 г.). Во-вторых, Тувим мотивировал свое решение незнанием языка оригинала. Кажется бы, большинство произведений, созданных на языках, весьма далеких от того, на который перекладываются, переведены с подстрочника, сколько бы споров вокруг этого метода ни возникало. Но здесь сыграла, скорее всего, особая позиция польской переводческой школы, в формировании которой одно из важных мест принадлежит самому Тувиму.

Польская школа требует неукоснительного следования оригиналу, особенно когда это касается классики, а априори такой подход подразумевает знание языка. Со взглядами Тувима можно познакомиться, к примеру, в его замечательном самоанализе пе-

перевода первых четырех строк "Руслана и Людмилы". Это исключительный документ, повествующий о муках переводчика над четырьмя строками, написан еще в 1934 году и отмечен искрометным юмором и беспощадностью по отношению к себе (166, 343).

По-видимому, "инстинкт ощущения родной речи" (выражение Тувима) не подсказывал поэту дальнейшего пути, по которому будет развиваться его работа над Руставели, и он не завершил ее, не владея грузинским. И тем не менее он оставил образец перевода, к которому стремятся все его последователи.

3.5. Руставели - польским школьникам

Лодзинский поэт Игорь Сикирицкий (1920-1984) посвятил популяризации грузинской культуры в Польше двадцать пять лет. Самая фундаментальная из изданных на польском антологий грузинской поэзии - почти двадцатилетний труд Сикирицкого - вышла в свет после смерти поэта (168).

Самое же раннее обращение к грузинской поэзии, это 1959 год, когда были переведены несколько фрагментов из "Репхисткаосани" (167). В основу лег перевод для юношества Н. Заболоцкого на русский. Впервые в Грузию Сикирицкий приехал в том же 1959 году и принял участие в широко отмечавшихся Днях польской культуры в Тбилиси. Следующим шагом было издание сокращенного текста поэмы, предназначенного для юношества (169). И. Сикирицкий написал как бы польскую версию фрагментов. Данную работу нельзя считать фундаментальным переводом. Однако книга была принята тепло, отличалась прекрасным оформлением (художник А. Хайдрих проиллюстрировал ее с использованием древнегрузинских миниатюр). В течение 1961 года "Визязь" был выпущен трижды и на

конкурсе "Самая красивая книга" получил третью премию.

В дальнейшем работа над переводом приняла у Сикирицкого серьезный характер. Он несколько раз приезжал в Грузию, консультировался с поэтами и филологами, основательно изучал культуру и историю Грузии, обратился, помимо перевода Н.Заболоцкого, к фундаментальному переводу Ш.Нуцубидзе на русский язык. Большим признанием шедевра грузинской литературы явилось решение Министерства просвещения Польши внести "Витязя в тигровой шкуре" в качестве программного произведения для внеклассного чтения в польских школах.

Работа над поэмой вылилась также в статьи И.Сикирицкого, посвященные Руставели. Они не носят специального характера, но с позиции поэта-переводчика знакомят польского читателя с шедевром грузинской поэзии (170; 171; 172).

Издание окончательного текста И.Сикирицкого "Витязя в тигровой шкуре" вышло в свет в 1978 году (173). На титуле значится: "Основой для адаптации древнегрузинской поэмы "Вепхисткаосани" является русская обработка для юношества Н.Заболоцкого под названием "Витязь в тигровой шкуре", сопоставленная с русским переводом Шалвы Нуцубидзе".

Как и первый перевод для юношества Н.Заболоцкого, версия И.Сикирицкого включает 30 сказаний. Напомним, что позднейший перевод Н.Заболоцкого включает 56 частей, помимо вступления и заключения, перевод Ш.Нуцубидзе содержит 64 части.

И.Сикирицкий, вслед за Н.Заболоцким, разбил шайри на две строки, которые можно считать полустроками, поскольку рифмуется каждая вторая строка, вэрнее, каждый шестнадцатисложник, как в оригинале. Однако руставелевская рифмовка всех строк

четверостишия не соблюдена. Сикирицкий повторил решение Н. Заболоцкого: а-а-б-б. Напомним, что в позднейшем переводе русского поэта, выполненном им после возвращения из заключения, выдержана система рифмовки оригинала, которая представляет для переводчика несравненно большую сложность, и Сикирицкий избрал первый вариант Заболоцкого.

Однако при анализе обнаруживается, что во многом Сикирицкий использовал именно полный вариант Заболоцкого, хотя на титуле указал издание для юношества. Текст перевода является синтезом двух вариантов русского поэта.

Само звучание перевода И. Сикирицкого отличается плавностью, музыкальностью. Стих воспринимается легко. И если самоценного значения как художественное достижение он не представляет из-за использования поэтического текста-посредника, то его роль в популяризации Густавс и в Польше огромна (174).

3.6. Цело переводчика

Одна из самых значительных глав в освоении Руставели поляками связана с именем Ежи Загурского (1907-1984), который внес большой вклад в польско-грузинские литературные контакты в целом.

Наиболее интенсивная работа над переводом "Вепхисткассани" шла в конце 60-х - начале 70-х годов. Не с тем запалом молодости, с каким включились в перевод Пантелеймон Петренко и Николай Заболоцкий (имеется в виду его первый перевод), пришел к своему решению польский литератор. Тем удивительнее был поистине юношеский энтузиазм, с которым Е. Загурский уже весьма зрелым человеком взялся за полный академический перевод

Руставели, осознавая, какой труд берет на себя.

К основной встрече с Руставели Загурский готовился давно. Известный поэт, эссеист и критик, переводивший с нескольких языков, лауреат литературных премий, Загурский обладал самыми широкими взглядами и интересами. В 50-е годы он был театральным рецензентом "Польского курьера". Первое прикосновение к "Бепхисткаосани" было театральным.

В 1959 году режиссер театра Рапсодичны в Кракове М.Котлярчик предложил поэту перевести некоторые фрагменты в стихах и описание краткого содержания поэмы в прозе. Загурский оказался в затруднительном положении. Польские поэты редко берутся за перевод, не зная языка оригинала.

Загурский также признавался, что "не является приверженцем косвенного перевода". Однако режиссер настоял, и в том же 1959 году Е.Загурский приехал в Грузию. Он получил необходимые материалы - переводы П.Петренко и Н.Заболоцкого (переводом Ш.Нуцубидзе он располагал уже в Варшаве), словари.

Краткий перевод был осуществлен. Инсценировка прошла с успехом. Постановка получила высокую оценку в грузинской прессе.¹ Вскоре Загурский продолжил работу над переводом. В 1966 году он выпустил этот текст в Кракове (175). Объем книги составлял примерно четверть оригинала. Ее выпуск был посвящен 800-летию юбилею Руставели. К моменту выхода книги поэтические отрывки вошли в первую антологию грузинской поэзии (176). На праздновании юбилея в Грузии Загурский подарил читателю свое издание. Он признавался сам, что это было лишь началом.

¹ См. библиографию к статье Л.Менадзе(140).

В интервью "Исповедь грешника" Загурский сказал: "Если еще прибавить, что я в принципе против инсценировок, то можно себе представить, какой во мне был разлад. Я стал уже двойным грешником: перевел не с оригинала и перенес произведение в другой вид литературы - из эпопеи на сцену" (177, 95). Далее Загурский сообщил: "Именно после издания этой книги моим заветным замыслом является перевод всего "Витязя в тигровой шкуре", но уже не мной одним, а совместно с доктором Брауном. Такое товарищество, в котором Браун будет отвечать за соответствие оригиналу, а я - за поэтическую часть, представляется мне единственным выходом из ситуации, где смелый замысел не под силу осуществить одному человеку, что бывает в случае, если шедевр написан на языке труднодоступном" (177,96).

В дни 800-летия Руставели поэта потрясла и теснейшая связь "Вепхисткаосани" со всей дальнейшей историей Грузии, и роль поэмы в жизни каждого грузина, и включенность многих строк шедевра в современную культуру, и масштаб самого юбилея - 800-летие.

Позже в предисловии к своему переводу Е.Загурский напишет: "Конец XII и заря XIII столетия - это значит: сто лет до Данте, четыреста до Петра Кохановского, то есть того, кто как гениальный переводчик "Освобожденного Иерусалима" Тассо и "Неистового Роланда" Ариосто протягивает к Польше нити средневековья, настоянные на ренессансной философии и на композиционном мастерстве. Конец XII века это, к примеру, для Франции лишь третье столетие "выдупливания" из романского языка старофранцузской поэзии... В любом случае, в поэзии и жизни над Ронай, Луарой, Сеной еще средневековье..." (178, 232). А тем вре-

менем, отмечает Загурский, "на кавказском пограничье Европы и Азии" возникает своеобразный Ренессанс.

Этот неожиданный взгляд на волею с европейской точки зрения раскрывает особенности восприятия Руставели представителями иных культур.

Десятилетие с 1966 по 1975 годы стало временем напряженного и кропотливого труда. Переводчик в каком-то смысле изучил грузинский язык, чтобы уловить звучание оригинала, дословально проанализировал тексты Ш.Нуцубидзе, И.Петренко, Н.Заболоцкого, немецкий, английский, французский переводы. Постоянно консультировался с Я.Брауном, не раз приезжал в Грузию, обсуждал работу с литераторами и историками.

В обширном послесловии к изданию поэмы Загурский делится сомнениями, преследовавшими его в процессе работы. Само это обращение переводчика к читателю звучит не как описание переезда, а как эмоциональное повествование о значительной части жизни поэта, проведенной вместе с переводимым произведением. В нем нашли отражение сложные искания переводчика, и ощущается, что Руставели надолго стал для литератора центром его духовного мира.

Е.Загурский подробно останавливается на истории Грузии с античных времен, эпохи принятия христианства, повествует об исторических условиях грузинского народа, приводит свидетельства крестопосцев, раскрывает особенности эпохи царицы Тамар, расцвета наук и культуры, определяет тот литературный фон, на котором стало возможным появление шедевра мирового значения.

Нам представляется, что заметки крупного переводчика

позволяет сделать определенные наблюдения о сплетении одного творческого мира с другим - миром поэта, обращенного ко всему человечеству и сквозь века. Когда же это касается соприкосновения генетически столь различных культур, как грузинская и польская, подобные заметки обретают ценность для изучения взаимопроникновения литератур, позволяют выявить точки соприкосновения и оттапливания.

Одна из самых ватных проблем, рассматриваемых Загурским, это поиски адекватной поэтической формы. После краткой истории освоения Руставели на польском и информации о том, какие переводы и материалы легли в основу труда, Е. Загурский пишет: "Просодического стропения не удастся перенять калькоманией, но и нельзя пренебрегать структурой, коль скоро она относится к конструкции оригинала. "Пан Тадеуш" без тринадцатисложных дистихов ... и "Бенявский" без октав были бы тем же, чем "Вепхисткаосани" без четверостиший, построенных на шаяри.

Он написан четверостишиями с единой рифмой, то есть четверими строками, рифмующимися меж собой. Часто четвертая строка служит для философской сентенции или иного суммирования содержания. Как же оставить эту строфу без связующей основы, каковая часто встречается в поэзии, а также в пословицах, без аргументирования рифмой, не менее убедительной, чем логический вывод?" (178, 239).

Изучение послесловия выявляет, что Загурский избрал путь наиболее сложный, но направленный к точной передаче версификации оригинала. Это касается, к примеру, "дабали" шаяри, оказавшегося наиболее трудным для перевода, а также находок переводчика в области внутренней рифмы, аллитерации и др.

Переводчик дал себе слово использовать все возможности польского стихосложения и в послесловии он восстанавливает этапы поисков: "Из-за дактилической рифмы не удастся "дабали" шаири перевести точно и на польский. Но мы можем найти близкое соответствие в псевдогекзаметре, построенном на хорее и амфибрахии, с тем, что следует сохранить шестнадцатисложный силлабический стих: Такое "псевдошаири" даст нам по крайней мере одну, но принципиальную возможность для того, чтобы разнообразить стих Руставели в переводе, что до сих пор игнорировалось...

Я не хотел облегчать себе задачи. Предложение некоего издательства переложить текст прозой, счел варварским... Большим искушением было бы упрощение работы путем отказа от сквозной рифмовки. К примеру, даже сохраняя четверостишие, его легче рифмовать ААВВ или АВАВ или АВВА. Это бы сократило тяжкий труд. Но... заглянул в "Освобожденный Иерусалим" Тассо и обнаружил слова патрона польских поэтов-переводчиков Петра Кохановского" (178, 240). Загурский черпает силы в примере переводчика, жившего века назад, берет у него благословение.

Мы считаем, что заметки Загурского являются своего рода показателем современных знаний польских филологов о грузинской литературе. Можно с уверенностью сказать, что далеко не все переводчики сопровождают свою работу столь серьезными размышлениями.

Конечно, в рассуждениях Загурского не все отличается точностью, особенно в связи с трактовкой определенных этапов исторического пути Грузии. Однако следует иметь в виду, что Загурский ставил перед собой несколько задач. И главная из них — познакомить читателя с эпохой переводимого шедевра, которая

столь отделена во времени и культурному контексту от знания современного поляка.

Был Е. Загурский, хотя он был в первую очередь поэтом и профессиональным переводчиком, отличался исключительно широкими познаниями в области истории и истории культуры. Знание его литературы и искусства Грузии не могло быть профессиональным. Но отметим один факт. Супруга поэта, известная польская литератор и переводчик Мария Загурская перевела на польский языкь солидный по объему том академика Ш. Аширанашвили "Грузинское искусство" (1979). Он был издан как раз в годы работы Загурского над Густавели. Сам поэт также участвовал в его работе и досконально знал материал.

Послесловие к переводу является документом весьма многогранным. Поэт подробно, насколько это возможно, представляет культуру Грузии эпохи создания шедевра, затем с большим эмоциональным подъемом описывает свой путь к переводу.

Е. Загурскому было создано несколько вариантов, и он рассказывал, что Литературное издательство в Кракове не раз предлагало расторгнуть договор, так как поэт ни один из рассмотренных вариантов не считал окончательным и многократно переделывал перевод. Свидетельством тому может служить рукопись одной из глав перевода, переданная нам для Центра по исследованию национальных отношений Академии наук Грузии самим поэтом (I.2.II). Этот, казалось бы, окончательный и окончательный вариант густавелинских прозаем.

Анализ Загурского поэтики весьма свидетельствует о том, что изучение грузинской литературы в Польше основано на значительной филологической традиции, несет в себе черты оригиналь-

ности и вступило в новый, но ознакомительный, а исследовательский этап. Само издание полного текста Руставели со столь подробной научно-филологической статьей, немало способствовало расширению возможностей дальнейших исследований.

"Рыцарь в тигровой шкуре" (сам переводчик придает принципиальное значение названию, считая, что "бытль" — понятие более языческое, тогда как "рыцарь" — сугубо христианское) вышел в Кракове в 1976 году (178).

Анализ перевода Е. Загурского позволяет сделать вывод о том, что он отличается редкостью точности. Мы исследуем его подробно в наших работах (180; 181). Порой неукоснительная точность приводит к несколько тяжелому звучанию стиха. Это отмечали и польские специалисты. Однако указанная сторона — лишь одна из сторон, хотя и существенная, в огромном деле Загурского.

Полный текст Руставели, выполненный не просто с подстрочника, а при углубленном изучении оригинала продвинул польскую переводческую школу не только в освоении конкретно падевра Руставели, но вообще текстов, столь отдаленных во времени и по генетической структуре от современного польского языка и литературы. Он определяет уровень знания польского читателя о грузинской словесности в целом.

Г Л А В А I V

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
И ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Если второе тридцатилетие XIX века проходит под эгидой деятельности поляков, сосланных в Грузию, и литераторов, побывавших в Польше, то во второй половине века контакты становятся иными. Они носят не столь личностный характер, непосредственные связи единичны. Но польский вопрос, который так же трагичен, как и в первой половине века, вызывает не просто сочувствие, а составляет часть интересов грузинской общественности, связан с исконными позициями грузинского национально-освободительного движения, со всей социальной политикой шестидесятников.

Среди имен, обращавшихся к Польше и польской литературе, — ведущие имена эпохи. Жизнь Польши, ее культура и судьба вызывают пристальный интерес Илья Чавчавадзе, Акакия Церетели, Нико Николадзе, позже Шмо Арагвиспирели и Якоба Гогешвили.

Грузинские исследователи не раз обращались к особенностям освоения польской литературы в Грузии во второй половине XIX века. Однако при том, что некоторые вопросы изучены достаточно подробно (20; 21; 182; 183; 184), общая картина контактов в их целостности не восстановлена.

4.1. Илья Чавчавадзе и Польша

Документом, который задает тон интересу грузинской общественности к событиям в Польше, являются "Путевые письма" Петра Накашидзе. Они были опубликованы во втором томе июль-

ского номера "Сакартвелос моамбе" (185,41-50), редактируемого Ильей Чавчавадзе, и являют собой один из самых смелых и революционных материалов издания.

П.Накашидзе стал свидетелем обстановки в Польше в дни восстания 1863 года. Записки очевидца всегда представляют особый интерес, в данном же случае перед нами документ свидетеля, несомненно, желающего разобраться в ситуации и сочувствующего восставшим.

"Путевые письма" - первый литературный опыт, во всяком случае, первый опубликованный опыт П.Накашидзе (1838-1895), общественного деятеля, единомышленника И.Чавчавадзе.

"Письмо" было адресовано другу в "Сакартвелос моамбе". Личность друга не вызывает сомнений, так как редактировал журнал И.Чавчавадзе, к которому Накашидзе писал не раз. И это придает материалу особое звучание.

П.Накашидзе оказался в Варшаве во время восстания, правда, непосредственных действий во время его пребывания не было. Однако в документе передана атмосфера, царившая в Польше в драматические дни. П.Накашидзе передает свои беседы со студентом-участником восстания, повествует о жизни Варшавы, готовящейся к бою.

За три дня путешествия П.Накашидзе подметил немало. Он стал свидетелем многих сцен, в том числе сцены расправы над участниками действия и даже над подозреваемыми в сочувствии к восставшим. В подзаголовке к "Письмам" сообщается, что это "часть первая". П.Накашидзе, по-видимому, задумал цикл писем, но после выхода двенадцатого номера журнал был закрыт. Я.Хуцишвили считает, что не последнюю роль сыграл в этом материал П.Накашидзе (182, 27). Подробно о "Письмах" мы рассказываем в одной из наших

работ (1885).

Заметки П.Накашидзе, опубликованные И.Чавчавадзе, являются первым и серьезным проявлением пристального интереса к судьбе польского народа.

От исследователей укрался материал, опубликованный в "Известиях" в 1886 году. Это редакционная статья из тех, которые помещались без указания фамилии и принадлежали перу редактора (187). Это политический обзор работы нового парламента в Германии за 1886 год. И.Чавчавадзе подробно описывает бурные споры по польскому вопросу. Бисмарк выступил против признания прав за поляками. В материале приведены выступления нескольких депутатов, в том числе польского -- Янджевского.

И.Чавчавадзе поддерживает поляков. Он высказывает мысли о Бисмарке, которые свидетельствуют о родной политической прозорливости главы грузинского национально-освободительного движения. И.Чавчавадзе пишет, что "железный канцлер", который считается образцом политического таланта, столь глубокий в вопросах внешней политики, во внутренних делах (мы бы сказали -- в национальном вопросе -- М.Ф.) слаб и даже слеп (187).

Этот материал Чавчавадзе о Польше, казалось бы, не имеющий литературоведческого значения, раскрывает, сколь многогранны были знания И.Чавчавадзе о состоянии дел весьма отдаленного географически народа. Взгляды И.Чавчавадзе еще раз подтверждают, что отношение к той или иной литературе не может быть оторванным от судьбы нации.

В связи с этим все польские материалы, опубликованные в издаваемых И.Чавчавадзе журналах и газетах, обретают некую целостность. Вообще на страницах "Известий" и в бытность ее жур-

налом, и в период её издания в ряде газеты систематически помещались статьи о политической и культурной жизни Польши.

Интересен и собственно литературный материал "Иверии". О публикациях произведений Г.Сенкевича мы пишем в следующем разделе.

Наиболее подробной и значительной из работ о польских писателях является статья "Адам Мицкевич", подписанная буквенным псевдонимом Н.М. и принадлежащая автору, находившемуся в тот период в Таргу (Брьеве).

Из обучавшихся в Брьевском университете студентов удалось установить троих, у которых совпадают имя и фамилия с инициалами автора статьи. С большой степенью вероятности авторство принадлежит Николосу Меликишвили, будущему ученому и общественному деятелю.

Статья достаточно обширна. В ней проводится обзор деятельности и творческого пути классика, сообщается об открытии памятника Мицкевичу в Варшаве. При этом Н.М. отмечает, что "библиографические сведения составлены госпожой Рбезеской и 80-летней вдовой Томаша Зана (ближайшего друга Мицкевича) специально для грузинско-литературной общественности" (188, 2).

Если оценивать эти материалы с учетом многочисленных переводов польской литературы, можно сделать вывод, что польский вопрос был одним из значительных в интересах "Иверии", рассматривался в контексте основных положений программы главы национально-освободительного движения в Грузии. И.Чавчавадзе причастен к значительной части грузино-польских контактов второй половины XIX столетия.

4.2. Академии Церетели и польская литература

Будущий классик соприкоснулся с польской культурой в детстве. Важную роль в его формировании сыграл учитель математики Кутаисской гимназии Казимеж Родзевич. К.Родзевич был сослан в Грузию как политически неблагонадежное лицо. Сейчас уже трудно установить, участвовал ли он конкретно в антисоциальном действии или был связан с каким-либо кружком интеллигенции, попавшим в поле зрения власти. Неизвестно, был ли он близок с основной группой ссыльных литераторов. Отметим тот факт, что происходил он из Витебской губернии, откуда были родом многие ссыльные, в том числе Заблотицкий. В Грузии работал врачом и его брат. К.Родзевич был женат на уроженке Кутаиси (Микеладзе), был близок с кутаисской интеллигенцией. К.Родзевич пополнил список трагически оборвавшихся жизней польских политических ссыльных. Он покончил самоубийством в 60-е гг.

Польский педагог преподавал математику и физику А.Церетели. Отмечая, в каких условиях «официозного преподавания» росло его поколение, А.Церетели считал, что «оно не получило бы ничего от гимназии, если бы эту ужасающую тьму не осветил единственный луч в лице учителя-поляка К.Родзевича» (189, 53). Он не был одинок в своем мнении. В мемуарах Нико Николадзе также апеллирует к авторитету педагога: «В бытность мою в гимназии преподавателями законоведения и математики были ссыльные поляки — Коханский и Родзевич. Оба страстные вольнодумцы, при этом и коголики. Их уроки представляли собою подлинную революционную проповедь» (190, I, 99).

Сложно что-либо сказать о политических взглядах Родзевича, но, несомненно, он был патриотом и возмущенным. Родзевич заступился за Яного Церетели на педагогическом совете гимназии, где разбиралось его смелое сочинение по слесвенности. В те годы учителя гимназии могли выбирать, изучать ли в последних классах законоведение или латынь, с тем условием, что латынь была необходимым предметом при поступлении в высшие учебные заведения России. Именно Родзевич уговорил своего ученика, избравшего законоведение и еще не помышлявшего о поступлении в университет, начать изучение латыни.

Контакты ученика с учителем были, судя по всему, весьма тесными. В седьмом классе А. Церетели жил какое-то время в семье преподавателя французского языка Туреса. По вечерам к Туресу заглядывал Родзевич. В "Пережитом" есть строки: "Француз восторженно заговорил о Великой Французской революции, гость вспомнил Польшу. Они забыли всякую осторожность, тем более, что в доме не было никого, кроме них и меня ... Их несколько бессвязный разговор увлек меня до такой степени, что я весь обратился в слух, испытывая при этом какое-то необычайное блаженство" (189, 55).

С какими-то стихами Мицкевича А. Церетели познакомился, по всей видимости, еще до встречи с Родзевичем, так, к своей речи, которую мы цитируем ниже, поэт говорит, что любовь к Мицкевичу вспыхнула у него в двенадцатилетнем возрасте. Скорее всего это были "Крымские сонеты", переведенные Г. Эристави и опубликованные в "Цискари". Следует учитывать и многочисленные к тому времени русские переводы польского романтика.

Но горячей юношеской любовью в поэзии польского

романтика Акакии Церетели обязан опять-таки Родзевичу. В одном из разговоров в доме Туреса, при котором присутствовал ученик Церетели, было произнесено имя героя Мицкевича Конрада Валленрода. Знал ли юный гимназист поэму или Родзевич рассказывал ее содержание любимому ученику, но впечатление от творения романтика было ошеломляющим. Более всего будущего поэта поразила сила духа героя и его самоотверженность. Литовский рыцарь, который ради родной страны оставил семью, пошел к ненавистным врагам - крестоносцам, - завоевал их доверие, а потом завел отряды тевтонцев в глухие леса и обрек их на уничтожение, надолго стал одним из центральных образов для юного поэта.

А. Церетели признавался: "Услышав слова Родзевича я как бы переродился... В ту ночь я не мог долго уснуть... К чему мне университет? - думал я. - Самое подходящее - военная карьера. Я стану когда-нибудь полководцем. Чем раньше поступлю на службу, тем лучше" (189,58). Безусловно, его привлекала не служба сама по себе, а именно валленродовские, далеко идущие планы по освобождению Грузии.)

Через много лет имя героя Мицкевича, сыгравшего особую роль в его становлении, возникло в поэтических строках Церетели:

Я чтил Мицкевича героев.
Был Валленрод мой идеал,
Я мужеством его питался,
И тяжкий груз с души спадал.
... Стать воином и полководцем
Решил я твердо с юных лет,
Чтоб сделать родину счастливой
Ценой отваги и побед (191, 76).

Таким образом, Мицкевич и Родзевич - два поляка, чье при-

отсутствие в жизни А.Церетели неоспоримо. Гении, которому дано оказывать влияние на мировоззрение следующих поколений, и гимназический учитель как бы переплетаются в сознании поэта.

В начале 60-х годов, как известно, в Петербурге училась целая группа польских студентов - активных участников национально-освободительного движения. Многие из них приняли участие в восстании 1863 года. Свидетельство о близости грузинских и польских студентов сохранилось в воспоминаниях Нико Николадзе (190, I, 44-45). Нет сомнения, что А.Церетели, столь живо интересовавшийся польской литературой и оказавшийся в Петербургском университете в центре студенческой жизни, был знаком с передовыми польскими студентами.

В 1875 году А.Церетели написал первую свою историческую поэму "Баграт Великий". Многие исследователи считали, что в "Баграте Великом" ощущается сильное влияние Мицкевича, в частности "Конрада Валленрода". Сходство присутствует даже на сюжетном уровне: пленник Тамерлана, грузинский царь Баграт входит в доверие Тамерлана. Он наводит врага на мысль о покорении Грузии, заманивает к себе на родину его войска, и в конце произведения Баграт вместе с сыном Георгием одерживает победу и освобождает Грузию. Совпадают и некоторые детали. Сопоставимы образы пастыря Исаака, поверенного Баграта Великого, и старца Альбана из поэмы Мицкевича.

Однако анализ текста показал исследователям, что сюжет поэмы взят Церетели из "Картлис цховреба" (191, 248). Тем не менее "Конрад Валленрод" мог быть духовным источником, давшим толчок для создания полотна грузинского классика. Можно предположить, что для первой исторической поэмы А.Церетели избрал

именно тот эпизод из "Картлис цховреба", который напомнил ему столь волновавший в детстве образ героя из "Конрада Валленрода". Основанием для такого предположения может служить признание самого Церетели.

Так, в 1908 году на юбилейном вечере в Баку поэт обратился к представителям бакинской польской колонии со словами: "Мне было двенадцать лет, когда я почувствовал неодолимое желание писать. Во мне возникла какая-то сила, увлекавшая меня вперед к высоким идеалам. Эту силу пробудил во мне волшебник, и этим волшебником был любимый Ваш писатель Мицкевич. Поэтому я всегда с глубоким уважением вспоминаю не только великого писателя, но и народ, взрастивший его" (192).

Знаменательно, что признание классика о столь выдающейся роли польской литературы в его жизни относится не к юным годам, когда еще свежа была в памяти первая встреча с шедевром Мицкевича, а на закате жизни, когда были созданы основные шедевры самого Церетели.

Интерес и любовь к польской литературе прошли через всю творческую жизнь грузинского классика. В 1909 году, через год после выступления в Баку, А. Церетели обратился к переводу "Камо грядеши?" Г. Сенкевича. На сценах Тбилисского и Кутаисского театров с успехом прошла инсценировка Н. И. Соболевичова-Самарина романа Сенкевича. Перевод этой инсценировки "Камо грядеши?" и был выполнен Акакием Церетели. В данном случае нельзя говорить о точности перевода и его соответствии оригиналу, поскольку выполнен он был с русского текста Н. Соболевичова-Самарина. Однако блестящее мастерство А. Церетели проступает сквозь неизбежные потери двойного перевода, и постановка,

в которой текст прозвучал в интерпретации гуринского классика, была с восторгом причита критикой и зрителем. Материал об этой постановке и других инсценировках польских пьес на рубеже XIX и XX веков подробно проанализировала В.Хитарияшвили (1984).

Нельзя не согласиться с утверждением одного из самых проникновенных исследователей творчества А.Церетели Левана Асатиани: "Влияние Мицкевича на Акакия Церетели, и не только на творчество юношеских лет, но и на политическое мировоззрение поэта, вне всякого сомнения" (1970).

Столь серьезный факт, как косвенное участие польской словесности в формировании поэтического мира одного из оригинальнейших мыслителей и писателей Грузии, придает грузино-польским литературным взаимосвязям особую глубину.

4.3. Освоение творчества Генрика Сенкевича в Грузии

В 80-е годы центральной фигурой в освоении польской литературы в Грузии становится Генрик Сенкевич. И это совершенно естественно. Сенкевич завоевал необыкновенную популярность во всей Европе. В России его слава не имеет равных среди польских писателей. Ранние русские переводы Сенкевича датируются 1880 годом. Отметим, что первые переводы в Грузии появляются в том же году практически одновременно, и основой для них служит русский текст.

По сведениям, приведенным профессором Е.Цибенко, первое место по числу изданий в России занимает "Камо грядеши?", изданный 33 раза в шести переводах. "Крестоносцы" появились в печати 23 раза, "Семья Полонезских" была издана 20 раз, четырехтомный роман "Огнем и мечом" и роман "Без догмата" - 19 раз

и т.д. (193, 173-174).

Картина переводов произведений Г. Сенкевича является наиболее показательной для освоения польской литературы в Грузии во второй половине XIX века, поэтому обратимся к обзору переводов. Следует отметить, что темой "Сенкевич и Грузия" интересовались грузинские ученые. Среди их работ выделяется подробная статья В. Хитаришвили (184).

Первый перевод рассказа Г. Сенкевича на грузинский был осуществлен в 1880 году. Это "Из дневника познаньского учителя". Он был опубликован в газете "Дрозба" в переводе Ильи Чкония (194).

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что в переводах значительной части зарубежной литературы (даже если перевод осуществлялся через язык-посредник) в ту пору проявляется большая избирательность. Грузинская общественность остро реагировала на проблематику, актуальную для решения национальных вопросов и созвучную задачам дня. В данном случае следует иметь в виду и то, что рассказ напечатан в "Дрозба", которую с 1869 по 1881 год редактировал известный публицист и общественный деятель демократического направления С. Месхи.

Рассказ посвящен обучению подрастающего поколения в условиях запрета преподавания на родном языке. Проблемы школы и воспитания, а особенно проблема занятий на родном языке были одинаково актуальны для Польши и для Грузии.

Однако в рассказе не могло быть сказано об этом откровенно. Более того, его действие перенесено на территорию прусской части разделенной Польши, отсюда и "познаньский учитель". Тем не менее перенесение действия по цензурным соображениям было

совершенно очевидным как для русского читателя, впервые по этому рассказу познакомившегося с ранним Сенкевичем, так и для читателя грузинского. Рассказ Сенкевича был созвучен многим произведениям грузинской словесности, в частности, перекликался с "Пережитым" А.Церетели и "Цветами нашей жизни" Георгия Церетели, с педагогической позицией Я.Гогебашвиди.

Конечно, невозможно сравнивать объем переводов Сенкевича в России с переводами на грузинский. Однако и в Грузии некоторые произведения польского классика переводятся неоднократно, что по тем временам было явлением довольно редким. Так, "Бартек-победитель", рассказ о трагическом положении польского крестьянства, был переведен сестрами А., Т., Ив. и Ан.Лордкипанидзе в 1883 году (195). В 1903 году повесть вышла отдельным изданием с предисловием.

В том же 1883 году "Картули библиотека" поместила в переводе сестер Лордкипанидзе рассказ "Комедия ошибок" (196).

Особый успех выпал на долю повести "Эскизы углем". Она также посвящена крестьянским проблемам, особенно актуальным для Грузии: бедственное положение крестьян усугубляется в деревне самодурством чиновников. В повести звучит недовольство существующим положением, в ней ощущается ожидание бунта.

Впервые она появилась в том же 1883 году в переводе Нат. Нацваловой (Нацвлишвили) (197). Таким образом, в журнале "Картули библиотека" только за один год было помещено три произведения Сенкевича. Тогда же, в 1883 году повесть была переведена И.Чкония и вошла в том его сочинений, но уже под названием "Сельский писарь Золзикович" (198). Под названием "Писарь Золзикович" она была опубликована и в сборнике "Иностранная

литература" в 1913 году в новом переводе И. Фигулашвили (199).

Значительную часть произведений малых форм у Сенкевича занимают рассказы с сильным патриотическим пафосом. Порой патриотизм проявляется в ностальгии, когда он описывает судьбы оторванных от родины соотечественников. Неудивительно, что некоторые рассказы переведены на грузинский. Отметим "На маяке", помещенный в "Моамбе" (200). Перевел его на грузинский Александр Никитин. Перевод, несомненно, выполнен с русского, но достаточно добросовестно. Правда, встречаются некоторые наивности, к примеру, в тексте, в скобках дается пояснение английских слов. Кроме того, перевод изобилует русицизмами типа "матросеби" и др., что характерно для многих переводов того времени.

И. Зурабишвили поместил в "Моамбе" в 1898 году перевод рассказа "Куравли" (201). Переводчик отмечает, что в прошлом 1897 году исполнилось четверть века литературной деятельности Сенкевича, первое беллетристическое произведение которого "Эскизы углем" было опубликовано 25 лет назад. Официально юбилей 25-летней деятельности Сенкевича широко праздновался в 1900 году. Замечание грузинского переводчика свидетельствует о том, как внимательно он следил за деятельностью польского классика.

Основу многих произведений Сенкевича составили христианские мотивы. Сенкевич специально интересовался историей религии, распространением и судьбами христианства. Для Сенкевича, как и для большинства поляков в конце XIX века, борьба за сохранение религиозных традиций, единение во Христе сплелись с идеями национального самосохранения, национального освобождения. Рассказы на религиозную тематику "Будь благословенна"

(202), "Пойдем за нами" (203) и "На Олимпе" (204) были опубликованы в "Иверии" И.Чавчавадзе. Несомненно, избрав рассказы Сенкевича, в которых польский классик вдохновенно призывал к исполнению заветов Христа, И.Чавчавадзе преследовал важные для себя цели, говорил со своими соотечественниками.

В.Хитаршвили в своей работе о Сенкевиче и Грузии приводит именно к такому выводу о причинах помещения названных рассказов на страницах "Иверии" (184,130).

Однако самым значительным явлением в освоении творчества Сенкевича была публикация романа "Огнем и мечом". Эта первая часть его исторической трилогии вызвала бурную дискуссию в России (193,180-188). Многие критики обвиняли Сенкевича в тенденциозности и националистических настроениях. Действительно, Сенкевич намеренно подчеркивал силу и мощь польского воинства, поднимая дух поляков, потерявших независимость. Он особо подробно описывал битвы, в которых поляки одерживали победы и вскользь касался тех событий, даже весьма решающих, в которых польское войско терпело поражение. Роман в определенном смысле можно считать самым тенденциозным произведением Сенкевича. Но в случае с Сенкевичем мы имеем дело с некоторым парадоксом. Обычно намеренное подчеркивание идейной позиции ведет к ослаблению художественных достоинств произведения. У Сенкевича наблюдалось обратное.

В "Истории польской литературы", к примеру, отмечается: "Творчество Сенкевича, несмотря на кажущуюся простоту и ясность его стиля, по мнению исследователей, с трудом поддается анализу и оценке. Главной причиной этого является сложность эволюции писателя, которая в начале 80-х годов ознаменовалась,

с одной стороны, резким усилением консервативной идейной тенденции, а с другой - расцветом его художественного мастерства" (205, I, 561).

Существует несколько мнений на тот счет, как совместились это в творчестве польского классика. Можно скорее всего согласиться с тем, что основным пафосом его жизни была любовь к родине, определившая его позицию и пронизывающая все его произведения. Любовь к отчизне, потерявшей самостоятельность, питала романы, которые при всей кажущейся тенденциозности наполнены столь сильным чувством веры в ее истинное величие, столь острым желанием в величии ее прошлого черпать надежду на будущее, что исторические произведения Сенкевича исполнены особого обаяния, в них возник сплав реализма с неизбежным романтизмом.

В Грузии, где задачи национально-освободительного движения и борьбы стояли на первом месте, где силы также черпались в великом историческом прошлом, естественно, именно эти произведения Сенкевича стали родными по духу.

Роман "Огнем и мечом" начал публиковаться в 1894 году, печатался весь 1895 и почти весь 1896 год (206). На протяжении двух полных лет было напечатано, как мы подсчитали, 990 страниц самого спорного и самого популярного произведения Сенкевича, которое, несомненно, хотя и было посвящено войнам Польши с Украиной XVII века, накладывалось на настроения грузинской общественности конца XIX века. Столь отдаленное созвучие не вызывает удивления, ибо в истории литературы многие личности и их творения на определенном витке исторической спирали не раз становились необходимыми в самую отдаленную

эпоху.

Перевод романа "Огнем и мечом" был осуществлен Григолом Кипшидзе с русского.¹ Г. Кипшидзе считался хорошим стилистом в переводах с немецкого и французского. Анализировать данный перевод не представляется целесообразным, так как он выполнен с помощью языка-посредника. Отметим лишь, что переведен роман был весьма тщательно, а это представлялось непростою задачей, так как язык Сенкевича даже в русском переводе весьма самобытен, изобилует латинскими текстами.

Основной своей задачи переводчик достиг - для грузинского читателя были воссозданы картины великого прошлого Польши, которые включились в литературный процесс в годы острой идейной борьбы за будущее Грузии и были восприняты в первую очередь не с собственно эстетической стороны, но несли в себе мощный идейно-воспитательный заряд. Роман был выпущен отдельным изданием в следующем году (207).

Знаменательно, что параллельно, в тех же номерах "Моамбе" в 1895 году был опубликован роман польского писателя Теодора Ежа (208) "На рассвете". Он был переведен с русского Тедо Сахокия. Выбор писателя и романа совершенно естественен. Это историческое произведение из цикла "славянских" романов демократа и революционера Т. Ежа. Его идеи о подчинении всех интересов задаче освобождения и расцвета родины полностью созвучны с мыслями шестидесятников. Роман "На рассвете", посвященный освобождению болгар от турецкого ига, оказался необходимым грузинскому читателю.

¹ на русский "Огнем и мечом" был переведен в 1884 году и издан как дополнение к "живописному обозрению" (1884 г.).

Роман "Камо грядеши?" в Грузии имеет иную судьбу. Это произведение об эпохе распространения христианства считается самым совершенным творением Сенкевича. Неудивительно, что оно привлекло самое многогранное внимание грузинских литераторов, удивительно иное - впервые роман появился в грузинском издании лишь в 1964 году. Однако знаком он был грузинской общественности давно.

Как было сказано, роман инсценировал А.Церетели. В 1909 году "Камо грядеши?" был поставлен в Тифлисском грузинском театре режиссером В.Шаликашвили. Существовал и второй перевод текста Соболяцкого-Самарина. Его выполнил Васо Абашидзе. Но общественность оценила выше перевод А.Церетели (184).¹

По-видимому, интерес А.Церетели к роману "Камо грядеши?" сродни интересу И.Чавчавадзе: даже в исторически самом отдаленном фактическом материале они искали ответов на проблемы национальные. Театр, просветительская миссия которого в Грузии была первостепенной, мог представить польского классика грузинскому читателю наиболее широко.

Одновременно над переложением самого романа работал Нико Авалишвили - театральн^{ый} деятель, журналист, переводивший с нескольких европейских языков. Из всех обращений к польской литературе во второй половине XIX века именно работа Н.Авалишвили дает основания предполагать, что перевод был выполнен если не с оригинала, то со знанием оригинала. Н.Авалишвили подолгу бывал за границей: во Франции, Германии, Польше. Вопрос о переводе с польского следует еще уточнить. Именно этот перевод вышел в свет в 1964 году (209).

Назовем еще несколько переводов из Сенкевича, осуществ-

ленных в наши дни (210; 211; 212; 213). Они свидетельствуют об интересе к творчеству польского классика на новом этапе, когда его произведения не столь злободневны, но несут в себе нетленный этический и эстетический заряд, свойственный творениям, в которых каждое поколение открывает что-то новое.

Был ли кто-либо из деятелей грузинской культуры лично знаком с Генриком Сенкевичем, неизвестно. Но несомненен факт, что за его творчеством грузинские общественные деятели следили весьма пристально.

Во время первой мировой войны, когда трагическая ситуация в Польше была в центре внимания многих передовых людей, газета "Теми" опубликовала обращение польского классика к цивилизованному миру. Он взывает о помощи для своей страны, где "в огромном крае от Немана до Карпат распростер свои крила призрак голода..." (214; 215).

Этот отчаянный крик о помощи был услышан А.Церетели, который выступил с обращением к соотечественникам (216). Таков один из непосредственных откликов грузинской общественности на насущные проблемы польского народа, единение через расстояния классиков двух народов.

Помимо переводов произведений и театральных постановок читатель мог познакомиться с творчеством Сенкевича по критическим материалам.

Самой подробной работой является статья из "Иверии", озаглавленная "Генрих Сенкевич" (Фельетон) (217). Подзаголовок объясняется тем, что так называли обзоры, статьи и даже очерки, словом, почти все, что не носило характера официальных сообщений. Автор ее, подписавшийся криптонимом И.А-дзе, как

установлено, - писатель Илья Агладзе. Он проводит в статье опыт обзора жизни и творчества Г.Сенкевича в его целостности. И.Агладзе удалось коснуться многих сторон творчества классика, рассмотреть основную проблематику крупных произведений.

Оценивая выдающееся значение исторических романов писателя, автор выражает позицию грузинской передовой общественности, особо интересовавшейся произведениями патриотического содержания, поскольку прославление великих предков было близко деятелям освободительного движения.

Итак, фигура Г.Сенкевича, начиная с 1880 года, была представлена в грузинской прессе, публицистике и, главное, в переводах наиболее полномерно из всей литературы Польши. Если Мицкевич продолжал оставаться своего рода символом польского народа, то по объему и разнообразию публикаций первое место принадлежит Г.Сенкевичу.

Картина польской литературы в Грузии во второй половине XIX века довольно мозаична. Но в ней есть такие явления, как переводы значительной части наследия Сенкевича, избранный весьма целенаправленно роман Т.Ежа, рассказы Э.Ожешко, Б.Пруса, пьесы Ст.Пшибышовского и Г.Запольской, и многое другое. Пожалуй, ни одна славянская литература не была (кроме, разумеется, русской) представлена читателю столь подробно. И здесь опять-таки сплетаются мотивы прошлого и современности: личные связи с ссыльными, любовь к Мицкевичу, благодарность за один из первых переводов Руставели, словом, та совокупность факторов, которая дает связи неповторимые, возможность общаться с отдаленным народом как с частицей своей собственной судьбы.

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

После окончания второй мировой войны литературные связи грузинского и польского народов обретают, как требовало время, все более планомерный характер. И хотя стиль 50-60-х годов определялся помпезностью декад и дней культур, в грузино-польских контактах продолжает оставаться ведущим личностное начало.

Олиан Тувим в 30-е годы начал работать над переводом "Витязя в тигровой шкуре."

Георгий Леонидзе посвятил стихотворение польским поэтам, посетившим Тбилиси.

Симон Чиковани создал лирический цикл "На польской дороге".

Олиан Тувим обратился к Симону Чиковани с поэтическим посланием.

Таковы первые вехи.

Со знакомства с двумя ведущими грузинскими поэтами той поры - С.Чиковани и Г.Леонидзе - для поляков начинается новый этап в изучении грузинской поэзии: как классической, так и современной.

Исследования переведенных текстов мы проводим в одной из наших работ (224). В данном случае мы не ставим задачей подробный и многосторонний анализ переводов, для более полного представления о картине грузино-польских взаимосвязей, мы приводим факты, определившие уровень литературных контактов на современном этапе. Обратимся к изданиям, которые стали

этапными для освоения поляками грузинской поэзии.

В 1957 году в Тбилиси появляется известный поэт, переводчик и редактор Северия Поляк. Он впервые высказывает мысль об издании "Антологии грузинской поэзии". В том же 1957 году С.Поляк издал сборник "Сто дрифт-поэтов" (218).

В сборнике помещены два стихотворения Галактиона Табидзе в переводе В.Гродзенской, а также стихи П.Яшвили, Т.Табидзе, И.Абашидзе, Г.Абашидзе, И.Гришавили, С.Шаншиавили, И.Мошавили, А.Мирцхулава, Р.Маргиани. Подробнее всего представлена поэзия С.Чиковани и Г.Леонидзе. Сборник сразу стал библиографической редкостью.

"Антология грузинской поэзии" вышла в свет в 1961 году под редакцией известного поэта и переводчика, составителя многих антологий Л.Эпольда Левина (176). От замысла до воплощения - минимальный срок. В создании антологии участвовали лучшие мастера перевода.

Ее отличает высокий профессиональный уровень как переводов, так и редакторской, и издательской стороны. Ее положительно оценил Ярослав Ивашкевич. Справочный аппарат первой антологии очень краток, во вступлении Л.Левин представляет почти всех поэтов, то есть на тех страницах приводит схему истории грузинской поэзии (в нее вошли образцы грузинской поэзии, начиная с "Тамариани" и фольклорных фрагментов до современной поэзии).

Антология вызвала такой резонанс, что встал вопрос о ее переиздании. Л.Левин не стал повторять издания, а взял на себя труд создать совершенно новую антологию. Таким образом вышла в свет "Древняя грузинская поэзия" (220), которая

лишь в нескольких переводах повтoряет первую.

В антологии 1974 года вступление чуть более подробно, в конце приводятся сведения обо всех авторах, составленные Михаилом Квлицидзе. Из XX века представлен только поэзия Галактиона Табидзе.

В 1985 году Лодзинское издательство выпустило антологию "Грузинская поэзия" (168). Это самая значительная по объему антология, куда вошли грузинские поэты с древних времен до наших дней. Литературу XX века представляют 60 авторов. И.Сикирицкий не дожидаясь нескольких месяцев до ухода в свет своего детища. Работу закончил профессор Флориан Неуважный, который предпослал книге вступление о грузинской поэзии. Данное вступление, названное "1500 лет грузинской поэзии", является самоценной статьей, самой подробной и обстоятельной статьей польских филологов о грузинской поэзии в целом. Автор задался целью определить основные тенденции развития поэзии Грузии, познакомить читателя с ее школами и направлениями, создать по возможности цельную картину грузинского поэтического слова. Вступление отличается глубиной и блестящим знанием грузинской поэзии, даже тех имен, которые не находятся на магистральной линии ее развития (223).

Первая антология буквально открыла широкому читателю грузинскую поэзию. Тот факт, что вскоре потребовалось ее переиздание, говорит о том, что поляки восприняли ее как необходимое для себя издание. Его выход, возможно, стимулировал возрождение давних традиций взаимосвязей.

Из поэзии XX века в ней собраны отрывки из произведений и стихи Г.Табидзе, П.Яшвили, Т.Т.Зидзе, В.Гарридашвили,

Г.Леонидзе, С.Чиковани, И.Гришавили, И.Абашидзе, Гр.Абашидзе, Абашели, О.Чиладзе, К.Чичинадзе, А.Гомишвили, К.Каладзе, М.Мачавариани, М.Квливидзе и еще по одному стихотворению нескольких авторов. Для второй антологии, как было сказано, Л.Левин избрал только стихи Г.Табидзе, мотивировав такое решение тем, что Галактион - единственный гений грузинской поэзии XX века, и его стихи должны завершать собрание, названное "Древняя грузинская поэзия".

В третьей антологии И.Сикирицкого, напротив, акцент сделан на советский период, и современная грузинская поэзия представлена весьма подробно: от Галактиона Табидзе до последнего поколения, вошедшего в грузинскую поэзию недавно.

Высокий уровень переводов позволяет судить о них со всей строгостью. Речь идет уже не о констатации факта самого перевода, не о признании его пропагандистской роли, а о переводах художественных, во всяком случае высокопрофессиональных.

Не имея возможности в данной работе анализировать переводы подробно и сославшись на опыт анализа переводов грузинской поэзии XX века (224), в первую очередь поэзии Г.Табидзе, скажем кратко о двух персональных сборниках. Это лирика Г.Леонидзе (222) и С.Чиковани (221). В некотором роде сборники примыкают к первым двум антологиям, так как составлены опять-таки Л.Левин-м.

В их создании участвовали многие лучшие польские переводчики: Анна Каменьска, Северин Полляк, Анатолий Стерн, Мечислава Бучкувна.

Сборник лирики Г.Леонидзе включает 21 стихотворение и называется "Одинокое дерево". Такое дополнительное название

было дано Л.Левиным стихотворения "Оле". Кстати, "Оле" переведено Л.Левиным очень точно, соблюдены все причудливые образы Леонидзе.

В книгу вошли лишь два стихотворения с переводе М.Бучкувны, тогда как в сборнике "Сто тридцать поэтов" было еще несколько ее работ. Они выполнены мастески. Например, перевод стихотворения "Старые поэты", на вошедший в персональный сборник Г.Леонидзе, представляется одним из лучших переводов поэта на польский.

Нам он кажется несравненно более удачным, чем русский перевод С.Клычкова. У М.Бучкувны нет буквальной точности, слепого следования каждой строке. Ее стих звучит свободно, поляками воспринимается как стихотворение на родном языке. В то же время эта свобода используется в рамках перевода данного произведения, а не создания переводчиком нового. Ни одна мысль автора не искажается, ни одна деталь не ускользает. Абсолютный слух на нюансы можно ощутить во всех переводах М.Бучкувны.

Сборник лирики С.Чиковани называется "Под сенью гор" (221). Переводы в нем профессиональны, но мы встречаемся и с удивительным явлением. Е.Загурский перевел два стихотворения С.Чиковани, но перевел фактически Б.Пастернака.

Одно из них "Сомнение", которое у Пастернака названо "Работа" (так же назвал его Загурский). И другое - очень мелодично звучащее го-польски - "Мать поэта". Следует отметить, что таких переводов с русского поэтического текста в антологиях всего несколько и, конечно, они не могут считаться переводами грузинских поэтов.

Следует отметить "Гнездо ласточки" в переводе С.Поляка. Дар Чиковани видеть в конкретном явлении и само явление, и основание для поэтического обобщения очень ярко проступает в этом произведении.

Поэт хочет дать ласточке, вьющей гнездо, лист бумаги со своими стихами, чтобы она устлала им дно для птенцов. Лист со стихами - это и реальный лист, и вся поэзия, которую поэт отдает птице: ведь, может быть, сама поэзия научится лучше летать вместе с птенцами. Это мечта о новых крыльях для мечты. Метафорические образы здесь отличаются истинной органичностью, как и в большинстве случаев у Чиковани.

Перевод, конечно, в данном случае очень сложен. Из-за различия метафорического строя языка образ, естественный для грузинского, может звучать искусственно по-польски, а оригинальный в грузинском - примелькавшимся в польском и т.д. На русский это стихотворение также перевел Б.Пастернак. Но С.Поляк, друг и переводчик Б.Пастернака, отказался с его "помощью" переводить Чиковани. У С.Поляка стихи Чиковани звучат естественно и отличаются точностью, не переходящей в буквальность.

Общий уровень всех трех антологий и персональных сборников весьма высок. Это касается как избранного для перевода материала, так и качества переводов. Поскольку польская переводческая школа требует неукоснительного следования оригиналу, в трех антологиях почти нет случаев нарушения эквилинеарности и обратного строя стиха.

Изучение грузинской поэзии в польских переводах приводит к выводу, что сегодня в Польше грузинская литература

представлена в значительном объеме, основная часть переводов выполнена известными мастерами слова, и три антологии, множество подборок в различных изданиях, сотни переводов, помещенных в периодике, а также персональные сборники являются показателем нового этапа литературных контактов.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пастернак Б. Избранное в двух томах. Москва: Художественная литература, 1985. - Т. I.
2. Вуйцицкий К.В. История польской литературы в очерках. Варшава. Издание второе, 1861 (на польском яз.).
3. Рейхман Я. Кавказ. В кн.: Польша и поляки в цивилизациях мира. Варшава, 1938. - Т. I, с. 269-272 (на польском яз.).
4. Рейхман Я. Поляки в горах Кавказа до конца XIX века. Вершины, 1954, т. XXII. - С. 19-58 (на польском яз.).
5. Рейхман Я. Польские путешественники на Ближнем Востоке в XIX в. Варшава, 1972. - С. 131-188 (на польском яз.).
6. Рейхман Я. Из польско-кавказского прошлого. Восток, II, 1931, № 1/2 (на польском яз.).
7. Улашин Х. О Яне Потоцком и литературе Кавказа. Варшава, 1902. - С. 1-50 (на польском яз.).
8. Видешаль. Кавказские вопросы в европейской политике в 1831-1864 годах. Варшава, 1934 (на польском яз.).
9. Лахв.т В. О польско-грузинских связях. Трибуна Литераторов и Художников, 1939, № 1-2 (на польском яз.).
10. Инглот М. Поляки, писавшие на Кавказе в первой половине XIX в. (Материал к постановке проблемы). Памятник Литерации, 1957, № 1-2. - С. 538-551 (на польском яз.).
11. Инглот М. На ка кавском пути. Акта Университатис Вратиславенсис. Вроцлав, 1979, № 457, - С. 113-120 (на польском яз.).
12. Инглот М. Россия и русские глазами польских кавказцев. Литературные встречи. Вроцлав, 1973. - С. 185-216 (на польском яз.).

13. Барановский Б. Знакомство с Востоком в Польше до конца XVIII века. Лодзь, 1950 (на польском яз.).
14. Барановский Б. Заинтересованность Польши культурой Грузии в XVIII и XIX вв. Польская академия наук. Вроцлав, 1982 (на польском яз.).
15. Кубацкий В. Мальвы на Кавказе. Варшава, 1969 (на польском яз.).
16. Живов М. Польские певцы Кавказа. Литературная Грузия, 1957, № 6, - С. 67-79.
17. Живов М. Польские "кавказские" поэты (биографические материалы). Памятник Литературы, 1959, вып. 3/4. - С. 563-591 (на польском яз.).
18. Цындадзе Я. Материалы к истории взаимоотношений Польши и Грузии. Тбилиси, 1965 (на грузинском яз.).
19. Хуцишвили И. Из истории грузино-польских связей. Тбилиси, 1959 (на грузинском яз.).
20. Оцхели В. Польско-грузинские литературные связи в XIX веке (до 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, МГУ, 1975.
21. Челидзе Дж. Грузино-польские литературные взаимосвязи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1975 (на грузинском яз.).
22. Равич С. Жизнь и творчество польского поэта Заблоцкого в Грузии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1971.
23. Равич С. Жизнь и творчество польского поэта Заблоцкого в Грузии. Труды Тбилисского педагогического института иностранных языков, 1970, т. XI-XII.

13. Барановский Б. Знакомство с Востоком в Польше до конца XVIII века. Лодзь, 1950 (на польском яз.).
14. Барановский Б. Заинтересованность Польши культурой Грузии в XVIII и XIX вв. Польская академия наук. Вроцлав, 1982 (на польском яз.).
15. Кубацкий В. Мальвы на Кавказе. Варшава, 1969 (на польском яз.).
16. Живов М. Польские певцы Кавказа. Литературная Грузия, 1957, № 6, - С. 67-79.
17. Живов М. Польские "кавказские" поэты (биографические материалы). Памятник Литературы, 1959, вып. 3/4. - С. 563-591 (на польском яз.).
18. Цинцадзе Я. Материалы к истории взаимоотношений Польши и Грузии. Тбилиси, 1965 (на грузинском яз.).
19. Хуцишвили К. Из истории грузино-польских связей. Тбилиси, 1959 (на грузинском яз.).
20. Опхели В. Польско-грузинские литературные связи в XIX веке (до 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, МГУ, 1975.
21. Челидзе Дж. Грузино-польские литературные взаимосвязи в XIX веке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1975 (на грузинском яз.).
22. Равич С. Жизнь и творчество польского поэта Заблоцкого в Грузии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1971.
23. Равич С. Жизнь и творчество польского поэта Заблоцкого в Грузии. Труды Тбилисского педагогического института иностранных языков, 1970, т. XI-XII.

24. Равич С. К вопросу об изучении жизни и творчества Тадеуша Лады-Заблоцкого. Тезисы докладов научной сессии Тбилисского пед. института иностр. яз., Тбилиси, 1968.
25. Падури В. Войцех Потоцкий и его русско-кавказские связи. В кн.: Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Ленинград: Наука, 1983. - С. 162-188.
26. Прокофьева Д. Поэзия "кавказской группы" польских поэтов. В кн.: Польский романтизм и славянские литературы. Москва, 1973. - С. 213-222.
27. Прокофьева Д. Об одном стихотворении Тадеуша Лады-Заблоцкого. Советское славяноведение, 1976, № 4.
28. Прокофьева Д. Думы и предположения. Александр Одолевский и Тадеуш Лада-Заблоцкий. В кн.: Традиция и современность. Польско-русское литературное родство. Вроцлав, 1979. - С. 121-128 (на польском яз.).
29. Дьяков В. Тадеуш Лада Заблоцкий и студенческое Польское литературное общество в свете новых архивных материалов. Памятник Литературе. 1978, № 2 (на польском яз.).
30. Дьяков В. Нелегальная деятельность Заливского и ее отзвуки (1832-1935). Варшава, 1979 (на польском яз.).
31. Янион М. Разбитых арф недозвучавший звук (к столетнему романтического тома поэзии). Творчество, 1986, № 3, - С. 73-87 (на польском яз.).
32. Заводзинский К. К столетия романтического тома поэзии. Творчество, 1946, № 10. - С. 121-135 (на польском яз.).
33. Поляновский Т. Модель человека в стихах Лады-Заблоцкого. Рочники Хуманістичне, 1973, т. XXI, № 1 (на польском яз.).
34. Сосновская Д. Польские отношения с Кавказа 30-60-х годов

- XIX века и русская литература. Кандидатская диссертация, машинопись - 200 с. Ольштын, 1984. (на польском яз.).
35. Оссовская Д. Сотрудничество поляков, сосланных на Кавказ, с польскими литературными журналами первой половины XIX века. Славия Ориенталис, 1984, № I. - С.55-62, (на польском яз.).
36. Оссовская Д. Война и военная служба как предмет литературного описания в реляциях кавказских ссыльных. Труды Высшей педагогической школы в Ольштыне. Польская филология, 1988, № I. - С. 48-62 (на польском яз.).
37. Оссовская Д. О поэзии кавказской ссылки. Труды Высшей педагогической школы в Ольштыне, 1989, № 10. - С. 23-41 (на польском яз.).
38. Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в. В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. Москва, 1979. - С.248-262.
39. Сванидзе М. Грузия, страны Причерноморья и Восточной Европы в первой половине XVII в. В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв. Москва, 1979. - С. 263-287.
40. Рейхман Я. Ориенталистические интересы в кругу мицкевича в Вильне и Петербурге. В кн.: Очерки из истории польской ориенталистики. Варшава, 1957. - С. 69-94 (на польском яз.).
41. Треновский Б. Вместо предисловия. В кн.: Гордон Я. Картины царизма. Липск, 1863. - С. 7 (на польском яз.).
42. Рейхман Я. Внятная загадка забытого ссыльного поэта. Творчество, 1954, № 6 (на польском яз.).
43. Дюрр-Дюрский Я. Тадеуш Лада-Заблоцкий в биографической перекраске. Творчество, 1947, № 7/8, - С. 85-90 (на польском яз.).
44. Поляков м. Студенческие годы Белинского. Литературное наследие. Москва, 1950, т. 56.

45. Полонский И. Стихотворения. Москва, 1954. - С. 15.
46. "Кавказ", 16.УШ.1847, № 33.
47. Польский биографический словарь. Вроцлав - Варшава - Краков (различные тома) (на польском яз.).
48. "Памятник науково-литераций", 1849, т. I, вып I (на польском яз.).
49. "Библиотека Варшавская", 1843, т. 3 (на польском яз.).
50. "Памятник науково-литераций", 1850, т. 2, вып. 6 (на польском яз.).
51. "Кавказ", 26.Х.1846.
52. Стшельницкий Вл. Собрание сочинений в четырех томах: Махмудек. Два уздения. Поэзия. Очерки Кавказа. Житомир, 1860 (на польском яз.).
53. Гомулицкий Ю. Бедный Альбрик. Столица, 1960, № 26 (на польском яз.).
54. Гомулицкий Ю. К отъезду молодого поэта. Трибуна литературы, 1958, № 39 (на польском яз.).
55. Гомулицкий Ю. О неизвестной драме Норвега. Памятник Театральный, 1961. - С. 202-203 (на польском яз.).
56. Гомулицкий Ю. Потсцкий Войцех. Польский биографический словарь, 1984-85, т. XXVШ (на польском яз.).
57. Сапога И. Воспоминания. Львов, 1914. - С. 30 (на польск.яз.).
58. Краткий каталог тифлисской публичной библиотеки (1846-1861). Составил А.П.Барже. Тифлис, 1861.
59. Гралевский М. Кавказ. Воспоминания о 12-летней плени. Львов, 1877 (на польском яз.).
60. Гралевский М. Несколько слов о грузинах. Братерство. Бенедикто, 1865, № 3 (на польском яз.).

61. Гралевский М. Мысли о наших действиях на родине и за границей. Липск, 1865 (на польском яз.).
62. Гиллер А. Поляки на Кавказе. Доклад Матеуша Гралевского. Дзєнник Литєрацкий, 1869, год ХУІ. - С. 837-839 (на польск.яз.).
63. В/асилевский/ З. Посмертные воспоминания о М. Г-м. Висла, УІ. - С. 1005 (на польском яз.).
64. Анджейкович М. Очерки Кавказа. Варшава, 1959 (на польск.яз.).
65. Оссовская Д. К проблеме "путешественнических" форм периода романтизма ("Очерки Кавказа" М.Буготва-Анджейковича). Труды Высшей Педагогической школы в Ольштыне. Руссистика. 1980 - С. 47-63 (на польском яз.).
66. Заблоцкий (Лада) Т. Поэзия. Петербург, 1845 (на польск.яз.).
67. Петрашкевич Кс. Кавказские сонеты. Дзєнник домовы. 1841, т. 2, № 26 (на польском яз.). Отрывки из дневника. Там же
68. Малаховская М. Ксаверий Петрашкевич. Жизнь и мысли. Варшава, 1935 (на польском яз.).
69. "Край" Петербург, 1884, № 20 (на польском языке).
70. Оргельбранд С. Общая энциклопедия. Т.27, с. 157-158 (на польском яз.).
71. Хмелевский П. Воспоминания. Атенеум, 1897 (на польском яз.).
72. Некролог. Время, 1897, № 63 (на польском яз.).
73. Давид В. Техе или разгром аула Дубы. Библиотека Варшавская, 1859, т. 3; 1858, т. 3 (на польском яз.).
74. Давид В. Три казакских предания. Библиотека Варшавская; 1859, т. 3; 1855, т. 2 (на польском яз.).
75. Зеленский Я. Отрывки из дневника. Дзєнник Варшавский, 1853, № 316, 320; 1854, № 65 (на польском яз.).
76. Стшельницкий. Поэзия. Т. Ш, Еитомир, 1860 (на польском яз.).

77. Адольф из Бельска. Рецензия. Паментник науково-литерацкии, 1850, т. II, вып. 4 (на польском яз.).
78. Потоцкий В. Стих на смерть Владислава Стшельницкого. Рубон, 1849, т. 10 (на польском яз.).
79. Заблоцкий Т. Библиотека Варшавская, 1843, № 3 (на польск.).
80. Винницкий С. Отрывок из повести "Артем Попович", Атенеум, 1842, т. 6 (на польском яз.).
82. Стшельницкий Вл. Отрывок из начатых очерков о Кавказе. Рубон, 1849, т. 10 (на польском яз.).
81. Заблоцкий Т. Стихи. Атенеум, 1844, т. 3 (на польском яз.).
83. Ниниевский. Шаломничество к могиле А. Грибоедова на гору Святого Давида в Тифлисе первого дня 1842 года. Библиотека Варшавская, 1843, т. 3 (на польском яз.).
84. Подбереский Р. Предисловие, Рочник Литерацкии, 1849. - С. 10 (на польском яз.).
85. Эгохельский Ч. Издательские принципы в отношении литературы первой половины XIX века. Рух литерацкии, Краков, 1968, № 2 (на польском яз.).
86. Неупокоева И. Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей. В кн.: Европейский романтизм. Москва, 1973.
87. Неупокоева И. Язык мировой поэтической классики. Н. Бараташвили и европейская поэзия. Литературная Грузия, 1969, № I
88. Квеселава М. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. Тбилиси, 1956 (на грузинском яз.).
89. Оцхели В. Адам Мицкевич в грузинской литературе XIX века. В кн.: Романтизм в славянских литературах. Москва, МГУ, 1973.
90. Стахеев Б. О польском романтизме в сопоставлении с русским

романтизмом. В кн.: Польский романтизм и восточнославянские литературы. Москва, 1973. - С. 5 - 16.

91. Меунаргия И. Жизнь и поэзия князя Николоза Бараташвили. Иверия, 1893, № 85-103 (на грузинском яз.).

92. Бараташвили Н. Стихотворения. Поэма. Письма. Тбилиси, 1968.

93. Абашидзе К. Князь Николоз Бараташвили. Этюды. Тбилиси, 1970 (на грузинском яз.).

94. Меунаргия И. Жизнь и поэзия Николоза Бараташвили. Тбилиси, 1968. - С. 77-81 (на грузинском яз.).

95. Котетишвили В. История грузинской литературы (XIX в.). Тбилиси, 1959 (на грузинском яз.).

96. Дадияни Дж. Николоз Бараташвили. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

97. Ингороква П. Собрание сочинения, 1963, т. I (на грузин. яз.).

98. Асатиани Г., Буачидзе Т. Грузинские романтики. В кн.: Грузинские романтики. Москва, 1978

99. Хитаршвили (Оцхели) В. "Фарис" Мицкевича и "Мерани" Бараташвили. В кн.: Польский романтизм и восточнославянские литературы. Москва, 1973. - С. 223-229.

100. Мицкевич А. Собрание сочинений в 5-ти томах. Москва, 1948, т. I.

101. Бараташвили Н. Стихотворения. Подстрочный перевод с грузинского А. Абашели, Мариджан, К. Надирадзе. Тбилиси, 1968.

102. Чиковани С. Избранные статьи. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).

103. Асатиани Г. "Мерани" и его автор. В кн.: Асатиани Г. Классики и современники. Тбилиси, 1978.

104. Асатиани Г. "Одиссея духа". Дружба народов, 1963, № 9.

105. Хихадзе Л. Из истории восприятия русской литературы в Грузии. Тбилиси, 1978.

144. Болховитинов Е. Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. СПб., 1802.
145. "Мацне", 1966, № 5. - С. 211 (на грузинском яз.).
146. К.Р.-дт. Шота Руставели, георгианский поэт. Литовский календарь на 1831 г. Издан Л.Климашевским, Вильно, 1830. - С. 149-160 (на польском яз.).
147. Рейхман Я. О переводах Руставели. Жиче Литерацке, 1953, 29. III (на польском яз.).
148. Рейхман Я. Из польско-грузинских литературных отношений в XIX веке. Пшеглэчд Хуманисичны, 1961, № 3 (на польском яз.).
149. Рейхман Я. Шедевр Руставели в Польше. Пшеглэчд Ориенталистичны, 1966, № 4. - С. 283 (на польском яз.).
150. Рейхман Я. Из истории персидской литературы в Польше. В кн.: Восток в польской литературе. Вроцлав-Варшава, 1970. - С. 51-65 (на польском яз.).
151. "Висла", 1892, т. VI. - С. 1004 (на польском яз.).
152. Ляпчиньский К. Из Тифлиса под Арарат. Иллюстрированный ежегодник, 1866, т. I4 (на польском яз.).
153. Ляпчиньский К. Ватага. Воспоминание о побережье Каспийского моря. Иллюстрированный ежегодник, 1865, т. II.
154. Ляпчиньский К. Переезд через вершины Кавказа. Библиотека Варшавская, 1868, т. II (на польском яз.).
155. Слюсарский А. К.Л. Посмертные воспоминания. Вшехвят, 1892, т. I2, с. 4 (на польском яз.).
156. Гарелек С. Библиография польской этнографии. Краков, 1914 (на польском яз.).
157. Грыневецкий Б. Развитие ботаники в Польше. Краков, 1948 (на польском яз.).

158. Трушковский Д. Создаетли социологии растений. Вшехсвят, 1896. - С. 108 (на польском яз.).
159. Лапчинский К. Несколько вступительных слов. Библиотека Варшавская, 1863, т. IV. - С. I-18.
- Шкура тигра. Грузинская поэма XII века, отчасти в переводе, отчасти в пересказе. Представил К. Лапчинский. Библиотека Варшавская, 1863, т. IV. - С. 19-38; 250-292; 495-514 (на польском яз.).
160. "Кавказ", 1846, № 15.
161. "Закавказский вестник", 1850, № 41 и 42.
162. Богомолов И. Тропой друзей. Тбилиси, 1984.
163. Лейст А. Очерки из Грузии. Варшава, 1885 (на польск. яз.).
164. Шота Руставели. Варшава, 1937 (сборник статей) (на польском яз.).
165. Браун Я. Новый перевод "Вепхисткаосани" на польский язык. Литератури газети, 1958, № 36 (на грузинском яз.).
166. Тувим Д. Четверостишие на верстаке. В кн.: Мастерство перевода - 1964. Москва, 1965. - С. 340-359.
167. "Пшиазнь", 1959, № 39-42 (на польском яз.).
168. Грузинская поэзия. Антология. Составитель И. Сикирицкий. Предисловие Фл. Неуважного. Лодзь, 1985 (на польском яз.).
169. Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Переложил на польский И. Сикирицкий. Варшава, 1961 (на польском яз.).
170. Сикирицкий И. Шота Руставели, создатель "Витязя в тигровой шкуре". Пшиазнь, 1959, № 39 (на польском яз.).
171. Сикирицкий И. О необыкновенном юбилее. Одглосы, 1966, № 42 (на польском яз.).
172. Сикирицкий И. Шота, сын Чиабера. Панорама, 1966, № 253

(на польском яз.).

173. Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Переложил на польский И. Сикирицкий. Варшава, 1978 (на польском яз.).

174. Квливидзе М. Герштенблит А. Друг грузинской культуры. Коммунисти, 1985, № 21 (на грузинском яз.).

175. Витязь в тигровой шкуре. Перевод фрагментов, травестация и вступительное слово Е. Загурского, Краков, 1966 (на польск. яз.).

176. Антология грузинской поэзии. Составитель Л. Левин. Варшава, 1961 (на польском яз.).

177. Загурский Е. Исповедь гремника. Литературная Грузия, 1966, № 4. - С. 95-96.

178. Шота Руставели. Рыцарь в тигровой шкуре. Перевод Е. Загурского. Краков, 1976 (на польском яз.).

179. Амиранашвили Ш. Грузинское искусство. Варшава, 1972 (на польском яз.).

180. Филина М. Рыцарь переводческого дела. Литературная Грузия, 1985, № 9. - С. 191-196.

181. Филина М. Материалы Республиканской конференции молодых ученых-филологов. Тбилиси, 1988.

182. Хуцишвили Я. Из истории грузино-польских отношений (60-е годы XIX века). Тбилиси, 1959 (на грузинском яз.).

183. Хитаршвили В. Грузинская литература в Польше на рубеже XIX и XX веков. В кн.: Традиция и новаторство в славянских литературах в XX веке. Варшава, 1976, - С. 263-278 (на польском яз.).

184. Хитаршвили В. Генрик Сенкевич в Грузии. Пшегленд Хуманистични. 1974, год ХУШ, 1974, № 2. - С. 125-135 (на польском яз.).

185. Накашидзе П. Путевые письма. Сакартвелос моамбе, Тбилиси, 1863, т. П. - С. 41-50 (на грузинском яз.).
186. Филина М. "Путевые письма" Петра Накашидзе о Польше. Материалы II Республиканской конференции молодых ученых, Тбилиси, 1989. - С. 78-81.
187. "Иверия", 1886, № 13-14 (на грузинском яз.).
188. "Ичерия", 1898, 24.XII (на грузинском яз.).
189. Церетели А. Перезитое. Тбилиси, 1953 (на грузинском яз.).
190. Николадзе Н. Избранные сочинения, Тбилиси, 1951, т. I (на грузинском яз.).
191. Асатиани Л. Жизнь Акакия Церетели. Тбилиси, 1971.
192. "Наш голос", 1909, № I (на грузинском яз.).
193. Цыбенко Е. Из истории польско-русских литературных связей XIX-XX вв. Москва: МГУ, 1978
194. "Дрозда", 1880, № 90; 92; 95; 96 (на грузинском яз.).
195. "Картули библиотека", 1883, № 2 (на грузинском яз.).
196. "Картули библиотека", 1883, № 9-10 (на грузинском яз.).
197. "Картули библиотека", 1883, № 8 (на грузинском яз.).
198. Чкония И. Сочинения. Тбилиси, 1913 (на грузинском яз.).
199. "Уцхоетис мцэрлоба" ("Иностранная литература"). Тбилиси, 1913 (на грузинском яз.).
200. "Моамбе", 1894, № I. - С. 53-69 (на грузинском яз.).
201. "Моамбе", 1898, № 15. - С. 49-52 (на грузинском яз.).
202. "Иверия", 1893, № 135 (на грузинском яз.).
203. "Иверия", 1893, № 62-64 (на грузинском яз.).
204. "Иверия", 1900, № 178 (на грузинском яз.).
205. История польской литературы. Москва, 1968, т. I.
206. "Моамбе", 1894, с № II; 1895; 1896 (до № 9) (на груз. яз.).

207. Сенкевич Г. Огнем и мечом. Тбилиси, 1897 (на груз.яз.).
208. "Мовмбе", 1895, № 3-9; IC-12 (на грузинском яз.).
209. Сенкевич Г. Камо грядеши? Тбилиси, 1964 (на грузинском яз.).
210. Польская новелла. Тбилиси, 1954 (на грузинском яз.).
211. Польская поэзия и проза. Тбилиси, 1959 (на груз.яз.).
212. Сенкевич Г. Старый слуга. Тбилиси, 1968 (на груз.яз.).
213. Сенкевич Г. Крестоносцы. Тбилиси, 1971 (на грузин.яз.).
214. "Теми", 1915, 30.Ш (на грузинском яз.).
215. Сенкевич.Г. Забытые и неизданные сочинения. Львов-Варшава-Краков, 1922, (на польском яз.).
216. Церетели А. Избранные сочинения, Тбилиси, 1958, т. XIV (на грузинском яз.).
217. "Иверия", 1900, № 279 (на грузинском яз.).
218. Сто тридцать поэтов. Избранная поэзия советских народов. С.Полляк, Варшава, 1957 (на польском яз.).
219. У друзей. Составитель Л.Левин. Краков, 1961 (на польск.яз.).
220. Древняя грузинская поэзия. Варшава, 1974. Редакция и вступление Л.Левина. Составление и примечание М.Квливидзе (на польском яз.).
221. ЧикованиС.Под сенью гор. Варшава, 1962 (на польском яз.).
222. Леонидзе Г. Одинокое дерево. Варшава, 1964 (на польском)
223. Неуважный Фл. 1500 лет грузинской поэзии. В кн.: Грузинская поэзия. Антология. Составитель И.Сикирицкий. Лодзинское издательство, 1985 (на польском языке).
224. Филина М. Переводы грузинской советской поэзии на польский язык. В кн.: Мегаброба, № 3. Тбилиси; 1981. - С.195-220

СО Д Е Р Ж А Н И Е

стр.

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ССЫЛЬНЫХ ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРА- ТОРОВ В ГРУЗИИ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА.....	13
ГЛАВА II. АДАМ МИЦКЕВИЧ И ГРУЗИНСКАЯ КУЛЬТУРА	100
ГЛАВА III. ПОЭМА ШОТА РУСТАВЕЛИ В ПОЛЬСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ..	134
ГЛАВА IV. ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И ГРУЗИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ.....	166
ГЛАВА V. ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	185
СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	192

ტილინა მარჩამ ანატოლის ასული

XIX-XX საუკუნეების ქართულ-პოლონური ლიტერატურული
ურთიერთობანი
/რუსულ ენაზე/
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
თბილისი 1991

Редактор издательства Л. Абуашвили
№ 1733
Подписано в печать 10.04.91

Бумага 60 x 84 1/16

Уол. печ. л. 13, Уч.-изд. л. 8, 7

Тираж 300 Заказ 583

Цена 35 коп.

Издательство Тбилисского университета,
380028, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 14
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Тбилисская книжная фабрика им. И. Чавчавадзе
Государственного комитета Грузинской Республики
по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, пр. Дружбы, № 7.

საქართველოს : გამომცემლობათა, პოლიგრაფიისა და
წიგნის ვაჭრობის საქმეთა სახელმწიფო კომიტეტის
თბილისის ი. ჭავჭავაძის სახ. წიგნის ფაბრიკა,
მეგობრობის გამზ. №7.

